

Индиран Диор и тайна затерянного храма

С древних дней прошло больше десяти тысяч лет. В Средиземье пришел век пара и науки, люди собирают разрозненные сведения о забытом древнем прошлом, буквально выкапывая его из-под земли. И вот странный сияющий Камень поднимают из вод, а двое археологов пускаются за ним в путь к затерянному древнему храму, чтобы найти ответы на свои вопросы, вместе со странным проводником, который явно знает гораздо больше, чем показывает. И найдут они много больше, чем рассчитывают...

Индиран Диор и тайна затерянного храма

— Стрела! Профессор, наконечник стрелы! — закричали от раскопа, и профессор Аэлин Верен, оставив записи, поспешила к шурфу.

Двое рабочих отдыхали, а студенты уже передавали друг другу их находку.

— Вы должны были хотя бы примерно зарисовать положение находки! — строго сказала профессор. — Почему столько шуму, вы не опознали ее?

— Я записала глубину и расстояние от стены! — доложила Нимери тоном школьной отличницы. Протянула находку руководителю экспедиции. Профессор повертела наконечник, с досадой растерла пальцами древесную труху, сыпавшуюся с насадки.

— Эпоха Гаваней, скорее период упадка, о чем говорит упрощенная форма наконечника. Кто-то забрел в ненаселенные тогда земли, вероятно, на охоту. Нам повезло. Продолжайте, — она махнула рукой, и рабочие вновь принялись копать. Шурф ушел уже довольно глубоко, рабочие скрылись в нем с головой, а найденная стена все не заканчивалась.

Нимери прилежно побежала записывать находку в журнал, а профессор все ещё вертела в пальцах одинокий наконечник стрелы. Такая благоприятная местность — и такое отсутствие культурного слоя на протяжении тысяч лет!

Но стена — вот она. И идет прямо в воду. Словно вправду должна продолжиться именно туда.

— Профессор, — смущенно спросил вечно осторожный кудрявый Дрого, — но ведь если каждый раскоп будет требовать столько времени, мы не сможем проверить, действительно ли стена уходит под воду, как вы предположили.

— Археология, дорогой мой Дрого, дисциплина неспешная и учит нас терпению, — улыбнулась профессор. — А для революционных гипотез нужны веские основания, иначе никто в научном обществе не воспримет всерьез очередную сенсацию. Мало ли таких сенсаций всплывает каждый год в газетах Нового Южного Умбара!

Некоторые студенты засмеялись.

— С борта парохода видели морского змея!

— Древние эльфы строили пирамиды Северного Кханда!

— Раскрыт секрет нуменорского строительного раствора, покупайте наше открытие!

— Профессор Индиран раскопал заброшенный храм Всеотца в пустошах южного Рун!

— Рыбаки Кханда выловили Сильмарилл! — воодушевился Дрого.

— Это они хватили через край, — засмеялась профессор Аэлин.

— Но об этом правда написали! — настаивал Дрого. Он сбегал к палаткам и вернулся, разворачивая очень плотно сложенную газету, пачкая руки в краске.

— "Прибрежные вести"... Молодой человек, пожалейте деньги.

И все же студенты жадно развернули мятую дешёвую газетенку.

— Перепечатано из умбарской "Утренней столицы"... Рыбаки из Имара, города в северной части Кханда, выловили огромного морского сома, в желудке которой при потрошении обнаружили... ярко сияющий гранёный камень величиной с женский кулак. Капитан корабля спрятал находку в сейф и приказал матросам молчать. Однако через два дня после возвращения капитан был найден мертвым, его сейф оказался взломан и пуст. Полиция Имара ищет людей в белых бурнусах, покинувших город на рассвете того дня через

ожные ворота, верхом, и направившихся по дороге на юго-восток в джунгли. Известный собиратель древностей Инзильмар Марен объявил награду за известия о находке и полагает, что это может быть Аркенстон из сказаний о наугрим, некогда якобы находившийся в могильниках Одинокой горы. Ему категорически возражает профессор Индиран Диор и утверждает, что речь может идти о том самом Сильмарилле, упомянутом в знаменитом списке древней поэмы "Нолдолантэ"...

На читавшего зашипели. Отношение научной руководительницы к Индирану Умбарскому было всем хорошо известно.

Аэлин презрительно хмыкнула.

— Разумеется, это не может быть Сильмарилл. Даже если бы он существовал, он был бы брошен в море с побережья затонувшего Белерианда, с северо-западной оконечности нашего материка. Некоторые шансы я могла бы дать рыбакам здешнего побережья, которые ходят далеко в океан и даже к самым плавучим льдам. Но уж никак не диким кхандцам с их жалкими тростниковыми лодками и немногочисленными деревянными кораблями, построенными в подражание старинным умбарским.

— Вы в этот раз не добавили "мифического Белерианда", профессор... — робко сказала Нимери.

— Потому что я больше не считаю его погружение чистым мифом. Если наши раскопки докажут опускание дна хотя бы в этом регионе, можно будет осторожно предположить, что некая катастрофа действительно произошла, и какие-то древние постройки ушли под воду. Но чтобы это доказать, придётся много работать и набраться терпения! Возвращаемся к делу!

Юноши нехотя вернулись к раскопу и принялись вытаскивать из него новые ведра земли и перебрасывать ее в мешки, чтобы оттащить с холма прочь. Нимери вернулась к зарисовкам, присев на складной стул.

От воды медленно поднялись ещё двое студентов с мокрыми волосами.

— Профессор, там я видел... — начал один из них, второй его одернул и продолжил медленнее и осторожнее:

— Мне показалось, мы разглядели под водой две темные полосы, похожие на стены, которые пересекаются в одном месте под прямым углом.

— Очень похоже на угол крепостной стены! — выпалил первый. — И выступ чуть дальше! Выступ, сложенный из камня!

— Весьма похоже, что сложенный из камня, — уточнил второй. — Он шел... уступами. — И выразительно показал ладонями, как.

— Запишите, на каком расстоянии от берега это было. Надеюсь, вы измеряли расстояние?

— Конечно, профессор! — обиделся второй.

— И отдельно зарисуйте по памяти увиденное.

Вернувшись к шурфу, она мысленно измерила его глубину. Стало неудобно. Качество и сохранность обнажившейся кладки, скорее, свидетельствовало в пользу ее нуменорского происхождения, но глубина росла, фундамент все ещё не обнажился — сколько же тысяч лет стояла заброшенной эта постройка?

Земляные работы обещали быть обильными. Придется нанять нескольких мужчин из рыбацких поселков для этого, иначе углубления будут происходить слишком долго.

Наконец, много времени спустя, лопата рабочего снова скрежетнула обо что-то

металлическое. Одновременно под сапогом другого хрустнуло. Рабочих немедленно вытащили, и вниз спустились двое студентов с инструментами.

— Похоже на фрагмент доспеха, — доложил один из них. — Оно изогнутое, и вот маленькие куски металла... Может быть, накладки на перчатку?

— Это керамика! — обрадовался другой. — Половина доньшка сосуда! И тут есть другие осколки, только отодвинуться почти некуда... На доньшке какой-то знак! Эх, обломался по большей части. Но похож на крючок какой-то тенгвы*. Ох, тут еще железяка, изоржавленная вся... — студент попытался извернуться в шурфе, чтобы не наступить ни на керамику, ни на железяку, получалось плохо. — Кажется, она была с крючьями, как гарпун. Надо расширяться, профессор, иначе мы тут все передавим. А еще тут угли.

— Сколько же времени оно тут простояло? — спросил неугомонный Дрого самое неудобное. Неудобное профессор привыкла признавать, а не игнорировать.

— Я в затруднении, — созналась она, в который раз меряя взглядом глубину ямы. — Я определяю эту кладку как вариацию нуменорской, хотя бы по ее сохранности и прочности. При этом размер камней заметно меньше, чем в классических нуменорских постройках. И эта глубина... Я не могу с уверенностью оценить, с какой скоростью здесь накапливались отложения, возможно, быстрее из-за приморской влажности, но, если сопоставлять с накоплением почвы в других объектах Эриада, то возраст этой крепости... Превышает возраст даже ранних нуменорских построек побережья. По крайней мере — не меньше них.

— Вы это предполагали, да? Профессор?? — Нимери в нетерпении осторожно дернула ее за рукав — непривычная для девочки настойчивость.

Нет, она не это предполагала...

— Я предполагала региональную позднуменорскую постройку по первым привезенным фотографиям расчищенной кладки, — пояснила Аэлин. — На ней кладка выглядела крупнее. И я рассчитывала на долговременное заселение крепости и ее окрестностей в конце раннуменорской эпохи или начале позднуменорской. Но такое впечатление, что я ошиблась не менее чем на целую эпоху.

— Да это же потрясающе! — возопил Дрого, едва не приплясывая.

— Вы не ошиблись, профессор, — возразил Каэл, — вы скорректировали свои оценки!

— Грубая лесть, дорогой Каэл, плохой научный инструмент. На сегодня достаточно! Растяните брезент над шурфом. Завтра будем расширять площади.

— А как же траншея вдоль стены?

— Мы начнем ее, когда вызовем дополнительных рабочих с той стороны залива. Иначе нам сил не хватит.

— Но вы же отпустите нас расчистить тот камень? — замялся Нарин.

— Отпущу, если завтра выполните дневное задание, — пообещала профессор. Если уж студенту взбрело в голову, что на вершине соседнего холма установлен тесаный камень, пусть проверяет. Если он ошибётся — то просто растратит немного юношеской дури, если что-то найдет — принесет пользу всей экспедиции.

Завтра, по хорошему освещению, она лично заснимет глубину раскопа. Очень интересно спросить у коллег-натуралистов, как они оценят время накопления слоя такой толщины.

Мысль о том, что заброшенная крепость на севере Линдена может оказаться старше, чем любые известные нуменорские поселения, чрезвычайно смущала. Профессор Аэлин Верен, с одной стороны, была бы рада совершить подобного уровня открытие. Но с другой стороны, ей очень не хотелось породить ещё одну сенсацию в стиле, прости Всеотец,

Индирана Диора, любимца публики.

В том числе потому, что ведь профессор Индиран непременно явится сюда, если до него донесутся такие новости, выдвинет ещё две-три сумасшедших теории, привлечет газетчиков... Бррр, нет. Ей нужна спокойная, обстоятельная работа, чтобы проверить возможность опускания побережья и найти способы разумной датировки возраста постройки.

И никаких дутых сенсаций!

—

Прим.: тенгвы — буквы алфавита эльфов-нолдор, округлые и с хвостиками. Изобретены еще до начала Первой эпохи, принесены нолдор в Средиземье в Первую эпоху, употреблялись и позднее для языка эльфов синдарина.

Глава 1

— А вы наглец, Индиран! — вскинув голову, сказала симпатичная, но чопорная дама среднего возраста в очках, с гладкими темными волосами. Очки и модные перчатки плохо сочетались с ее тропическим песочного цвета мужским костюмом, но даму это нисколько не смущало. За ее плечом маячил невысокий, крепкий круглолицый юноша с крупным мясистым носом, сейчас откровенно смущенный.

— Как будто вы раньше этого не знали, — самодовольно сказал плечистый бронзовокожий мужчина средних лет, в широкополой шляпе по моде южных территорий Нового Большого Умбара. — Как бы то ни было, я уже арендовал это судно, и, если вы не хотите плыть в верховья Гэлханда на прогулочной лодочке, вам придется принять мои условия.

— Это вам придется принимать мои условия, Индиран. Потому что это я нашла проводника, который бывал в местах, куда боятся заходить даже весьма дикие кхандцы. И если даже нам придется плыть на прогулочной лодке, то однажды мы с ним обгоним вас, засевших на мели либо провалившихся в паучье логово.

— Мне тоже рекомендовали проводника, госпожа профессор, и я уверен, что он будет не хуже вашего!

— Это... господин Диор, — негромко сказал сзади хозяин катера Симбар. — Я ж вам об этом самом проводнике и говорил.

Мужчина посмотрел на высокую фигуру на берегу, и повисло неловкое молчание. Хмыкнув, Индиран перебрался с лодки на причал.

— Что ж, профессор Верен, предлагаю обсудить наши условия... например, в ресторане. Вон там, в конце улицы, подают превосходную свежую рыбу и местные наливки. Позвольте вашу руку.

— Давайте обсудим, — хмыкнула Аэлин Верен. Протянутую ей руку она проигнорировала.

Настороженно глядя друг на друга, оба учёных почти торжественно дошли до ресторанчика и скрылись в благословенной тени. Круглолицый молодой человек, помешкав, поспешно к ним присоединился.

Высокий проводник неслышно прошел следом за ними и, ни слова не сказав, сел за другой столик.

Это было типичное для прибрежных городов Кханда заведение — с высокой крышей на столбах надо всем двориком и с кухней, которую отделяла от двора плетеная перегородка. Подавали в таких, прежде всего, мясо и свежую рыбу, а более сложные блюда зависели от фантазии хозяина и от того, какие купцы здесь бывали чаще: умбарские, харадские, или наоборот, каттайские. Для хозяев таких заведений приезжие из Умбара — дорогие гости, ну, а на белокожего жителя Северо-запада здесь будут смотреть, как на диковину. На госпожу Аэлин так и смотрели, даже повара из-за загородки выглядывали поглазеть.

Коричневый как орех хозяин сам принес им холодные напитки из погреба и сладости, а потом принялся подгонять поваров.

— Кажется, мы неудачно начали личное знакомство, — дипломатично начал Индиран. — Попробуем исправить впечатление, госпожа Верен.

— Попробуем, — согласилась она. — Оплата проводнику и хозяину судна пополам. Это

мой студент и сопровождающий, Норин Даир. Первый из моих студентов в вольной борьбе.

— Рад познакомиться, профессор Индиран, — застенчиво сказал студент.

— Как вы торопливы, госпожа профессор!

— Привычка.

— А скажите, — Индиран откинулся назад, — неужели вас тоже привели сюда поиски Сильмарилла? Никогда бы не подумал, что вы согласитесь хоть с одной моей теорией!

— Гипотезой. Никким образом. Я приехала выяснить, что случилось с экспедицией Фэрамира Итильского. Он мой однокурсник, и сопровождали его, в том числе, мои студенты, а спасательную экспедицию Университет и столица вышлют не раньше конца зимы. Когда договорятся о деньгах.

— Так вот о каких белых говорили местные... — протянул Индиран. — Их интересовал храм?

— Город, — уточнила Аэлин. — Возможно, там находится целый город.

— Их угораздило отправиться в джунгли летом?

— Конечно, нет. Весной, едва закончились дожди.

— Но почему вы взяли с собой только одного помощника?

— Я взяла того, кто смог освободиться быстрее всех.

Индиран кивнул — лёгкость на подъем он и сам ценил, вот только в единственной на весь гондорский университет женщине-профессоре ее найти не ожидал.

— Не знал, что у меня оказались конкуренты за этот затерянный храм, — признался он.

— Фэрамир самолюбив, и никогда не любит разглашать свою работу раньше времени.

— Что вы уже узнали о них?

— Что ни один человек из экспедиции не вернулся с весны ни в этот, ни в соседний города. Что местные кхандцы, услышав об их цели, отказывались давать им проводников и носильщиков, и они наняли людей прямо здесь, в Исме, потому что местные харадцы считают кхандцев суеверными. Что они отплыли на четырех лодках.

— Хозяин судна мне про них уже рассказывал, — кивнул Индиран. — Про сумасбродов, которые хотели забить его кораблик своими вещами сверху донизу. И он отказался.

— Ясно. А что узнали вы?

— Об экспедиции?

— Нет, о своей цели.

— Не надейтесь, я вам его не отдам, — усмехнулся Индиран.

— Вы не можете отдать то, чего нет, — отрезала Аэлин.

— Или вы не слышали историю находки в Имаре?

— Я читала, — подчеркнула Аэлин, — что рыбаки Имара вытащили из рыбы некий крупный камень, который называли "сияющим". И что его украли из сейфа корабля, а капитана убили. На этом факты закончились, остальное — домыслы.

— Ха! — сказал довольный Индиран. — Вы же понимаете, что я был в Имаре и расспрашивал моряков о подробностях.

— Как и много других журналистов и досужих зевак, — согласилась Аэлин. — Представляю, сколько насочиняли им моряки за выпивку!

Нарин вертел головой, глядя то на одну, то на другого. Кажется, он ожидал взрыва.

— Я мог бы рассказать больше о своих выводах, — сказал довольный Индиран, — но при одном условии.

— Каком же?

— Вы дадите слово не переходить мне дорогу. Вы ищете своих коллег, я — храм и камень.

— Нереалистично, — заметила Аэлин. — Если мы всё-таки окажемся в затерянном городе, я не смогу отказаться от соблазна этот храм обследовать. Вдобавок, право первой руки на обследование города — у Фэрамира.

— Камень, — повторил Индиран. — Чем бы он ни был, он существует.

— Один артефакт, — Аэлин сделала жест, словно взвешивала что-то. — Найденный невесть где, но точно не на историческом месте. Без каких-либо значимых примет и обозначений. В противовес ему — возможный город и храм, находящиеся там, где были построены, со всеми полагающимися культурными слоями... Ради Единого, забирайте ваш непойманный Сильмарилл.

Воцарилась тишина. Прибежал хозяин и принес восхитительно пахнущую жареную рыбу, но внимательная тишина каким-то образом сохранялась.

— Вы даёте мне слово? — повторил Индиран. Голос прозвучал как-то слишком громко в этой тишине.

— Да, я даю вам слово. Но только касательно камня.

— Остальное обсудим позже, госпожа профессор, и вы, мой юный друг, — решил Индиран. — Кстати, а где мы забыли нашего проводника? Надеюсь, у него хватило ума не ждать нас на солнцепёке?

— Я здесь, — сказал очень звучный и глубокий голос из-за соседнего столика. Нарин вздрогнул и едва не подскочил. — И я надеюсь, господин Индиран, у вас хватит ума не ставить ум вашего проводника под сомнение.

Трое археологов с удивлением обернулись. Профессор Аэлин приподняла брови, словно удивляясь самой способности нанятого ею проводника говорить.

Судя по шляпе, отброшенной назад, зелёной рубашке и высокому росту, это был тот самый человек, которого Индиран мельком видел на берегу реки. Тогда он не разглядел его лица, решив, что это обычный смуглый местный житель смешанных кровей, каких много на всем побережье от северного Харада до дальнего южного Кханда. Теперь же он смотрел на слегка загорелое, но, несомненно, светложее лицо с очень правильными чертами коренного жителя Северо-запада Средиземья. Морщины вокруг его глаз говорили о возрасте больше полусотни лет, но человек оставался стройным, ни следа возрастной сутулости. Его длинные волосы, собранные в хвост, были черными, без седины. Он сидел, невозмутимо вытянув длинные ноги в кожаных сапогах, и перед ним стояла кружка с пальмовым вином.

— Госпожа Аэлин, вы серьезно? Это наш проводник? — Индиран тоже поднял брови. — А по-моему, это скучающий гондорский аристократ, который пытается развлечься за наш счет!

— Если не верите мне, — пожала плечами Аэлин, — спросите у нашего хозяина.

И Индиран немедленно это сделал, как только хозяин принес его собственный заказ.

— Господин Мэйтар? — удивился хозяин. — Разве вам о нем ещё не рассказали? Да он живёт здесь много лет и знает джунгли лучше любых местных жителей! Вам очень повезло с проводником, сударь, да! Господин Мэйтар, знаете ли, далеко не всем соглашается помогать. Когда сюда приезжают богатые охотники из Харада или Каттая, они предлагают ему большие деньги за сопровождение, но он ни разу на моей памяти не соглашался, да! Говорит, что охота за трофеями это мерзость и бессмысленное убийство.

— А почему же господин Мэйтар не согласился сопровождать в джунгли учёных этой

весной? — спросил Индиран у всех разом. — Тоже недостойная цель?

— Потому что его здесь не было с прошлой осени, профессор, — ответил вместо проводника студент Нарин. — Он лишь недавно вернулся в этот город.

— Понятно, — буркнул Индиран. Этот проводник невольно выводил его из равновесия, даже не очень ясно, чем. Возможно, просто как гондорец — умбарца. Между новой метрополией и старым северо-западом шло неявное, но постоянное соперничество до сих пор.

"Вот ещё бы закурил трубку — и станет совсем похож на канонические изображения легендарного Элессара!" — фыркнул Индиран про себя. Что-то ещё его беспокоило, словно он забыл нечто важное...

— Могу я узнать ваше полное имя? — спросил он небрежно.

— Мэйтар Нарин.

— Ой, — простодушно сказал Нарин. — А вы, ээ, тому — не родственник?

Два профессора переглянулись с одинаковым негодованием.

— Ну, извините! — возмутилась Аэлин. — Эти совпадения не лезут даже в ворота Минас-Тирит!

— Здесь, в этой дыре? — вторил ей Индиран. — Гробите себя среди джунглей и дикарей?

Проводник невозмутимо сделал глоток вина и ответил по порядку:

— Родственник. Это не дыра, а отличный опорный пункт для путешествий по юго-востоку Кханда. Что до дикарей, нет худшего дикаря, чем жаждущий впечатлений богатый умбарец, уверенный, что весь мир обязан пасть к его ногам.

Надо сказать, Индиран думал точно так же.

— Если вы вдобавок ещё знаете хоть что-нибудь о судьбе Линдара Нарина!.. — воскликнул он.

— Ничем не могу вам помочь, — сказал проводник, качая головой.

Индиран только за голову схватился.

— Ваши договоренности... — начал он, обращаясь к Аэлин.

— Он сопровождает нас до развалин города и помогает в поисках следов экспедиции Фэрамира.

— Меня все устраивает, — согласился Индиран быстро. — И я готов доплатить за помощь лично мне.

Мэйтар Нарин посмотрел на него внимательно.

— Я обещал помощь в спасении людей, а не в поисках драгоценностей, пусть и легендарных, — сказал он негромко. — И в любом случае, нам необходимо сперва добраться до цели.

— Всеотец, да если бы вы были здесь весной, господин Фэрамир бы уже, наверное, статью для "Природы Средиземья" писал, — вздохнул Нарин.

Мэйтар только развел руками и залпом допил пальмовое вино.

— Завтра нам следует закупить припасы, — Индиран заставил себя вернуться к делам, отложив расспросы на потом. С борта катера их проводник никуда не денется. — Я уже нашел здешний рынок, предлагаю вечером рассчитать количество припасов, и мы с вашим помощником закупим все необходимое.

— Я пойду с вами. Здесь не очень любят чужаков, — Мэйтар посмотрел за спины археологов, Индиран обернулся. Во дворик входил опрятно одетый старик с подобием лютни

в руках, кофейный цвет его кожи в сочетании с прямыми длинными волосами указывал, что он происходит из лесных кхандцев, а не прибрежных.

— Местный сказитель, — сообщил Индиран, — я слышал его на рынке. Неплохой голос, но играет он так себе.

Нарин торопливо вытащил из сумки записную книжку и карандаш.

Даже не спрашивая, хотят ли иностранцы его слушать, сказитель привычно расположился в одиноком кресле на краю дворика.

— Сегодня я поведаю вам историю о дочери звезды и сыне бога охоты! — провозгласил он густым басовитым голосом и пробежал пальцами по струнам. Раздался звон, Мэйтар поморщился. Не обращая внимания, сказитель напевно продолжал, повторяя наигрыш:

— В незапамятные времена Звезда с неба влюбилась в одного короля, что жил на самом западе земли. Она сошла к нему с небес, приняв облик несказанно прекрасной женщины, и стала его женой. И родилась у них единственная дочь, самая прекрасная среди всех, кто жил на земле. Были у нее волосы, черные, как ночь, лицо бледное, как луна и глаза, сияющие, как звёзды.

Защищённая силой матери, она вольно бродила по землям отца. Но никого не избирала дочь Звезды себе в мужья, и печалило это ее отца. И было так до тех пор, пока не пришел на эти земли сын самого бога охоты, рождённый земной женщиной. Увидел он прекраснейшую из дев, влюбился в нее и пожелал назвать своей.

Когда Охотник внезапно предстал перед ней, дочь Звезды испугалась и бросилась бежать. Охотник помчался за ней, призывая деву остановиться и взглянуть на него, но она укуталась своими волосами и сделалась невидимой. Тогда Охотник позвал волшебного пса, подаренного ему отцом, и отправился с ним по следу красавицы.

Долго бежала дева, невидимая, и явилась она в тайный город, окружённый горами, где жили прекрасные и беспечальные жители. Правил им старый мудрый король. Удивился он, что кто-то проник к нему снаружи. Но дева была так прекрасна и добра, что он принял ее во дворце и назвал своей дочерью.

Но прошло время, и король предложил деве обручиться с его племянником, который должен был унаследовать трон. Опечалилась дочь Звезды, ведь королевский племянник был мрачным и надменным, и она видела в нем недоброе. Хотела она скрыться, но племянник короля задержал ее и запер в дворцовых покоях. Горько плакала дева в заточении, а племянник короля приказал уже готовиться к свадьбе.

Но прежде чем настал срок свадьбы, в тайный город явился Охотник, сын бога охоты, ведомый своим волшебным псом.словно буря, несся он вперед, а за ним мчались его смертные единоутробные братья, и было их шестеро. Они с яростью обрушились на мирный город и сокрушили всемером всех его защитников — ведь жители мирного города совсем разучились воевать. Вышел против них племянник старого короля с черным мечом в руках, и Охотник сразился с ним на стенах города.

Тем временем волшебный пёс отыскал покои, где была заперта дочь Звезды, разогнал стражу и вошёл внутрь. Дева обрадовалась так сильно, что бросилась псу на шею, рассказала, как ее хотели принудить к свадьбе, назвала его своим спасителем и попросила защитить ее. И так ее доброта растрогала волшебного пса, что он оставил своего хозяина и вывел деву прочь из города, пока его хозяин и его родичи сражались. И многие жители в страхе бежали вместе с ними.

Старый король и его племянник пали в бою, сразив трёх из шести спутников Охотника.

Но после победы Охотник не смог отыскать никаких следов девы, ведь с ним больше не было волшебного пса.

А жители города, ведомые дочерью Звёзды и псом, ушли далеко на юг и вышли к морю. Там встретил их вождь тех земель, его народ строил корабли и плавал по морю. Был он золотоволос и прекрасен собой. Полюбила его дочь Звезды, а он полюбил ее, взял ее в жены и дал приют всем беглецам. Вскоре у них родился сын. Десять лет прожили они в мире.

Но вот однажды, когда вождь корабелов был в море, к его народу пришли грозные и опасные гости — это Охотник и его родичи отыскиали деву. Десять лет скитались они в лесах и в пустошах, их одежды были изорваны, лица покрылись шрамами, а глаза сделались безумны. Потому что Охотник словно обезумел, и ни о чем больше не мог думать, только о дочери Звезды и о свете в ее глазах. И потребовали они у морских жителей выдать им дочь Звезды. Конечно, они отказали, ведь она была супругой их правителя, и сама правила в его отсутствие. И тогда Охотник и его свита снова напали на мирный город.

Но дочь Звезды позвала волшебного пса и поручила ему своего сына. А сама вышла перед врагами и крикнула — я вам нужна? Так поймайте меня, если сможете!

Кинулись к ней Охотник и его свита. А дочь Звезды понеслась к морю и бросилась в него с высоких скал, чтобы никто больше не мог ее преследовать и пострадать из-за нее. И даже под водой ее красота сияла, словно звездный свет. Оттого морской бог пожалел ее и поднял ее в небо. Засияла она оттуда ярче, чем до того сияла ее мать, сошедшая на землю, и сделалась дева Вечерней Звездой.

С тех пор Охотник бродил по берегу моря, обезумев от любви, и пел грустные песни.

А внука Звезды волшебный пёс вывел к людям, и он вырос великим воином и великим королем, который покорила весь западный край земли...

— Только это уже будет другая история!.. — закончил сказитель.

Индиран подумал, что неплохо будет направить сюда знакомых собирателей фольклора. Интересное переосмысление западных сказаний, он даже заслушался.

Закусив губу от усердия, Нарин торопливо записывал. Аэлин кивнула, словно подтверждая свои мысли. И только за соседним столиком было уже пусто.

Два дня спустя паровой катер отошел от пристани и двинулся вверх по реке Гэлханд. За ним прыгала по волнам запасная лодка, на которой предстояло идти в верховьях реки. Хозяину и капитану катера господину Симбару по договору следовало ждать их на землях некоего "дружелюбного племени", как туманно высказался Мэйтар.

Закупая с проводником припасы и снаряжение, Индиран понял, что Мэйтар действительно живёт здесь очень давно. Его знали все торговцы на рынке, и там, где чужаку щедро набавляли цену и норовили подсунуть лежалый товар, Мэйтару предлагали лучшее. Вероятно, Индиран торговался бы до хрипоты и потратил много времени на закупки. Мэйтар обернулся за один день и сберег им, вдобавок, немало денег. Он же настоял на том, чтобы купить ещё боеприпасов.

— Обоснуйте, — потребовал тогда Индиран.

— Дурное предчувствие, — ответил проводник. К предчувствиям опытных людей Индиран относился внимательно — порой это спасало ему жизнь.

Теперь патроны и припасы лежали в трюме, въедливая профессор Аэлин расположилась в единственной крохотной каюте, а мужчины водворились на палубе, натянув на корме большой тент от дождей. Сейчас проводник сидел и задумчиво проверял спусковой механизм своей винтовки. Время для расспросов настало подходящее.

— Простите, Мэйтар, но я не могу удержаться от вопроса. Вы ведь сын Линдара Нарiona, верно?

— Нет, — невозмутимо ответил тот. — Я не буду обсуждать свое происхождение. Не понимаю вашего чрезмерного интереса.

— В некотором роде, Линдар мой наставник, — пояснил Индиран.

— Вы слишком молоды.

— Да, я прочитал о его открытии библиотеки Харадзо-Даро в тринадцать лет. Потом я перечитал о нем все, что нашлось в подшивках газет, об открытии и отстаивании Имладриса, потом взялся за труды по истории, потом опубликовали перевод "Нолдолантэ", и я увлекся древними языками... Так я стал археологом. А когда Линдар исчез, я готовился к поступлению в университет, и не смог добиться участия в расследовании.

На мгновение Мэйтар улыбнулся и показался от этого гораздо моложе.

— Рад слышать, — сказал он. — Иногда, читая журналы и споры в них, я думаю — не пожалел бы Линдар о своем открытии? До сих пор многие считают этот текст подделкой, и он вызвал больше ссор и гнева, чем интереса.

— Чепуха! — воскликнул Индиран. — Если бы вы жили в нормальном цивилизованном обществе, вы бы видели, какой огромный интерес к истории пробудили эти находки! Театральные постановки, романы о древних временах, песни! Как я жалел, что не успел в этом поучаствовать в то время!

— Вы отлично в этом поучаствовали в наше время, профессор Индиран, — донёсся голос Аэлин из окна каюты. — Ваша статья о том, в чьих интересах отрицать подлинность "Нолдолантэ", расколола надвое весь наш исторический факультет!

— Не скромничайте, — фыркнул Индиран. — Это же вы доказывали, что мы имеем дело с поздним сочинением, а не с сохранившимся текстом древнейшей поэмы!

— Потому что это чудовищная наивность, считать, что список возрастом в какие-то

жалкие полтора тысячелетия отражает в точности исходный текст, которому, по тем же легендам, больше десяти тысяч лет!

— Но профессор, устная традиция... — встрял Нарин, — ведь многие фольклорные тексты передавались из поколения в поколение...

— Нарин, я вас отошлю на каторжные работы на факультет словесности! — раздалось из каюты. — Пусть они вам подробно расскажут, как сказители заучивали фольклорные тексты по опорным словам, и что каждое рассказывание эпического произведения — это одновременно импровизация!

Нарин так огорчился, что Индиран просто не мог за него не заступиться.

— Вы требуете от студента знаний другого факультета? — возмутился он. — Письменная традиция также идет с Первой эпохи, вы предлагаете ее исключить? Наиболее ценные тексты должны были передаваться из рук в руки!

Мэйтар закончил протирать винтовку ветошью.

— Хочу заметить, — сказал он, — что в племенах, обитающих в среднем течении Гэлханда, принято очень тщательно заучивать сказания наизусть. За изменение хоть одного слова наставники жестко наказывают учеников. Ни о какой импровизации и говорить нельзя. Что ж, эти племена, кажется, и сами мало изменились за тысячи лет.

— Это интересно, — Аэлин, пригнувшись, вышла из каюты и присоединилась к мужчинам. — Да, разница в традициях может быть велика... Что касается истории ценных текстов, профессор Индиран, полагаю, мне не надо напоминать вам историю Алой книги Ширы, и как ее собирали по частям, по отдельным пергаментным страницам, хранимым на случай ремонта и зашитым в одежду как заплаты?

— Даже вы не станете утверждать, что это норма для обращения с документами! — фыркнул Индиран. — Это результат упадка и нищеты в Вольных землях Северо-запада после череды войн.

— И сколько таких времен упадка и нищеты было со времен династии Телконтаров? И до них тоже? — спросила Аэлин.

— Уф, господа ученые, — сказал вдруг капитан, качая головой, — вы меня пугаете. А я не самый пугливый человек в нашем городе. Это все ученые таким ужасным видят мир?

— А мир вообще очень сложное и не слишком уютное место, Симбар, — сказал Индиран весело. — Только в последнюю пару сотен лет он начал приходить в себя и превращаться понемногу в цивилизованное место.

Раздался выстрел.

Свистнула пуля, едва не сорвала шляпу с Индирана и врезалась в стенку каюты.

Симбар рухнул на палубу и умело откатился под прикрытие каюты. Тоже упав на палубу и выхватив револьвер, Индиран выпалил трижды в сторону, откуда стреляли — наугад, чтобы напугать стрелка. Мэйтар уже присел за бухтой каната с винтовкой в руках и всматривался в пуганицу зарослей на берегу. Нарин лежал рядом, натягивая пробковый шлем на голову поплотнее, Аэлин скрылась.

Второй выстрел разбил борт катера возле головы Мэйтара, и тот немедленно вскинул оружие и выпалил в ответ. Индиран тоже выстрелил туда на всякий случай. Краем глаза он отметил, что Симбар ловко ползет к штурвалу обратно и удерживает его, значит, с катером все будет в порядке.

Деловито шумел мотор. Снова подали голоса птицы. Третьего выстрела не было.

— Хм, давно меня так не приветствовали, — ухмыльнулся Индиран. — Со времён

споров с лесопромышленниками за заповедник Лоринан!

— Не тратьте патроны зря, — посоветовал Мэйтар. — Отведи катер на середину реки, — велел он капитану, и Симбар молча подчинился.

— Лучше к противоположному берегу.

— Не лучше. Там сейчас появятся скалы, с которых будет простреливаться вся палуба.

— Профессор Аэлин, вы в каюте?

— Да, — раздался оттуда недовольный голос, а затем шорох и треск. — Я умею стрелять, по крайней мере, в тире, но не привыкла держать оружие при себе.

— Оставайтесь там, — велел Индиран. Он уже видел впереди высокий холм на левом берегу, резко обрывающийся в воду.

Неожиданно ловко Симбар закрепил штурвал старым кожаным ремнем, взял в руки старого образца револьвер и скрылся за каютой. Индиран и Мэйтар тоже отгородились каютой от подозрительного утеса. Катер шел, как по ниточке, посреди реки, чуть рыская в стороны на водоворотах.

— Видите его? — спросил Мэйтар. — Левее верхушки скалы, темная повязка на голове.

— Ни демона не вижу, — сознался Индиран. — Да и револьвер не добьет, будем честны. Хм!

Сняв шляпу, Индиран взял ее за край и осторожно выставил над каютой. Раздались почти одновременно два выстрела, шляпу едва не вышибло из руки. Потом донёлся всплеск. Мэйтар выпрямился. Ещё немного погодя Индиран с трудом разглядел всплывшее тело ниже по течению, которое несло в море.

— Не стоит тратить время на ловлю, — пробормотал он, — но хотел бы я знать, кому понадобилась моя шляпа в этот раз.

В полях шляпы пробило дыру, и он выругался, надевая ее обратно. Проводник их остался невозмутим. Он точно не впервые оставлял трупы противников в реке. Даже не приглядывался к нему.

— Профессор Индиран, — холодно сказала Аэлин, появляясь из каюты, — кто-то впечатлился вашими заявлениями и решил тоже поохотиться на Сильмарилл? И заодно устранить конкурентов? Нарин, ты цел?

— Все хорошо, профессор... — откликнулся Нарин, вылезая из канатной бухты. Не спустился под палубу, паршивец, подумал Индиран с некоторым уважением.

— Что всё-таки за глупости о Сильмарилле, господа учёные? — спросил с иронией Мэйтар, в точности скопировав интонацию капитана Симбара. Кажется, у него был не только глубокий звучный голос, но и отменный слух. — Кто-то слетал на небо и принес Вечернюю звезду на землю?

— Нет, это в Имере летом выловили из моря рыбу с сияющим драгоценным камнем в желудке, — объяснила Аэлин. — Его похитили после возвращения в порт, убив капитана. А профессор Индиран, конечно, объяснил всему миру через газеты, что рыбаки жалкого городишки северного Кханда выловили несомненный Сильмарилл. Профессор Индиран такой, он мыслит эпически масштабно.

— А что вас заставило искать его именно в верховьях Гэлханда? — настойчиво спросил Мэйтар.

— Это долго рассказывать, но я беседовал с полицией Имера, с моряками и с торговцами... Словом, люди, которые, вероятно, похитили этот камень, чем бы он ни был, настойчиво двигались в юго-восточном направлении. В котором нет ничего, кроме

джунглей, за исключением единственного места, имеющего значение — затерянного храма Темного в верховьях Гэлханда.

— Люди, похитившие крупную драгоценность, скорее повезли бы ее вдоль побережья, чтобы продать в Каттае или ещё дальше, — задумчиво сказал Мэйтар.

— Это не просто драгоценность, — повторил Индиран. — Я говорил с рыбаками. Я говорил с полицией. Со множеством людей в Имере. Этот камень сиял собственным светом. Мне сказали гораздо больше, чем любым журналистам, поверьте. И я решил, что камень нужен для ритуала. Ритуала в том самом храме, я убежден.

— И теперь любой, кто вас встретит, поймет, что вы ищете. И что у вас есть к тому основания. Вот что значит необдуманно говорить с газетчиками, — сказала Аэлин.

Кажется, Мэйтар помрачнел. Впрочем, на его лице отражалось мало эмоций, могло показаться.

— Значит, нам придется иметь дело с некими охотниками за сокровищами, по меньшей мере, — сказал проводник. — Что ж, надеюсь, патронов у нас достаточно.

— Господин Мэйтар, а что у вас такое длинное в вещах, кроме оружия? — встрял Нарин. — Извините. Я об него споткнулся.

— Об этом я попозже расскажу, — пообещал Мэйтар, чуть усмехаясь.

День за днём их катер упорно одолевал течение Гэлханда. Нападавшие больше не появлялись. Индиран решил, что засада осталась позади, и вряд ли кто-то способен догнать их по суше; капитан Симбар был с ним согласен, да и Мэйтар не возражал. Потому они вернулись к прежнему порядку: мужчины занимают корму, профессор Аэлин — каюту, капитан пребывает на носу или возле паровой машины, а его место временно занимает Мэйтар.

В пути к ним пришла неизбежная дорожная скука, с которой они боролись, как умели. Индиран каждый день подсчитывал пройденное расстояние и зарисовывал их маршрут в записной книжке: карты, составленные экспедицией Умбарского географического общества больше полувека назад, упорно казались ему недостаточно точными. Разумеется, у него были с собой игральные карты, и, разумеется, он предложил спутникам сыграть с ним. Однако капитан Симбар отказался, сославшись на заботы рулевого и местные верования, а Нарину играть в карты на деньги категорически запретила профессор Аэлин. Она же предложила взамен карт свой дорожный набор "игры королей", в котором крошечные фигурки двигались по кожаному полю площадью в две ладони. Индиран с первого же раза проиграл в них Нарину столь же легко, как обыграл его в карты. Проигрыш студенту задело его за живое, он впал в азарт, и готов был играть дни напролет, старательно думая над ходами и радуясь каждому выигрышу.

Студент же, по-видимому, был от Индирана в восторге, расспрашивая его о прошлых экспедициях. Это не слишком нравилось Аэлин, но она молчала, проводя время у окна или возле борта с толстой книгой — наскоро переплетённым под общей обложкой сборником статей и отчётов о раскопках Серых Гаваней за последние годы. Нередко она что-то рисовала на полях книги и в записной книжке, поглядывая на своих спутников, и иногда там отчетливо выделялись чьи-то профили и другие подобные зарисовки, но Индиран решил не совать носа в женские бумаги. С Аэлин станется рисовать на него злые карикатуры. Впрочем, она хотя бы не станет отправлять их в газеты!

И только Мэйтар обычно оставался сам по себе. Он был способен часами вглядываться в проплывающие мимо заросли и в речные воды, сидя при этом почти в полной

неподвижности, так, что спутники переставали его замечать и вздрагивали, если он шевелился. Иногда он доставал из внутреннего кармана составную флейту из двух частей и наигрывал очень странные, непривычные уху умбарца мелодии. В некоторых Индиран, казалось, узнавал харадские напевы, но исполненные очень своеобразно. Большинство же мелодий казались импровизациями, возникающими под влиянием того, что видели путешественники в этот момент, игры света на поверхности реки, шума леса и птичьих песен. Даже не всегда можно было заметить, когда мелодия заканчивалась, и оставались лишь птицы и шум воды и двигателя.

Увы, думал Индиран. Вот и сюда пришла цивилизация, пусть даже в лице суеверного немолодого Симбара и его дряхлой посуды. Потом начнется регулярное сообщение со столицей, в этот медвежий угол придут газеты, товары и торговцы, по Гэлханду поплывут грузовые баржи с тканями и прочим барахлом для жителей джунглей, а город в устье разрастется, оттесняя леса. Приедут болтливые умбарские и надменные гондорские туристы, и век таких, как Мэйтар, закончится навсегда. Интересно, уйдет ли их проводник доживать последние годы в глубине лесов, или останется в городе и будет обеспечивать себе старость, катая туристов по этим местам?

Потом Нарин предложил Мэйтару сыграть с ним в шахматы — и был трижды подряд наголову разбит, после чего проводник играть дальше отказался.

Несколько раз Индиран пытался вовлечь его в разговор о знаменитом родиче или о нем самом, но Мэйтар спокойно отказывался. Проводник определенно избегал сблизиться со спутниками, хотя почти наверняка был для этого достаточно образован. Так что умбарец оставил его в покое и продолжил развлекать студента рассказами о тяжбах за Лоринан и попытках расчистить морийские пещеры.

На седьмой день пути они достигли слияния Гэлханда с его крупнейшим притоком, и надо сказать, что выглядели обе реки почти одинаково. Индиран даже не мог с уверенностью сказать, что куда впадает. Карта утверждала, что главным является правый поток, однако Мэйтар велел капитану поворачивать влево.

— Хм, вы спорите с умбарскими географами? — спросила Аэлин.

— Потому что они ошиблись, и потому что они не поднялись к верховьям из-за обильных дождей в тот год. А потом не возвращались.

— А потом у них закончились деньги, — хмыкнул Индиран.

Симбар по одному ему понятным причинам подвёл катер довольно близко к левому берегу, и теперь они плыли, разглядывая совсем близко густые приречные заросли, в которых то здесь, то там распускались незнакомые яркие цветы.

— Только не тяните руки к лианам и ветвям, — предупредил Мэйтар. — Много колючих и некоторые ядовиты.

— А те, что красивее всех? — спросил Нарин, показывая на ярко-алые соцветия.

— Долго объяснять, но проще всего так: чем красивее, тем опаснее.

Нарин даже руку отдернул.

— В таких местах, — сказала Аэлин задумчиво, — начинает казаться, что поверья об искажении имеют смысл.

— Мне иногда тоже, — сказал Мэйтар. — Но они просто хотят выжить. Симбар, возьми правее. Посмотрите туда.

Симбар повернул штурвал, не переспрашивая. Индиран всмотреться, куда указали, заметил слабое движение среди ветвей. И вдруг понял, что смотрит на крупного леопарда. С

полминуты они мерились взглядами, потом леопард остался позади и затерялся в ветвях.

— Хорош, — сказал с уважением Индиран. — Много их тут?

— Не слишком. Местные жители тоже очень ценят их шкуру. Я рад, что вы не потянулись за оружием.

— Предпочел бы более вкусное мясо. Скоро ли мы прибудем к вашим дружелюбным племенам?

— Через три дня, когда река начнет мелеть.

Еще три дня неподвижности показались Индирану вечностью. Даже напоминание, что впереди будет вечность за веслами, не помогало.

Они миновали два небольших притока, после чего река ощутимо обмелела. Симбар вел катер по самой ее середине, иногда подзывая проводника и спрашивая его совета, словно тот видел под водой лучше бывалого моряка. Индиран тихо бесился, глядя на разнообразные таланты Мэйтара, и уже мечтал о том, чтобы рядом был простой парень, с которым можно выпить и поиграть в карты.

Вечером третьего дня катер протиснулся через быстрину, скрипнув винтом по дну, и стало ясно, что путь Симбара заканчивается здесь. Хозяин направил катер к берегу, куда указал проводник, и пристал к большому, наполовину погружившемуся в воду дереву. Не успели они выгрузить вещи, как выше по течению появились маленькие лодочки, которыми ловко управляли невысокие мужчины с кофейного цвета кожей. Похоже, что городской сказитель происходил из подобного народа. Мэйтар прошел по стволу дерева, встал, чтобы его разглядели с воды, и окликнул их; мужчины быстро заговорили с ним, смеясь и размахивая руками.

Симбар знал несколько слов на этом языке и приветствовал хозяев. Индиран попробовал заговорить с ними на харадском, потом на северном кхандском, но его не понимали, только улыбались белозубо.

— Что говорят ваши дружелюбные туземцы?

— Я попросил помочь доставить в деревню вас троих, вещи и лодку, — спокойно сказал Мэйтар. — Старейшины немного знают Всеобщий язык. Но обязательно поговорите со старейшинами вежливо и ответьте на их вопросы, иначе в помощи вам откажут. И будем втроем выгребать против течения.

— А сколько всего языков вы знаете?

— Это неважно.

Больше всего местные жители удивлялись Аэлин. Даже больше, чем Нарину, в которого тоже тыкали пальцами и без особого стеснения трогали его за руки. На Аэлин же глазели с почтением и даже некоторым испугом. Особенно на ее очки.

— Что им не нравится?

— Думаю, — сказал Индиран, — они редко видят людей с белой кожей. Вряд ли сюда часто ездят из большого Гондора или из-за Рун. И уж точно они впервые видят незагорелую белую женщину.

— Не нужно оружия, — Мэйтар остановил Аэлин, которая хотела надеть пояс с кобурой. — Здесь мы в безопасности.

Вскоре вереница нагруженных лодочек поднялась обратно по реке, лодку археологов вели на буксире. За поворотом открылась деревня, почти такая же, как те, что проплывали раньше, с легкими деревянными и плетеными домами на столбах. Казалось, половина деревни сбежалась поглазеть на гостей, и прежде всего на Аэлин — видимо, слухи о

диковинке уже разошлись.

К счастью, проводник не терялся, и гостей быстро провели сквозь толпу прямо в хижину к старейшине. Внутри у очага сидели трое очень старых мужчин, которых Индирану было трудно различать между собой, даже несмотря на опыт знакомства с северными лесными кхандцами, такие они были одинаково морщинистые и худые. Гости усадили напротив них на циновки. В хижине было жарко и душно.

— Я приветствую здесь гостей от моря, — скрипуче сказал один из стариков. — И тебя, Лунный человек. Расскажи, зачем ты их привел.

— Приветствую, и пусть продлятся твои годы, как листья в лесу, почтенный Рани. Они хотят найти потерявшихся сородичей, — сказал Мэйтар невозмутимо. — Тех, которые плыли вверх по реке весной.

— Те люди хотели в дурное место. Мы их предупредили. Почему ты не отговорил их в городе, Лунный человек?

— Потому что я в это время ездил далеко на север, почтенный Рани, и не знал об этом.

— Нечего там делать, на севере, — пробурчал старейшина слева.

— А почему они молчат? — спросил первый.

— Потому что ты нас не спрашиваешь, почтенный Рани, — ответила Аэлин, на которую тот смотрел, прежде чем Индиран вмешался.

— Белая женщина, — пробормотал старик. — Зачем в наших краях белая женщина, да ещё со вторыми глазами?

— Я ищу моих пропавших учеников, почтенный Рани.

— И как только муж тебя отпустил?

— Я ее муж, — сказал Индиран, которому надоело молчать. — Я сам еду искать наших учеников и друзей.

— Ну, это другое дело, — закивали старики. Аэлин бросила на коллегу раздраженный взгляд, потом криво усмехнулась.

— Каким сказаниям вы их учите? — спросил третий старейшина. — И зачем тогда они отправились в дурное место?

— Мы изучаем не только сказания, но и очень древние постройки, чтобы больше узнать про старую жизнь. Они отправились искать древний город.

— Плохая затея, — сказал Рани, остальные закивали. — Вот теперь и приходится их спасать оттуда. Хорошо, что с вами Лунный человек. Может быть, что-то и получится.

— Мы сделаем все, что сможем, — сказал Индиран. Его пугала мысль, что эти переговоры надолго, но в глухих деревнях бывает и не такое. Просто нужно набраться терпения...

— Расскажите мне о ваших сказаниях, — попросил третий старейшина. Индиран мысленно хлопнул себя по лбу — о нет, неужели придется пересказывать им все "Нолдолантэ"? Но тут Аэлин толкнула тихонько в бок Нарина, тот сел прямее, откашлялся и начал читать "Поэму о Телконтаре" наизусть. Должно быть, у Нарина было все хорошо и с литературой тоже, не только с борьбой. Поэме не было и ста лет, простой и ясный текст лился гладко, Нарин читал выразительно, как на экзамене, а старейшины довольно кивали, хотя наверняка понимали через раз.

Главным достоинством поэмы о Телконтаре в глазах всех студентов была ее относительная краткость.

— Хорошо читает ваш ученик! — сказал довольный Рани. — Этот король был славный

человек, если завоевал себе жену из эльфов! Говорят, что один из наших предков тоже брал себе эльфийскую жену... Хорошо, что у белых людей появилась хоть одна красивая королева.

— Почему хоть одна? — не сдержал удивления Нарин.

— Потому что черная, — проскрипел старейшина справа. — Это же понятно. Все эльфы были прекрасны, с очень красивой черной кожей, чернее даже, чем наша.

Нарин закашлялся, но сдержался. Аэлин сидела невозмутимо, как на защите диплома.

— Мы не знали, что в ваших краях тоже есть сказания об эльфах, — сказал Индиран. — Я постараюсь прислать к вам учеников, чтобы записать и запомнить ваши сказания.

— Это ты хорошо придумал, умбарец, — закивал Рани и остальные следом за ним. — Пришли своих учеников, пусть они расскажут свои сказания, а мы научим их нашим. Мы передаем их слово в слово очень много поколений! А сейчас можете отдохнуть с дороги. Но я сразу скажу — я не отпущу наших мужчин с вами в дурные земли. И не просите.

— Мы не будем просить невозможного, почтенный Рани, — сказал Мэйтар как-то так, что закончил этим весь разговор.

Выйдя наружу, Индиран с наслаждением вдохнул свежий ночной воздух. Пока их провожали к гостевой хижине, чернокожие полуобнажённые девушки в пестрых юбках хихикали, улыбались белозубо и глазели со стороны на Нарина и самого Индирана. Их гладкая кожа и полные груди блестели от масла. Студент покраснел так, что даже в свете факелов было заметно.

— А что они говорят? — спросил Нарин, когда за ними закрылась дверь, и их оставили в хижине одних.

— Ты точно хочешь это знать? — переспросил Мэйтар.

— Да!

— Они говорят, что твоя кожа похожа на сыр.

Нарин только вздохнул.

— А вас при этом зовут Лунным человеком, — сказал он уныло.

Проводник только пожал плечами. Он тоже носил шляпу с полями, как и сам Индиран, и кожа его оставалась ровного слабо-загорелого цвета. В молодости наверняка был отменным красавцем, и когда явился в эти места впервые, мог впечатлить и женщин, и мужчин.

Потерев щетину и подумав, где тут с утра умыться и побриться, Индиран вдруг вспомнил, что не видел ни разу Мэйтара с бритвой. Да, умывались они по утрам поочередно, друг за другом не следили, но у немолодого мужчины должна к вечеру проступать щетина, возможно, седая, разве нет? Индирану вот и благородное происхождение не помогало, слишком разбавилась, как видно, древняя кровь. Хотя доводилось встречать мужчин, у которых почти не росла борода, и в очень разных местах — все они упоминали семейные легенды об эльфах и феях в роду... Не иначе, у проводника тоже есть такая легенда.

В углу зашуршало — Аэлин отгородила себе угловую кровать плетёной ширмой. Кроватями здесь были невысокими перевёрнутыми ящиками с плетеным из кожанных ремней дном, на них лежали травяные матрасы, пестрые покрывала и соломенные валики подушек.

— Надеюсь, здесь нет клопов, — с сомнением сказал Индиран, трогая покрывала.

— Нет, — сказал Мэйтар, сбрасывая сапоги и рубашку. Повесил ружье на вбитый в стенку колышек, растянулся на покрывале и проверил, что дотягивается рукой до приклада.

— Хм, вы им не доверяете?

— Кто-то ведь пытался нас убить. Он может повторить попытку. Нет, хозяев я не боюсь, но иные чужаки способны пробраться и в чужой поселок.

Индиран подумал, что сейчас его последний за долгое время шанс поспать на настоящей кровати — и выбросил сомнения из головы. Сбросил одежду, растянулся на пёстром желто-красном покрывале. Подумал — и пристроил рядом револьвер, чтобы дотянуться одним движением. Ему снились в ту ночь раскопки стены в Лоринане, и как они праздновали основание заповедника.

Утром их накормили кашей с мясом, принесли родниковую воду для умывания, ещё раз поглазели со всех сторон на чужаков и помогли сложить вещи, меха с водой и припасы в лодку. Снова переговорив со старейшинами, Мэйтар попросил отсчитать им несколько серебряных монет, и двое сильных мужчин с волосами, покрашенными красной глиной, сели к ним в лодку на весла. Другими гребцами стали Индиран с Нарином, а Мэйтар без сомнений занял место на руле.

На нижнем Гэлханде гребные лодки плохо справлялись с мощным течением, но здесь река была заметно слабее и мельче, и их лодка уверенно двигалась вверх по реке. Аэлин сидела на носу и регулярно раздавала гребцам воду. Местные жители, правда, без тени сомнений зачерпывали и пили речную воду, но даже Индиран рисковал так делать только в Лоринане, где текли с гор удивительно чистые и говорливые реки. Нарину профессор Аэлин в красках описала, что случается с теми, кто подхватывает желудочную инфекцию в джунглях, а Индиран, подумав, добавил историй из жизни. Ему совершенно не хотелось, чтобы славного парня схватил кровавый понос.

— А где вы были весной? — спросил Нарин у проводника вечером второго дня. Они расположились ночевать на высоком левом берегу реки — Мэйтар увидел на северо-востоке тучи и подумал о дождях в верховьях.

— Ездил в Линден, — ответил тот. — На север.

— А куда на север?

— На залив Хэлвор.

— О, — сказал радостно Нарин, — мы копали там почти все лето, только нас под конец сезона дождями смыло...

Аэлин грозно сверкнула на него глазами поверх очков, но было поздно, Индиран заинтересовался.

— Что именно?

— Ээ... Раннюю нуменорскую крепость на северном берегу залива...

— Стоп-стоп, какой ранний Нуменор? Тамошние развалины относят к Четвертой эпохе! Нарин умолк, поняв, что сболтнул лишнего.

— Госпожа профессор, — сказал Индиран, прижимая руки к груди, — обещаю вам молчать. Я понимаю, что вы тоже не любите раньше времени делать заявления, не хуже Фэрамира. Но вы же не можете заинтересовать коллегу и бросить его мучиться загадкой?

— Могу, — сказала Аэлин хмуро. — Не стоит давить мне на жалость, мы не на экзамене.

— Я уже проболтался. Простите, — сказал Нарин.

И тут неожиданно подал голос Мэйтар.

— Я бы тоже очень хотел услышать об этом, госпожа Аэлин.

— Если профессор Индиран обещает держать язык за зубами, — ответила она, смягчаясь.

— Обещаю!

— Да, мы начали пробные раскопки, рассчитывая найти Четвертую эпоху. А нашли огромной толщины осадочный слой, отдельные предметы эпохи Линдона в его толще и нуменорскую, по-видимому, кладку, похоже, очень раннюю. В самом низу — следы пожара и штурма. И массовое захоронение молодых мужчин и кажется, нескольких женщин поблизости, причем в нем почти не было оружия, но нашлись личные вещи и остатки одежд и снаряжения — вполне качественных одежд, не каких-нибудь шкур. Особенно меня поразило, что все погребенные исключительно молодые. Ни одного старика или хоть возрастного человека! У всех идеальные зубы без дефектов, они все весьма высокого роста, словно подобраны по нему... Все в могильнике, кроме металла и камня, очень плохой сохранности, а ещё на большой глубине, это меня смущает. Но дело не только в этом.

— Я обещал молчать, — напомнил Индиран.

— Крепость... уходит под воду и продолжается там не менее чем наполовину. Такие перепады уровня моря в исторические эпохи неизвестны.

— Я сам туда нырял! — с облегчением сказал Нарин, которого явно распирало от этих известий. — Нижняя стена уходит на глубину больше пятнадцати метров! А то, что осталось на поверхности, это верхний двор и цитадель!

— Однако... — только и сказал потрясенный Индиран. — Подтверждение опускания Белерианда и Нуменора — это же сенсация!

— Никаких демоновых сенсаций, пока все не будет задокументировано и описано десять раз! — отрезала Аэлин. — Вы же понимаете, что мне и моим ученикам, в отличие от вас, дутых сенсаций не простят! Это помимо того, что представлять публике необоснованное открытие вообще глупо!

Индиран поднял руки.

— Я понимаю, но... но это невероятно! А если вы нашли уцелевшую постройку Первой эпохи??

— Ничего не могу на это сказать. Кладку стен я определяю как очень раннюю нуменорскую, только меньших размеров, чем в известных памятниках. Остальное ещё изучать и изучать. А вы знаете это место? — обратилась она к Мэйтару, который сидел с непроницаемым видом.

— Знаю, — сказал он. — Что ж, это был последний год спячки развалин.

— У Линдара были планы на эту крепость? — поинтересовалась живо Аэлин.

— Возможно. Он... Тоже считал ее постройкой Первой эпохи.

— И знал о подводной части?

— Полагаю, да.

— У вас сохранились его бумаги? — воскликнул в азарте Индиран.

— Кое-что.

— Я готов купить их за любые деньги!

— Не уверен, что готов доверить их любителю сенсаций.

Вот это было чертовски обидно. Как под дых получить. И крыть было нечем — Индиран действительно с удовольствием делился своими идеями с газетчиками, зная, что старые кабинетные хрычи все равно бы их отвергли и замолчали. Ему захотелось сказать, что с таким отношением следующая сенсация в газете будет лично о Мэйтаре, племяннике прославленного археолога Нарiona, и его семейном архиве. Потом выдохнул, решил, что угрожать такому проводнику, да ещё прямо в джунглях, очень плохая идея. В конце концов, с

журналистами можно поговорить и по возвращении.

— Вы несправедливы, — сказал он, наконец. — Я не выдаю публике то, что хочу или обещал скрыть. И в некоторых случаях, вроде истории с Лоринаном, справиться без огласки было невозможно. Вы и сами это знаете. Линдар не отстоял бы Имладрис от горноработчиков, не обратись он к прессе.

Проводник посмотрел очень холодно.

— А с какой целью вы раструбили газетчикам о Сильмарилле?

— Чтобы заставить шевелиться никчемную полицию Кханда. Без пинков сверху эти люди вообще не работают. Ну и лишний раз пробудить у публики интерес к Первой эпохе.

— И взбудоражили этим целый преступный мир искателей редкостей и драгоценностей. Знаете, то, что на нас напали лишь однажды, это везение. Или вы рассчитывали в одиночку всех опередить?

— И мне это удалось. Хорошо, почти удалось.

— С помощью денег или друзей в полиции Кханда? — иронически спросила Аэлин.

— И ещё умения говорить с самыми разными людьми.

— Выпивать с разными людьми, вы хотите сказать?

— Не вижу ничего плохого.

— Пожалуйста, не ссорьтесь, — встревожился Нарин. — Лучше давайте спросим, что господин Линдар думал о крепости на Хэлворе!

Археологи дружно замолчали.

— Он верил в реальность легендарной Первой эпохи, — сказал Мэйтар нехотя. — Но не распространялся об этом. И он не хотел раскопок на Хэлворе. Не стал бы тревожить эти места. А люди... Всего лишь снова все перевернут, оспорят и затопчут.

— Я смотрю, вы не любите людей, — усмехнулся Индиран.

— Не люблю, — невозмутимо согласился проводник. — Предпочитаю иметь дело с лучшими творениями людей, а не с ними самими.

— Но вы же пошли с нами спасать экспедицию! — воскликнул Нарин.

— Да уж не Сильмарилл добывать, — тут Мэйтар тоже усмехнулся, коротко и нехорошо. Сразу захотелось закончить разговор, но именно этому желанию Индиран и возразил.

— Тоже ведь лучшее творение рук, хм, человеческих, если можно так сказать, — заметил он.

— Не человеческих, — ответил Мэйтар коротко.

— Я рад, что встретил единомышленника в этом, — сказал умбарец искренне.

— Наука не занимается вопросами личной веры, — покачала головой Аэлин. — Даже если мне будет хотеться считать жителей Первой эпохи теми самыми бессмертными эльфами из легенд, а не прогрессивным племенем изобретателей строительства и кузнечного дела, я буду об этом молчать.

— Чтобы не испортить себе карьеру? — съязвил Индиран.

— Вам легко говорить, вашу карьеру ничем уже не спасти и не испортить, — парировала она. — Ни эльфами, ни Сильмариллом. Ни Морготом, вероятно.

Мэйтар вдруг засмеялся. Это вышло так неожиданно и даже зловеще, что затихли все, даже двое гребцов, которые увлеченно играли в местные кости с другой стороны костра.

— Что смешного я сказала?

— Как вы думаете, Фэрамир уже знал, как называют тот затерянный храм местные

жители? — спросил Мэйтар, отсмеявшись.

— Не думаю...

— Здесь его зовут храмом Темного. То есть, Моргота. Вот профессор Индиран и проверит, повредит ли его карьере, хм, Моргот.

— Уж не поэтому ли вы закупили лишние патроны?

— Патроны лишними не бывают, — коротко сказал Мэйтар, и вот тут разговор действительно закончился.

Наутро река немного поднялась и стала ещё более мутной. Проводник сказал, что тучи, висящие в верховьях реки, заслоняют горные вершины, а значит, цель уже не так далека. Подъем воды и ускорившееся течение замедлило скорость лодки, зато и большинство мелей скрылось под водой, и не приходилось так тщательно выбирать путь. Дважды в день они делали остановки, археологи выполаскивали потные рубашки в реке и надевали их мокрыми. Местные гребцы, не боясь солнца, посмеивались над ними. Бронзовокожий умбарец мог бы без вреда для себя снять рубашку, но перед Аэлин было неловко — она-то сидела не только в рубашке, но и в жилете с карманами поверх нее, спасаясь от жары лишь обливанием. Кстати, Аэлин с того разговора стала по утрам надевать на себя пояс с револьверной кобурой.

— Стреляли когда-нибудь в человека? — спросил Индиран, увидев это в первый раз.

— Однажды приходилось. На экспедицию в северном Эриаде напали местные браконьеры, орали в темноте и угрожали оружием. Я стреляла на голос.

— Значит, справитесь. Попали?

— Задела.

— Годится.

Ещё три дня спустя, когда река поднялась ещё сильнее, и по высокой воде они удачно одолели несколько порогов, остановились на ночь у подножия большого белого утеса, настолько отвесно обрывающегося в реку, что даже лианы его оплетали только местами. И здесь гребцы, едва вытащив на берег лодку, торопливо заговорили с Мэйтаром.

— Уходят? — спросил Индиран.

— За этой скалой для них начинается дурная земля, — кивнул тот.

И верно, гребцы даже скалы постарались не касаться и развели костер в стороне от нее. Мэйтар посмотрел на небо и велел натянуть тент перед сном и укрыть груз.

Ночью прошел короткий, но сильный ливень, и утро встретило путешественников сырой прохладой. Вода плескалась ещё выше вчерашнего. Туземцы, едва рассвело, сняли с поясов топоры, срубили небольшое прямое дерево, нависавшее над водой, очистили, вырубил из веток два шеста, многословно попрощались и верхом на бревне устремились вниз по течению. Двое гребцов вели бы нагруженную лодку против течения слишком медленно, а Аэлин не могла долгое время работать веслом, поэтому дальше предстояло идти пешком. Проводник осмотрел их обувь перед выходом и объяснил, как уберечь ноги от натирания в дороге.

— Оставьте здесь часть припасов, — распорядился также Мэйтар. — Нам важнее быстро добраться до развалин и установить судьбу вашей экспедиции, а затем вернуться.

— Вы были там, — уверенно сказала Аэлин, довольно умело укладывая свой заплечный мешок.

— Больше тридцати лет назад.

— Что можете рассказать?

— Что город зарос и заброшен. И там действительно скверное место.

— И храм вы видели?

— Видел.

— Он действительно посвящен Темному, э-э, Морготу?

— Он был немного расчищен, — сказал Мэйтар, помолчав. — И там разводили огонь.

— Там продолжали, хм, поклонение? — уточнил Индиран. Плотнее завернул коробку патронов в брезент, чтобы уложить в мешок.

— Ничего про это не могу сказать. Внутрь я заходить не стал. Там жгли огонь, закоптив храм изнутри. И он вызывает необъяснимое отвращение. Это помимо того, что оттуда разлило каким-то подземным газом.

— Вы поэтому согласились, господин человеконенавистник? Вы думаете, что на археологов напали фанатики древнего культа и хотите сами проверить? И не предупредили никого? — Аэлин почти зашипела.

— Во-первых, и в главных, госпожа профессор, — Мэйтар пристегнул к своему вещевому мешку длинный свёрток ткани, в верхней части которого была поперечина, — у вас обоих нет денег, чтобы нанять отряд бойцов. Во-вторых, в городке Исме бойцов нет, а лесные люди с вами не пойдут и за деньги. И в-третьих, лучший стрелок городка Исме сейчас идёт с вами, и ваш коллега тоже стреляет хорошо. Я полагаю, вы сделали все, что могли, для ваших коллег и учеников.

— Я готовился искать затерянный храм, — с досадой сказал Индиран, — а там может оказаться проходной двор!

— Помолитесь, чтобы это было не так. Пригодится.

Вздохнув, Аэлин взвалила на спину вещевой мешок и поправила кобуру револьвера, чтобы груз не мешал его вытащить.

Припасы остались дожидаться их в расщелине белой скалы, укрытые от дождей и зверей.

Индиран достал лесной нож и приготовился расчищать себе дорогу в чаще, но проводник повел их едва заметными тропами, может быть, звериными, тянущимися вдоль

воды по высокому берегу. А ещё он без особого труда нес на себе груз вполтину больше, чем у других мужчин.

Надо сказать, Аэлин несла свой груз без жалоб и споров, чего Индиран даже не ожидал от жительницы гондорской столицы. Невысокий Нарин шел последним, мешок высоко торчал над его головой.

— Звериная тропа не может быть настолько прямой, — сказал Индиран немного погодя. — Здесь когда-то проходила дорога!

— А вот и камни от вымостки, — указал Нарин на вывороченный корнями, заросший мхом, но, несомненно, когда-то отесанный камень.

— Нет ли здесь вдоль дороги надписей на камнях? — немедленно спросила Аэлин.

— Я не видел, — отозвался Мэйтар.

Незадолго до заката они наткнулись на недавно расчищенную полянку, а проводник, раздвинув траву, указал на угли от костра.

— Кажется, мы идём по следам Фэрамира, — обрадовался Индиран.

— Они и ночлег для нас приготовили, — пошутил Нарин.

— Фэрамир всегда заботился о коллегах и спутниках, — грустно сказала Аэлин.

— По ночам придется дежурить, — сказал Индиран.

— Не нужно, — возразил ему Мэйтар. — Я услышу, если кто-то пойдет этой дорогой или попробует подкрасться.

Из упрямства Индиран полночи клевал носом у костра, но, в конце концов, заснул в неудобной позе. Казалось, их проводник вовсе не спит, а только лежит и вглядывается в звёздное небо между верхушек деревьев.

Так и повелось следующие дни: они шли по тропе на остатках древней дороги весь день, отдыхая в самое жаркое время. На четвертый день дорога исчезла, вероятно, свернула, но экспедиция упорно прорубалась сквозь заросли в прежнем направлении, и путешественники двинулись по этой узкой просеке, в которую успели прорасти лишь молодые стебли и новые побеги лиан. Воду из реки Аэлин пить по-прежнему не разрешала, но время от времени им попадались ручьи, сбегавшие к реке, с хорошей чистой водой. Проводник всегда пробовал ее первым и иногда запрещал пить из совершенно безобидных с виду ручьев. Но все же недостатка в воде у них не было.

На шестой день пешего похода просека, попетляв среди холмов, взобралась на склон одного из них — несомненно, Фэрамир хотел осмотреться. Подумав, Мэйтар тоже повел маленькую экспедицию наверх. Полог леса разомкнулся, и второй раз за все путешествие в джунглях они смогли увидеть горизонт. С вершины холма им, наконец, открылись предгорья того, что на карте Умбарского географического общества именовалось "Серыми горами".

Индиран снял шляпу и восхищённо вытер мокрый лоб.

Между ними и далёкими горами вздымались две волны холмов, ближняя пониже, дальняя повыше, на верхушках второй серые скалы уже разрывали лесной покров. Густые облака, не очень свойственные этим местам даже зимой, клубились надо всеми холмами. А впереди, немного восточнее, словно раздвинув эти холмы, вздымалась округлая, широкая гора с плавными пологими склонами. Ее темная, почти черная макушка была лысой, как колено. А на нижних склонах... Индиран присмотрелся — казалось, брошенные детские игрушки затерялись там в траве и проглядывали кое-где сквозь нее. На профиле склона отчётливо был виден купол из темного камня.

Над нижними склонами горы там и сям вздымались клубы белого дыма. И даже над

куполом храма, казалось, что-то дымится.

— Лесные пожары? — Аэлин деловито вынула из мешка старый морской бинокль в футляре.

— Горячие источники. Иногда совсем кипящие. Из большинства пить нельзя, но справа у подножия горы течет река, и город поднимается от нее.

— Местные жители не страдали от ревматизма, — сказал Индиран, доставая свой бинокль.

— Они строили купальни на источниках.

— Встретим такой по дороге — можем искупаться.

— Нам надо спешить, — сердито сказала Аэлин.

— Пара часов ничего не изменит, — Индиран внимательно оглядывал развалины в бинокль, взгляд его раз за разом притягивал храм, — нам все равно следует отдохнуть перед входом в город. И лагерь стоит разбить в стороне от него.

— В прошлый раз я шел вдоль реки, — показал Мэйтар, — и на подступах к городу видел развалины одной из купален. И ту воду можно было пить. Постараюсь вывести нас к ней, разобьем лагерь там в низине.

— Мы дойдем туда завтра? — Нарин осторожно принял у Аэлин бинокль и жадно вгляделся в развалины.

— Послезавтра, — ответил проводник.

Индиран снова вгляделся в темный купол храма:

— И всё-таки в этом храме что-то горит.

— Ещё может быть, что в той стороне пробился новый горячий источник, — Мэйтар вгляделся туда из-под ладони, а потом всё-таки жестом попросил у Индирана бинокль. — Это белый дым, а не черный.

— А что, горячие источники часто так делают? — студент уже бросил попытки отыскать признаки движения в развалинах. Проводник кивнул:

— Постоянно.

Они так и заночевали на этом холме, не разводя кистра: Индиран хотел проверить, не удастся ли разглядеть огней в темноте. Однажды ему почудились было слабые отблески света вблизи храма, но ничего больше разглядеть той ночью не удалось.

Полтора дня пути прошли быстро. Тропа, расчищенная экспедицией, вела точно к развалинам, здесь им очень повезло.

Уже на подступах к городу Мэйтар свернул с этой тропы и повел их за собой восточнее, петляя по слегка поредевшему лесу. Индиран даже не понял, каким образом тот находит путь среди деревьев, однако, идя за проводником след в след, они двигались почти также быстро, как по тропе. Время от времени приходилось все же пробираться сквозь листву или срубить особенно назойливую ветку, но они продвигались вперед, а вокруг плотной стеной стояли джунгли, и это выглядело прямо-таки пугающе. Индирана грызла чернейшая зависть — до этого момента он считал себя опытным путешественником, умеющим ходить по лесу в любой части света. И все это время демонов проводник нес мешок тяжелее, чем умбарец...

Джунгли подавляли. Со всех сторон свешивались с деревьев разные лианы, с липучками, с колючками, с листьями и без, казалось, они опутали собой весь мир, опирающийся на древесные колонны. Под кронами царил полумрак. Не раз кто-то из путешественников хватался за лиану, чтобы удержать равновесие, и прилипал к ней или ранил ладони. Индиран шепотом бранился, так как раны в здешних местах легко воспаляются, но Мэйтар пообещал

им какую-то чудодейственную здешнюю воду для промывания ран.

Самым трудным было искать, куда здесь наступить. К счастью, земля была не влажной, а на удивление темной и пористой, почти сухой, но все равно их путь был сплошным переступанием по камням и корням. Медленнее всех шла Аэлин, она обливалась потом так, что рубаха облепила ее со всех сторон весьма соблазнительным образом, но и она упорно одолевала дорогу. Нарин порой поддерживал ее, когда перебирались между особенно крупными камнями и корнями.

Потом Аэлин выругалась, как грузчик в порту, и Индиран стремительно обернулся. Женщина сжимала в руке гибкую, толстую лиану, которая изгибалась к ней, громко шипя. Через мгновение змея полетела мимо Индирана, тот отбил ее куда-то в заросли, и оттуда раздалось такое шипение, словно кинули полведра картошки на раскалённую сковороду.

— А вы везучий, — возникший рядом проводник повернул руку Индирана и показал маслянистое пятно на его рукаве. — Госпожа Аэлин, постарайтесь не хватать больше змей руками. Нам осталось немного.

— Простите, — процедила женщина мрачно в сторону умбарца.

— Надо же, какие слова вы знаете.

— Вы часто недооцениваете чужие познания.

— Благодарю за чуткость и понимание!

— И тактичность не забудьте.

Мэйтар мелодично свистнул, зовя их за собой, и бесконечный путь по лесу возобновился. Чувство времени Индирана покинуло, он отмечал, что солнце опускается, дело идёт к вечеру, но казалось, что они так идут по лесу уже целые недели, а проводник только дурит им головы. Или водит кругами. Или вообще ведёт навстречу неизвестному врагу, который желает не то их гибели, не то позора. Индиран сам удивлялся этим детским мыслям, но они были необычайно назойливы и возвращались, стоило лишь отвлечься от дороги.

И все же настал конец и этому пути. Сперва лес немного поредел, под ногами земля вздыбилась и начался подъем, затем донёсся шум воды, и деревья расступились, открывая мелкую быструю речку. Здесь они напились и освежились. Последним усилием путешественники перешли речку вброд, поднялись ещё немного вверх по другому берегу и оказались вдруг перед развалинами, сквозь которые проросло здоровенное дерево и оплело их корнями, будто множеством цепких рук. Запахло чем-то неприятным и в то же время знакомым — словно на модном курорте. Чуть поодаль пар поднимался над источником, падающим сквозь стену в высеченный в темно-сером камне бассейн.

— Богатый дом с купальней! Мы в пригороде! — обрадовалась Аэлин. Несмотря на усталость, тут же подошла к стене, провела ладонью по остаткам каменной резьбы. Пробормотала «Напоминает, скорее, южный Харад и стиль Чан-Ри, чем северный Кханд интересно...»

— Промойте руки и все ссадины в этой воде, — Мэйтар сбросил свой заплечный мешок и с удовольствием расправил широкие плечи. — Можете даже искупаться. Здесь мы должны быть в безопасности, эта лощина не просматривается со стороны. Нас никто не видел по дороге, я рассчитываю.

И все же он огляделся и чуть нахмурился. Казалось, он недоволен, но не может понять, чем именно.

Нарин уже радостно скинул ботинки и хотел измерить глубину бассейна, но чуть туда

не провалился. Похоже, здесь можно было плавать, и окунуться в горячую воду захотелось нестерпимо. Даже больше, чем в холодную во время перехода реки!

— В город надо идти завтра, после отдыха, — Индиран смерил взглядом клонящееся к горизонту солнце. — Последний переход был тяжёлым, никакого толку от нас сегодня уже не будет. Вы словно нарочно прятали нас, верно?

— Верно, — Мэйтар все ещё осматривался. — Уверен, что никто не видел нас на подступах к городу. И все же меня не покидает странное чувство, что за нами наблюдают.

— Будем считать, на сегодня вы нас спрятали.

Проводник молча обошел лощину, заглянул за едва различимые под лианами остатки каменной ограды, затем вернулся к полуразрушенному дому и заглянул внутрь. Вернулся к остальным.

— Здесь кто-то недавно был и ночевал, — сказал он негромко. — Один человек. Похоже, что без оружия — я не чувствую запаха пороха.

— Запаха! — фыркнул Индиран, снова чувствуя отчаянную зависть к чужим возможностям. А ведь никогда раньше на физическую форму не жаловался, он что, стареет? Так Мэйтар изрядно старше!

— Сейчас поблизости никого нет, нам стоит помыться, пока есть возможность. Позже я поищу его.

— Тогда подождите сообщать госпоже профессору. Пусть искупается спокойно.

Проводник снова только плечами пожал. Но промолчал.

Нарин первым рискнул раздеться до подштанников, извинился перед Аэлин и погрузился в источник. Издал невнятные звуки и поплыл, держась в стороне от текущих по стене струй.

— Великолепно! — прокричал он шепотом. — Госпожа профессор, обязательно попробуйте!

Но та рискнула только после того, как студент выбрался из старого бассейна. Индиран полуотвернулся, делая вид, что отдыхает и смотрит на лес и вершину, а сам искоса наблюдал за купанием коллеги. И отмечал, что фигура у госпожи профессора весьма неплохая, а облепленная мокрыми подштанниками и рубашкой — так вполне привлекательная, да и без очков она выглядит моложе и не такой строгой. Хм, может быть, она нарочно носит очки, чтобы выглядеть серьезнее?

— Нарин, что же вы не сказали о масках в бассейне? — спросила Аэлин, едва одевшись.

— Вот здесь ещё на стене есть! — отозвался прилежный студент, отодвигая лианы, и Индиран прямо разозлился, что его обошли, пока он подглядывал за оппоненткой. — Я не могу их вспомнить, вроде бы что-то подобное упоминалось...

— Находки в нескольких усадьбах начала Третьей эпохи, — подсказал с удовольствием Индиран. — Их ещё называют "спрятанные маски". Найдены в задних комнатах или отдельно стоящих постройках. Что-то общее, пожалуй, есть, но какую связь вы видите?

— Темные культы, — донеслось от воды. — Бассейн ваш.

Вода была совершенно восхитительна, как на лучших курортах Трехгорья — горячая, насыщенная пузырьками, отдающая резким запахом. Она расслабляла и требовала отдыха, потому пришлось вылезать довольно быстро — иначе был риск размякнуть и заснуть, едва выбравшись. Но рассмотреть маски он успел — они украшали с двух сторон прежний сток воды в бассейн.

Последним купался их проводник, причем тот безо всякого стеснения разделся догола.

И снова вызвал лютую зависть у Индирана — такая фигура без капли жира, да в шестьдесят лет!

И ещё странно, мелькнула мысль — ни одного шрама. За столько лет в джунглях... Тут Индирану попался на глаза тот самый каменный узор, и он выкинул лишнее из головы.

На этот раз ночные дежурства установили без споров, разделив ночь между тремя мужчинами. Аэлин была готова взять на себя четвертую долю, но ее просто не разбудили, на что она утром обиделась. Вещи сложили в углу развалины, скрыв их лианами и палой листвой, и отправились разведывать город только при оружии и с запасом сухих галет в карманах.

Надо сказать, с утра Мэйтар предложил пойти разведать город в одиночку. И честно сказал, что путешественники слишком неопытны в передвижении. На это Индиран возмутился, объявил, что достаточно опытен в хождении по любым руинам, и отсиживаться в убежище не собирается. А в городе может быть нужен учёный с его опытом, чтобы разобраться в принадлежности руин. И в свою очередь предложил оставить ждать госпожу профессора. На что проводник ответил, что не видит большой разницы между умениями Индирана и Аэлин, шуму они производят примерно одинаково.

"С высоты своего опыта и высокомерия", — проворчал археолог себе под нос.

Кратко описав, где он побывал, проводник предложил дойти до уцелевшего высокого дома и с него осмотреть часть города, прежде чем идти в центр к храму, и это признали хорошей идеей.

— Жаль, что вы тогда не начертили карту, — только и сказала Аэлин перед выходом.

— Не подумал, — легко сознался проводник.

Пробравшись следом за Мэйтаром сквозь заросли к развалинам городских ворот, они и увидели надпись. Кто-то оставил запись куском мела или штукатурки на уцелевшей кладке справа от воротного проема, и ее ещё не успело смыть дождями.

— Но это же синдарин! — воскликнул удивлённо Нарин.

— "Берегитесь...", — хмыкнул Индиран, — не разобрать только, чего именно.

— Кто-то из экспедиции намеренно оставил надпись на языке, которого не знают ни местные жители, ни вообще кто либо, кроме историков древности. Он не хотел, чтобы ее понял кто-то ещё... — Аэлин невольно поправила кобуру револьвера.

— "Нападения", — хмурый Мэйтар очертил пальцами несколько смытых древних рун. — Берегитесь нападения.

— Так, — сказал Индиран, — вы ещё и синдарин знаете. Какой университет вы заканчивали, если не секрет? Гондорский или Умбарский?

— Я самоучка. Идите за мной и постарайтесь сохранять тишину.

Если бы не нависшая угроза, прогулка по городу была бы дивно хороша. Из-за каменной вымостки и каменистой почвы деревья здесь росли разрозненно, не закрывая света, зато причудливо оплетая корнями стены построек, и солнце просвечивало сквозь них, словно в парке. Лианы покрывали ограды, некоторые бурно цвели после осенних дождей, и стены расцветали оранжевым и лиловым. Открытых глазу стен было мало, там, где не потрудились корни и ветви, нередко нарастал густо-зеленый мох, но кое-где вывороченные камни открывали фрагменты узоров и даже иногда надписей, знаки которой казались близки старокхандской письменности, только более угловатые и изломанные. На домах несколько раз встретились высеченные морды леопардов, и уже хотелось гадать, элемент культа это или охранные символы... Тишину нарушал лишь шум их шагов, и спящий под лианами и корнями город казался пустым и безобидным.

Только ощущение, что кто-то смотрит на него издалека, мешало наслаждаться этой сонной красотой.

И снова Мэйтар нашел для них тропу — едва заметную, выющуюся между домов и оград, слишком узкую для их ботинок, и все же позволяющую двигаться побыстрее. Город тянулся и тянулся, он вообще показался Индирану сильно разбросанным, и лишь больше часа спустя

они подошли к обещанному дому.

— Я бы не назвала это домом, — тихо сказала Аэлин. — Это или небольшой храм, или присутственное место. Посмотрите, сколько резьбы на обломках.

— Ворота малы, — возразил Индиран, — так что вряд ли это общественное здание. Просто очень богатый дом.

Башня возвышалась над развалинами больше на два этажа. Длинная трещина в темно-серой стене намекала, что долго этому не продлиться, но Мэйтар без страха вошёл внутрь, и Индиран понадеялся, что при них остатки башни ещё постоют. В башенке оказалось слегка прохладно из-за толстых стен и затеняющих все лиан. Перекрытия двух этажей сохранились, и даже подняться на уровень третьего обломки лестницы позволили. Забравшись туда, археолог выглянул в узкое окно — и на краю видимого пространства, далеко впереди и выше по склону поднялся перед ним купол храма.

И в первое мгновение захотелось спрятаться от него, чтобы не заметили.

Поднялась осторожно Аэлин, пробралась довольно ловко по остаткам ступеней. Выглянула в окно и поежилась.

— Интересно, мне одной кажется, что оттуда наблюдают?

— Не одной, — подтвердил Индиран.

— Какое-нибудь движение видите?

— Отсюда — нет. Только пар над храмом. Скорее всего, под ним ещё один источник.

— Тише, — сказал сверху Мэйтар. Все замерли, и Нарин на втором этаже тоже. Кричали птицы, довольно противно, что-то шуршало в листве у подножия башни, и шелестел ветер в листьях развесистого дерева во дворе усадьбы...

Проводник спрыгнул с гребня стены на пол второго этажа, придерживавшись слегка рукой за обломки, и вихрем слетел вниз по ступеням. Снаружи раздался хруст и шелест. Индиран тоже сбежал на второй этаж и бросился к окнам в другую сторону.

Проводник вытаскивал из кустов лохматого человека в изорванной одежде. Когда Мэйтар втащил его в башню, тот упирался и брыкался, но не кричал. От ещё двоих мужчин он шарахнулся и прижался к стене. Тут сверху спустилась Аэлин — и пришелец бросился к ней, едва ли не в ноги.

— Профессор Верен... — выговорил он с трудом, губы у него тряслись. — Профессор Верен... как?..

— Дейнар? Мирен Дейнар?

Индиран встряхнул его, нажав на плечи, заставил сесть на ступеньку и вложил в руку фляжку с ромом. После двух глотков парень заплакал и никак не мог остановиться. Пара затрещин от Индирана его в чувство не привели, а третью немедленно получил сам Индиран от Аэлин. Тогда свою флягу достал Мэйтар, дал парню отпить словно бы слабого пива или вовсе травяного отвара, судя по запаху — и тот как-то выдохнул и, наконец, немного успокоился. Стало видно, что это совсем молодой парень, и борода у него растёт ещё плохо, клочками на подбородке.

— Вы здесь из-за нас? — спросил Мирен с тихим отчаянием.

— Да. Рассказывай.

— Но вас только четверо!

— Рассказывай, — повторил Индиран внушительно. — Начни с главного.

— Их держат в подземелье в той стороне! — выпалил Мирен. Снова еле справился со слезами — и начал говорить уже безостановочно.

...На лагерь Фэрамира у подножия горы напали во вторую ночь. Очень обыденно — пришли вооруженные люди из темноты, застрелили дежурного и ещё двоих, схватившихся за оружие и увели за собой всех остальных — рабочих, студентов и археологов. В темноте Мирен плохо понимал тогда, куда их ведут — помнил, что долго шли, а потом их загнали в подземный ход и в камеры в нем. А дальше стало скучно и страшно: время от времени приходили люди и уводили кого-то с собой, и не возвращали. А доктор Фэрамир разглядел на руках некоторых людей золотые кольца с надписями, и сказал, что это поклонники демонов, которые приносят людей в жертву, и, вероятно, совершают здесь обряды вдали от цивилизации. Или готовят особо кровавый ритуал... И тогда доктор Фэрамир сказал, что уже неплохо пожил на свете, а вверенные ему студенты — ещё нет. И когда из камер попытались забрать студента, сам пошел вместо него, и так сделали потом несколько преподавателей. А Мирена забрали ещё после них, и он даже не очень помнит, как сумел сбежать — просто кинулся мимо них из клетки, когда его поманили, словно сумасшедший, убежал в темноту коридоров, а потом выбрался через какую-то щель на поверхность и бежал, пока не свалился без сил.

— Я хотел идти за помощью, — говорил он, глядя в одну точку, — хотел и даже пошел по тропе, а потом понял, что я даже с нее сбиваюсь... И ещё понял, что пока я доберусь и вернусь с подмогой, ну, сколько пройдет — месяца два или три... А вдруг там уже останется никого?.. Пошел обратно... мне снова стало страшно, а потом там за оградой появились собаки, большие такие, серые и одинаковые... я по ручьям от них уходил... помочь не мог и уйти не мог...

— Много там охраны? — деловито спросил Индиран, словно уже готовился к штурму загадочных подземелий.

— Кажется, много. Стену, внутреннюю, охраняют... там, где можно пройти...

— А сколько их было всего?

— Когда напали на лагерь... десятка два. Но я не знаю, сколько их всего...

— Как ты заметил нас? — поинтересовался проводник.

— Я прихожу к этой башне... часто. Далеко видно. Так спокойнее...

Индиран невольно тоже ощупал револьвер.

— Да, — вздохнул он, — в ближайшее время Сильмарилл мне не светит. Придется что-то делать и быстро, пока нас с собаками не нашли.

Мирен так и вытаращил на него глаза с немым вопросом в них.

— Хотя я уверен, что Камень тоже здесь.

— Может, хоть сейчас расскажете, почему вы так решили? — усмехнулась Аэлин. — Пока у нас время есть ещё.

Мэйтар тоже посмотрел с интересом. Он, кажется, ни на грош не верил в Сильмарилл в храме.

— У похитителей тоже заметили золотые кольца с надписями, — объяснил Индиран, усевшись тоже на ступеньку рядом с беглецом. — На темнокожих руках золото было хорошо видно. Из всех изображений колец с надписями, которые я показал, свидетели выбрали вот это, самое похожее.

Он достал из внутреннего кармана записную книжку, открыл на странице с рисунками. Показал крупно зарисованную надпись.

— А, якобы заклинание Кольца Власти, — пренебрежительно сказала Аэлин.

— Похоже... Оно правда похоже! — Мирен снова вздрогнул. Мэйтар положил руку ему

на плечо, и тот затих.

— Этот знак в Четвертую и даже Пятую эпоху использовали темные культы Харада, — пояснил Индиран деловито, словно находился в аудитории. — В Пятую эпоху они проникли и в Умбар с Гондором, и в Кханд. Изменив при этом опознавательные знаки вот таким образом...

— Превратив из осмысленной фразы в опознавательный узор без самостоятельного значения, — дополнила Аэлин.

— А в Кханде летописи называли два центра темных культов: Невхар на севере и Тархин на юге.

— Невхар — развалины в пустыне, пришедший в упадок после перемены климата.

— А Тархин пропадает из летописей после распада союза княжеств восточного Кханда и затяжной войны всех со всеми в регионе из-за голода. Его примерное местонахождение высчитал мой преподаватель Дурин Танар Восьмой, и я воспользовался этими выводами в поисках. Здесь вдоль гор проходил караванный путь той эпохи, пересекаясь с путем по реке. На их пересечении и должен был находиться Тархин. Я выбрал водный путь как более быстрый, предполагая, что камень хотят использовать в одном из описанных темных ритуалов... — Археолог перелистал записную книжку. — "Дарение света". Когда любой предмет или человек, связанный в глазах дарящего или в общественном мнении со светлыми божествами, посвящается Тьме и даруется ей тем или иным способом. Обычно уничтожается, чем изощреннее, тем лучше.

— Но они же не смогут уничтожить Сильмарилл, — сказал вдруг потрясенный Мирен почти нормальным голосом. — Даже если предположить, что он существует...

Аэлин не удержалась и громко фыркнула.

— Давайте опираться всё-таки на факты, а не на легенды, — начала она. — Светящийся Сильмарилл — чисто легендарная вещь, но в летописях упоминается, как гораздо более достоверный предмет, так называемый алмаз Аркенстон, положенный в конце третьей эпохи в могилу короля гномов и вполне достоверно украденный в конце Четвертой из царских захоронений Одинокой горы, священного места предков наугов, взлом был отмечен в документах. Если исходить из кажущейся мне наиболее вероятной гипотезы, что поэма "Нолдолантэ" — это переработка фольклора Северо-запада, сделанная уже в Четвертую эпоху, то упоминающийся в ней Сильмарилл — это и есть воспоминания об Аркенстоне.

— Всеотец, я словно снова в аудитории сижу, — пробормотал Мирен, встряхиваясь и делаясь более собранным.

А стоящий Мэйтар странно улыбнулся. Очень трудно было словами описать его лицо, словно бы он одновременно старался не засмеяться и не выругаться, и что-то сказать. И передумал. Потом он справился с собой и снова стал непроницаем.

— Я с этой гипотезой не согласен, но предлагаю все же вернуться к насущным задачам, — Индиран убрал записную книжку. — Нам нужно пробраться в упомянутое подземелье, выпустить всех, кого там найдем и увести из города. За нами может быть погоня, вдруг собак по следу пустят. Нужно больше оружия для выживших.

Мирен снова вздрогнул.

— Я попробую провести вас к тому месту, где выбирался, — сказал он сдавленно.

Мэйтар сжал руку у него на плече.

— Держись, — сказал он просто. — Бороться со своим страхом очень трудно. Труднее всего.

— Может быть, попросить его описать дорогу и оставить здесь? — предложил Нарин.

— Не оставляйте меня! — воскликнул Мирен, вцепляясь в Индирана как самого ближайшего. — Я сделаю все, что смогу!

— Ну что ж, идёмте, — археолог поднялся и оглядел свою команду. — Показывай дорогу. Постараемся не поднимать шума.

— Так, — вмешался Мэйтар. — Все слушаются меня беспрекословно — или остаются здесь. Индиран?

— Командуйте, — согласился археолог нехотя.

— Нарин снова замыкающий, Мирен идёт за мной. Смотрите в окна, вот та полоса — это внутренняя стена вокруг сердца города.

— Ее охраняют, — поспешно сказал Мирен, — но она полуобваленная и с трещинами.

— Если там собаки, то нет смысла ждать сумерек, попробуем подобраться сейчас. Либо я пройду вперёд от стены, а вы дождетесь.

— Мне нужны мои студенты, — сказала Аэлин твердо. — И револьвер лишним не будет. Как патроны.

"А ещё мне нужен вход в храм", — подумал Индиран, но вслух не сказал.

Теперь они двинулись гуськом в сторону, указанную беглецом. Мирен был готов петлять от ручья к ручью, но проводник повел их своим путём, петляя между развалинами и избегая больших мощеных улиц. Солнце поднялось почти в зенит, стояла утомительная жара, и забытый город словно весь впал в сонное оцепенение. Затихли птицы, улёгся ветер, и звук каждого шага путешественников словно бы разносился за несколько кварталов. Как ни старался Индиран ставить ноги осторожно, он все равно производил больше шума, чем хотел. И только шаги проводника в его сапогах из мягкой кожи производили лишь лёгкий шелест.

Они подошли к третьему по счету горячему источнику на их дороге. Тот пробился посреди бывшего двора и превратил половину его в жидкую грязь, а ещё подмыл ограду. Здесь Мэйтар наклонился над теплой грязью и даже коснулся чего-то рукой, потом шагнул в сторону, и Индиран увидел отпечатавшуюся в засохшей грязи цепочку следов довольно крупного зверя.

— Это не собака, — сказал сухо Мэйтар. — Это волк.

— Но разве в джунглях волки есть? — удивился сзади Нарин.

— Нет, — сказал Индиран. — В этих — нет. В лесах Кханда живут только большие кошки, а волки есть на опушках и степных плоскогорьях, где можно загонять дичь стаями.

— Серые собаки, говоришь? — хмыкнул Мэйтар.

Растерянный Мирен что-то пробормотал, но Мэйтар уже позвал остальных и повел путешественников в обход грязевой лужи.

Они шли, как понял Индиран, наискось через нижнюю часть города, подбираясь к северному участку ограды под прикрытием развалин. Несколько раз они торопливо перебежали через улицы после того, как Мэйтар осматривался, и снова скрывались среди развалин оград и домов. Здесь проходили там и сям малозаметные звериные тропы, и Мэйтар их находил ловко, словно спрашивал дорогу у оленей и водосвинок.

"Интересно, сколько этот человек запросит, если предложить ему участие в следующей моей экспедиции?"

Ориентиром здесь продолжал служить купол храма, мелькавший среди деревьев: он медленно приближался, одновременно сдвигаясь к югу. Мирен опознал в широком доме с

остатками рельефа по фасаду важную примету: от него следовало свернуть к внутренней стене и искать в ней пролом, почти скрытый лианами. Подумав, Индиран предложил дать всем передохнуть в тени толстых стен. Они так и сделали, скрывшись в прохладе уцелевшей залы первого этажа.

Внутри было словно в оранжерее: зелёные ветви змеились по стенам, запуская отростки в их щели, в оконных проемах распускались цветы, для разнообразия просто белые, между плитами пола там и сям торчали пучки травы с треугольными листьями и мягкими метелочками над ними. Путешественники успели выпить воды и перевести дух, и тут Мирен, глядевший в окно, отчаянно побледнел, а Мэйтар встал медленно и бесшумно.

На остатки каменной вымостки перед домом ступил здоровенный волк, больше, чем любой, виденный Индираном что в лесах Северо-запада, что в джунглях Юга. Он опустил голову, пригнувшись, и на его кожаном ошейнике блеснула причудливая бляха, украшенная древней надписью из округлых букв с длинными хвостиками.

Мэйтар прижал палец к губам, показал на оружие и мотнул головой. Индиран, уже поднимавший револьвер, замер, а проводник шагнул вперёд, сжимая свой длинный свёрток и сбрасывая с него ткань.

Клинок, вытянутый из ножен, зашуршал зловеще, словно подползающая змея. Волк обернулся на этот звук и оскалил зубы. У него даже не из пасти, а из середины груди донёлся низкий рокочущий рык, он присел, готовясь к прыжку. Мэйтар развел руки, держа ножны в левой как второй клинок, сделал скользкий шаг по старой вымостке.

Зверь коротко взвыл и бросился на него. А вот дальше Индиран даже не разглядел движения, только блеснуло что-то в воздухе, звук раздался мерзкий и хрустящий, клинок блеснул вправо и вперёд, и зверь рухнул на камень, хрипя и заливая базальтовую плиту кровью из почти отрубленной головы.

Следующим коротким взмахом Мэйтар стряхнул кровь, словно ее и не было, и вложил чистый клинок в ножны, а ножны вернул за спину. Только уже без маскировочной тряпки. Схватил волка за шкуру и поволок внутрь.

— Придется спешить, — сказал он. — Он позвал своих, времени немного. Не повезло. Вперёд или назад?

— Вперёд, — сказал археолог. — Второй раз нас могут и не подпустить.

— Какой смысл тратить металл на ошейник? — спросила вслух Аэлин сама себя, проводя пальцем по бляхе. — Это позолота. И тот самый опознавательный узор темных культов.

— Это все, что вас беспокоит в этом волке, госпожа профессор?

— Не понимаю смысла демонстрации богатства там, где его некому показать.

— Не трогайте это, — сказал вдруг Мэйтар и отвёл руку Аэлин от ошейника. — Оно мне не нравится. Оно действительно неспроста. Не прикасайтесь к вещам с этой дрянью.

— Но почему?

— Потом постараюсь объяснить. А сейчас надо спешить. По-хорошему — прочь отсюда. Но и Индиран прав, в следующий раз охраны могут выставить больше, если у них есть на то люди.

— Ведите, — сказала Аэлин.

Указав пальцем проводнику за плечо, Индиран пошутил:

— И патроны в нем не кончаются?

— И осечек не дает, — кивнул Мэйтар. — Торопитесь.

Теперь они шли быстро и совсем среди развалин, петляя от одной стены к другой и скрываясь в зарослях. Но ещё одна остановка была: Мэйтар увидел какое-то резко пахнущее растение и велел натереть его листьями подошвы обуви, как можно скорее. Как это должно было отпугнуть волков, Индиран даже не спросил. Стало не до того: перед ними выросла стена. Теперь путешественники почти бежали вдоль нее, надеясь отыскать пролом. Шума позади пока слышно не было, и они надеялись, что переполох откладывается.

Неожиданно Мэйтар остановил их взмахом руки. И совершенно бесшумно двинулся вперед, пока они переводили дух. Индиран попробовал последовать за ним, но под ногами тут же что-то зашуршало и захрустело, он замер — а проводник будто скользил над всеми сучками и листьями в своих мягких кожаных сапогах.

Впереди, видимо, был пролом в стене, из него торчали ветки. Осторожно заглянув в него сбоку, Мэйтар тихо прислонил к стене ружье — и кувырнулся в тот пролом, будто в воду нырнул.

Когда Индиран сунулся туда сам, уже все закончилось. Мэйтар деловито скрутил караульного обрывками его же одежды и затащил подальше в кусты. Его устаревший массивный револьвер проводник предложил Нарину, когда тот забрался в пролом, но Нарин честно признал, что с оружием обращаться умеет плохо. Индиран забрал добычу себе и упрятал в поясную сумку.

— Место узнаешь?

— Да, оно, — кивнул Мирен и поежился. — Вон оттуда я прибежал. Выход был просто в одном из домов, я помню, что у него один этаж и еще кусок стены торчал вверх, будто второй был и весь обрушился, кроме нее...

— Шевелитесь, — приказал Мэйтар, он хмурился все сильнее. Несомненно, он жалел, что не оставил археологов на стоянке. Индиран начинал подозревать, что Мэйтар все же был прав, как ни неприятно было признавать, но менять что-то было уже поздно. Возможно, следовало остаться хотя бы в башне... А впрочем, волки уравнивали возможности опытного лесовика и любителей, не делая между ними разницы, следы-то пахнут у всех.

Они почти пробежали вслед за быстро, размашисто идущим проводником. Примятая кое-где трава, обломанные и обрубленные ветки говорили Индирану, что здесь стали ходить люди, причем не слишком давно, и Мэйтар безошибочно находил эти приметы на ходу, словно не задумываясь. Он даже не стал задерживаться, чтобы осмотреть появляющиеся рядом развалины домов, приметы вели его дальше, и безошибочно вывели всех к дому, над которым клыком торчал еще кусок обрушенной стены. В его дальней комнате к стене прислонили каменную плиту, а не потемневшие еще доски прикрывали темный провал в расчищенном полу.

Мэйтар осмотрел своих подопечных, вздохнул и спрыгнул туда первым.

Подземный ход оказался неожиданно сухим и почему-то теплым. Здесь не было привычной подземной прохлады, земля словно равномерно прогревалась изнутри. Затхлостью здесь тоже не пахло, лица Индирана коснулся легкий сквозняк — здесь когда-то устроили хорошую вентиляцию. Но зато пахло серой и еще чем-то, словно от горячего источника, этот запах несло им навстречу из глубины подземных ходов.

— Мне здесь не нравится, — прошептал Нарин.

— Мне тоже. Что скажете, Мэйтар?

— Ничего хорошего.

— Тогда идем.

Аэлин зашуршала спичками и зажгла огарок свечи, вытащенной из кармана. Индиран приготовился зажечь свой факел, но Мэйтар его удержал. Проводнику явно хватало этого света.

Они тронулись в путь, придерживаясь руками за стены. Пальцы Индирана то и дело натывались на остатки рельефов. Аэлин тоже временами подносила огарок к стене.

Маски были здесь везде. Пустоглазые, похожие на черепа, они будто следили за

чужаками, и хотелось невольно от них отвернуться и скрыться. Чувство, что на них смотрят, стало с трудом выносимым, и иногда вместо того чтобы идти и делать свое дело, хотелось орать, пинать стены и обвинить кого-нибудь в том, что их завели сюда нарочно. Вот например, этого невыносимо надменного проводника, строящего из себя аристократа: уж он наверняка знает, куда их притащил. Или эту стерву в очках, заикленную на своих студентах и книгах: она вынудила его, прославленного археолога, заниматься дурацким спасательством! А мог бы сейчас искать Камень...

Студенты, напоминал себе Индиран. Мальчишки.

А мог бы сейчас искать Камень, неотступно вертелось в голове. Дарение света... Что, если рукотворное чудо, будь оно Сильмарилл или Аркенстон, окажется уничтожено?

Они остановились на развилке. Из округлого зала выходили три хода разного размера. Мерно капала вода из трещины в стене. Вода отдавала серой.

— Ещё раз повторите, как выглядел проход, где вас держали, — повторила Аэлин, мрачная и бледная в свете свечи.

— Змеи на стенах, — шепотом повторил Мирен. — Три больших парных змеи. Развилка в ближнем конце прохода, через который нас привели, и с другой стороны вглубь уходит тоннель, чуть вниз. И там две скелетных маски...

Мэйтар едва заметно пометил куском штукатурки ход, из которого они вышли, затем обошел зал, ступая тихо и осторожно. Осветил пол, указал пальцем на пятна возле прохода вправо и назад. В тоннель побольше тоже вели отдельные пятна, но правым проходом явно пользовались чаще, пол был грязнее. Индиран вслушивался изо всех сил, но не слышал ничего, кроме шлепанья воды по камню и из собственного дыхания и шороха шагов и одежды. Звуки будто глохли здесь, не разносясь далеко.

Большой проход словно бы тихо оседал вниз, и оттуда тянуло сернистым запахом. Должно быть, где-то в глубине здешнего лабиринта скрывался ещё один горячий источник с дымом и паром. Возможно, ритуальный бассейн, чтобы топить в нем жертв и приношения... археолог поежился. Кипящая вода, конечно, не повредит Камню, но и достать сокровище из такого источника будет почти невозможно без современной техники.

— Направо, — решил тем временем Мэйтар, и Аэлин кивнула. Индиран нехотя последовал за ними, теперь он шел замыкающим и тонул в тенях. Перед ним пыхтел Нарин, которого, похоже, подземелья не пугали, а сам Индиран чувствовал себя словно бы растворяющимся в этой тени.

Да что за бред ему в голову лезет? Он опытный путешественник, где только не лазал, в каких только подземельях не бывал! Он откапывал коридоры легендарной Мории, в конце концов! Едва не провалился в Морийскую пропасть! Его чуть не завалило землёй в Могильных курганах, и то он так не пугался!

А вот этого, наверное, и вспоминать не стоило. Тут же начало чудиться, что потолок оседает, и вот-вот поползут по нему трещины. Индиран стал вспоминать злобные ругательства на разных языках, отвлекся и налетел на Нарина.

Упала темнота — Мэйтар погасил свечу, и все замерли. Впереди замерцал свет, потом — со странным опозданием и глухо, словно издали — донёлся шум шагов, и по поперечному коридору пробежали люди с факелами. Путники переждали опасность, прижимаясь к стене и гадая, окажутся ли здесь волки.

Не оказались.

Снова затеплилась свеча, и вдруг Нарин в этом слабом свете поспешно раскрыл блокнот

и начертил карандашом несколько пересекающихся линий.

— Паутина, — сказал он шепотом. — Большие тоннели сходятся вниз и вглубь, возможно, в одну точку, поперечные их соединяют неравномерно...

— Если это так, обещаю отличные оценки за ориентирование за весь курс, — пообещала Аэлин. — Даже если по земле заведешь всех в болото!

— Вот и проверим, — не смолчал Индиран.

— Тогда идём поперек, пока не отыщем тоннеля со змеями.

— Тише, — только и сказал на это Мэйтар. — За мной.

Индиран с трудом подавил злость на него и удивился этой вспышке. Он же сам уступил проводнику право решать в этой части пути.

"Потомок короля, руководитель экспедиций — и позволил какому-то лесному затворнику командовать собой?"

"Один из множества побочных потомков, — насмешливо ответил Индиран самому себе. — А проводник и сам может быть из гондорской ветви, с его-то породистой рожей".

И удивился, потому что вспоминал о своем происхождении очень редко. В основном в глухих провинциях, чтобы расположить к себе местную аристократию.

Следующий большой тоннель пересёк им дорогу, и поперечного хода в нем не было. Но Нарин и Мэйтар, шепотом посоветовавшись, разошлись в разные стороны, и отыскиали его в пятидесяти шагах влево. Кажется, мальчишка был прав насчёт паутины...

Мирена потряхивало, но он держался.

Тишина в переходах становилась все более зловещей, теперь глохли даже их собственные шаги.

— Полагаю, — пробормотал Индиран, — строители нарочно добивались такого эффекта, и все эти маски и неровности стен рассеивают звук, а не отражают его. Чтобы сильнее напугать посторонних.

— У них получается, — сухо сказала Аэлин. — А ещё мы плохо слышим чужие шаги. Возможно, это важнее.

— Тише, — повторил Мэйтар устало. При свете свечи Индиран с удивлением увидел, как по щеке проводника ползет капля пота.

— Все в порядке? — спросил он на всякий случай.

— Это место сильно давит. Не поддавайтесь страхам, хотя бы старайтесь, — сказал тот тихо.

— Даже в захоронениях не было так мрачно, — нехотя сознался археолог.

— Вы не обязаны были сюда идти, — процедила Аэлин, отворачиваясь. На лбу у нее тоже выступил пот, голос звучал дребезжаще и неприятно.

— Я обещаю помощь.

— Тише, — повторил Мэйтар, и все послушно замолкли, даже Индиран к его собственному удивлению.

Новый коридор снова привел к залу и развилке аж на три стороны помимо тоннеля вниз. И вот здесь эхо было. Неожиданно шаги их не заглохли, а зашелестели по стенам, порождая эхо и заглушая все звуки. Индиран замер, Мэйтар жестом велел остальным не двигаться — но эхо ещё жило, шаги отскакивали от стен, повторяя друг друга...

— К оружию, — бросил Мэйтар и скинул ружье с плеча.

Пузырь тишины вдруг лопнул, и с трёх сторон на них бросились люди, затаившиеся в тенях.

Первым выстрелил Индиран из револьвера в упор, и эхо понеслось дробиться и множиться, почти оглушив всех здесь. Мэйтар врезал своему нападающему в зубы прикладом, перехватил ружье и выстрелил, ранив одной пулей насквозь двоих не то троих, и снова все оглохли от выстрела. Аэлин, кривясь от шума, подняла свой револьвер и уверенно выстрелила в ближайшего, Нарин коротким ударом отбросил от нее ещё одного.

Они все были с закрытыми лицами, несмотря на духоту, и лезли со всех сторон, как обезьяны, стаяй. Стрелять так было почти невозможно, и главное, они ни демона не боялись, словно револьвер и ружье для них ерунда...

Кто-то мотнулся под ногами Индирана, отвлѣк нападающего, археолог врезал в закрытое лицо с размаху, потом в ещё одно. Нарин был как на спортивной площадке, спокойным и сосредоточенным, и отбрасывал фанатиков от Аэлин с револьвером, а она выстрелила в четвертый раз, куда-то поверх голов, и Индиран краем глаза заметил там золотой блеск в темноте. А потом загредел могучий, звенящий как колокол голос "Все на землю!", и археолог бухнулся вниз, не успев задуматься. Дернул Мирена, который пытался зачем-то встать.

Мэйтар выхватил свой клинок и крутанул в воздухе, а потом вокруг себя. Звук раздался омерзительный, как в мясной лавке, несколько голов покатались под ноги, как мячи, тела даже ещё стояли несколько секунд. Развернувшись, проводник взмахнул клинком в третий раз, чуть ниже, и следующий ряд фанатиков, не успевших отпрыгнуть, переломился, как стебли полыни под косой, хрипя и с хлопаньем втягивая воздух.

— Не смотрите туда, — донесся голос Нарина и потом ответ Аэлин:

— В морге не хуже.

Вспыхнули факелы со стороны большого тоннеля, и Аэлин выстрелила туда снова. Вскрикнул и упал один из факельщиков, но высокий человек в золочёной маске не шелохнулся. Только вытянул руку вперѣд.

— Этого живым, — сказал он, показывая на Мэйтара. — Любой ценой.

Люди в повязках снова рванулись вперѣд, оттесняя Индирана к стене, будто куклу. Снова загрохотало ружье Мэйтара, он стрелял с левой руки, привычно, будто годами так и делал, сражаясь обеими руками. Опять взмахнул мечом, разрубая нападающих без всякой жалости.

Что-то мелькнуло со стороны человека в маске, он взмахнул рукой, будто пытаясь что-то сдернуть. Вспыхнули ещё факела, а потом Мэйтар оскалился страшно, отскочил, забросил за плечо разряженное ружье. Толпа качнулась за ним, оттесняя Индирана и Аэлин, словно забыв о них. Археолог дёрнул вверх Мирена, Нарин подхватил госпожу профессора и они отступили в свой боковой проход, не понимая, что происходит.

В центре зала творилось что-то невообразимое. Мэйтар метался из стороны в сторону, отражая удары нападавших со всех сторон разом, но самое невероятное происходило с ним самим. Возраст словно метелкой для пыли смахивали с его лица, морщины исчезли, а глаза засияли так, словно отражали невидимый отсюда свет. Он был молод, прекрасен и страшен разом, забрызганный кровью людей, которых рубил, словно кукол, без тени сомнений или страха.

— Вы это видите? — спросила Аэлин очень спокойно.

— Вижу.

— И я... — добавил растерянно Нарин.

«Бегите», сказал вдруг голос Мэйтара словно бы прямо на ухо Индирана, и никакой

шум, эхо и крики этому голосу не помешали. «Бегите немедленно. Я их уведу».

В тот же миг Мэйтар в зале метнулся в сторону, оттеснив на мгновение нападающих, и прыжками ринулся в левый тоннель. Фанатики помедлили и хлынули за ним, перепрыгивая через трупы. Пробежали несколько волков, даже не повернув головы в сторону ученых.

Индиран вцепился в обоих, Аэлин и Нарина, и потащил за собой назад в темноту.

— Быстрее, быстрее! — твердил он, почти волоча упрямую коллегу. А потом впереди вдруг затопотали, факела вспыхнули им навстречу, и новые люди ринулись мимо них, отталкивая археологов с пути, будто не видя их. Индиран не устоял, рухнул на пол, чьи-то ноги прошлись по нему, и кто-то, торопясь и будто не замечая, пнул его в голову.

"Бред какой-то", — успел подумать он.

А когда пришел в себя, то не сразу понял, где находится. Вокруг стояли непроницаемая темнота и тишина, и только где-то рядом упрямо капала вода, шлепаясь о камень.

Он нашарил в одном из множества карманов спички, зажёл одну. В коридоре больше никого не было, только пара масок пялилась со стен пустыми глазницами.

— Бред какой-то... — повторил Индиран, потирая шишку на голове. Он везучий, еще немного, и в висок бы угодили.

В голове не укладывалось, что враги его просто бросили. Нет, это тоже везение, но слишком уж нелепое! И сколько прошло времени, уже не понять.

Вернувшись к залу, он нашел там лишь трупы. Аэлин и студентов нигде не было. Как ни печально, пришлось сделать вывод, что их все же увели куда-то, а его приняли за мертвого. Что ж, надо решать, что теперь делать и кого искать. Или что.

Он поднял свечу повыше, осмотрел зал и главный тоннель. Новых пленных, скорее всего, поведут к хозяевам фанатиков, а хозяев логичнее искать поближе к центру событий. К центру паутины.

Не за Мэйтаром же гоняться теперь! Вот же послал Всеотец проводника! Нет, ну кто бы мог подумать... Увидеть живого эльфа своими глазами! Ему точно не почудилось, коллеги успели подтвердить. Вот только этот эльф был способен о себе позаботиться лучше самого Индирана, чего не скажешь о госпоже профессоре. Мирен ей точно не защитник, а один Нарин, хоть он и славный парень, с кучей врагов не справится. И Индиран, проверив, что револьвер при нем, зарядил его заново и решительно зашагал вперед и вниз.

А тихий голос внутри добавил — там и Камень может быть.

*

*

Нарин ловко выдернул свою преподавательницу за угол из толпы, которая несла их за собой, как прилив, и рухнул с нею на пол, закрывая своей серой курткой ее белую рубашку. Можно было лишь надеяться, что Мирен не потерялся в творящемся безумии. То, как люди в повязках на них даже не смотрели, устремленные вперед к единственной цели, пугало едва ли не больше, чем если бы они гнались прямо за ним.

Аэлин скорчилась на полу, о ее ноги постоянно кто-то спотыкался и перепрыгивал через них, и казалось, это уже никогда не кончится, и от этой дурной бесконечности хотелось кричать. Вдобавок под бедром оказался револьвер, и стало отчаянно страшно, что он самопроизвольно выстрелит. Она укусила себя за предплечье, чтобы не заорать от боли и страха. И все это тянулось и тянулось, а потом пинать стали реже и вдруг перестали, топот удалился вперед и вверх, фанатики исчезли, осталась только тяжесть. А потом и Нарин встал, шепотом бормоча извинения.

Едва Аэлин с его помощью кое-как поднялась, она сразу схватилась за револьвер снова. Страшнее всего было увидеть вновь того человека в маске. Она ведь целилась в него, словно в тире, и было такое чувство, что рука сама вздрагивала оба раза, уводя от мишени в сторону!

Нарин тем временем поднял Мирена, который шатался и потирал ушибленную спину.

— Они вернуться, — сказала Аэлин уверенно. — Их что-то взбудоражило настолько, что они ненадолго забыли обо всем, но они вспомнят и вернуться.

— Надо вернуться за профессором Индираном, — предложил Нарин.

— Нет. Вот кто способен о себе позаботиться. Мирен, осмотрись. Нам нужен твой коридор со змеями.

— Вы хотите...

— Я хочу сделать то, зачем пришла. Нарин, ты можешь понять, где мы находимся?

Тот достал свой блокнот, добавил ещё пару линий карандашом.

— Кажется, нас увлекли сильно выше, в правый из трёх проходов от центра.

Мирен молчал и кусал губы.

— Держись, — сказала Аэлин и поняла, что неосознанно копирует интонации Мэйтара. — Мне тоже страшно. Но мы должны их найти.

— Но что мы... сделаем? Без...

— Что сможем, — отрезала она. — Идём. Нужно уйти отсюда и нужно искать змей на стенах.

— Смотрите, — торопливо сказал Нарин, поднося свой рисунок к свече, — эти тоннели из зала охватывают большую долю общей паутины. По пройденному расстоянию это могут быть нудные нам места... Давайте осмотрим их первыми, эти три коридора. Может, и профессора Индирана найдем.

— Когда видел его в последний раз?

— Видел его шляпу позади и сбоку, когда нас потащило за угол.

— Либо он отстал и сбежал, и тогда он найдет нас лучше, чем мы его, либо его увели с собой фанатики, и тогда мы вернёмся к этому вопросу после поиска студентов, — решила Аэлин. Стеарин свечи стекал на ее пальцы, обжигая и напоминая, что времени немного. Что на поиски, что на принятие решений.

— Идёмте, — Мирен кое-как взял себя в руки. — Здесь... ну... пахнет немного похоже как у нас в коридоре. Может, он рядом.

Пахло здесь, казалось Аэлин, как во всем остальном подземелье — серой и подземными газами. Но она кивнула, взяла огарок свечи в левую руку, а револьвер — в правую. Надо будет его перезарядить при отдыхе, а сейчас важнее взбодрить учеников.

Они двинулись следом за фанатиками, дошли до первого поперечного коридора, осмотрели перекресток и свернули влево.

— Мимо нас не бегали на поверхность, — уточнил Мирен, поглядев на следы.

— Мы все равно не знаем, куда он побежит, — Аэлин поежилась, вспомнив, кого увидела на месте их проводника.

Вся ее логичная и рассчитанная картина мира дала хорошую трещину, и имя ей было — живой эльф. Потому что — ну кем ему ещё быть, с таким голосом и таким лицом и глазами? Любой первокурсник, сдавший зачёт по фольклору и литературе, назовет вам эпитеты эльфов из легенд Северо-запада: "белые", "огнеглазые", "прекрасные". Правда, Аэлин никак не ожидала, что оправдаются все эпитеты сразу!

"Лунный человек", надо же. Даже эти лесные дикари что-то почуяли.

Но проклятье, что им всем вдруг понадобилось от эльфа? Что там говорил Индиран про обряды фанатиков... Приношение Света?

Дальше Аэлин некоторое время вспоминала слова, которые приличной гондорской даме знать не полагается. И которые на самом деле большинство гондорских дам все же знают друг от друга: иногда надо уметь говорить с грузчиками, рабочими и фермерами коротко и доходчиво.

Змеи. Она ничего не может поделать сейчас с фанатиками. Но она может искать демоновых каменных змей на стенах.

Перед следующим перекрестком она отдала свечу Мирену и перезарядила револьвер. Пять выстрелов в людей в упор... Что ж, страх не сделать это — не сбился. Сможет и ещё раз.

Пошарив по карманам — да благословят Валар создателей мужского костюма — она достала часы, велела Нарину отметить время на странице с чертежом. Семь часов с четвертью, вечер. Фляга воды, выданная Мирену, лопнула по шву и протекла, но ее и Нарина фляги в порядке. Сухие галеты в карманах. На сутки под землёй более чем хватит. Если за сутки они не найдут пленных или Индирана — придется выбираться на поверхность за хорошей водой. Вряд ли здешняя сгодится для питья, и нет рядом Мэйтара, который подскажет годную...

Новый поворот, новая линия на схеме у Нарина, снова осмотр стен. Здесь изображения упали либо сбиты, превратились в груды щебня, и не понять, была это маска или нечто другое. Потому они осматривают этот коридор, пока не находят другие маски.

— Дальше, — шепотом приказала Аэлин.

— Нас могут искать... с волками, — сказал осторожно Мирен.

— С волками нас найдут, даже если мы будем прятаться. Поэтому ищем дальше. Мэйтар дал нам время, и я не желаю тратить его зря.

— Ещё в каком состоянии мы их найдем, — Нарин поддержал Мирена, которого шатало не то от боли в ногах, не то от волнения.

— Голодом не морили, — сказал тот.

— Но когда выведем их, куда мы...

— Сперва надо их найти, — прервала его Аэлин. — Не будем забегать вперёд.

— Источники, — пробормотал Мирен. — Я прятал следы в ручьях... — и умолк.

Струдившись в темноте и погасив для сбережения свет, они съели по несколько галет из карманов и запили водой. Это было очень странно делать в окружении непроницаемой тьмы и в тишине. Звуки здесь все так же глохли, только снова сочилась где-то вода. Даже странно, думала Аэлин, почему этот лабиринт до сих пор не разваливается, если здесь так явно действуют силы природы, и водные источники на этой земле так произвольно пробиваются в разных местах. Интересно.

— Сейчас бы я с удовольствием задала твоему отцу-геологу вопрос об этих горячих источниках, — сказала она тихо. Почему так обильно пробиваются и в любых местах. Почему столько горячих здесь. Почему этот лабиринт до сих пор не размыло, если источники пробиваются где попало.

— Сейчас считается, — прошептал Нарин, — что горячие источники пробиваются там, где под землёй образуются магматические резервуары. Вблизи не только действующих, но и потухших вулканов, а также несостоявшихся.

— Это как? — переспросил Мирен.

— Это когда магматический резервуар под землёй образовался, но по какой-то причине магма не выходила на поверхность. Как на восточных берегах Нурнен или в Трехгорье Нового Умбара. Есть предположение, что Три горы были подняты магмой, но что-то помешало им превратиться в вулканы.

— И эта гора тоже? — уточнила Аэлин.

— Эта гора, вероятно, потухший вулкан, сохраняющий под собой неостывшую ещё магму, — объяснил довольный Нарин. — А обилие источников, наверное, связано с обильными дождями. Вода просачивается сквозь сухую вулканическую почву, нагревается внутри до пара и выходит обратно на поверхность по трещинам или создаёт новые... — Нарин повысил было голос, словно отвечал в аудитории, запнулся и шепотом закончил: — Поэтому она насыщена вулканическими газами.

— Скажи, и почему ты при профессоре археологии? — с первой за их встречу усмешкой в голосе спросил Мирен. Кажется, внезапная лекция немного развеяла его страхи.

— Потому что в семье уже три геолога, а я люблю ближнюю историю, а не настолько древнюю. А это... Ну, просто мои все время об этом говорят. С детства слышу. Не хотел заниматься тем, что знаю с детства.

— И науговское имя...

— А сам-то? — фыркнул Нарин.

Аэлин беспокойно прислушалась. Там, откуда они ушли, раздавались неясные звуки, но подземелье глушило их и не позволяло понять их природу.

— Идём дальше.

— Профессор, — шепнул Мирен, — а вы думаете, что этот Мэйтар...

— Я думаю, — твердо сказала Аэлин, — что без нас ему проще справиться с опасностью. Кем бы он ни оказался. Идём.

Они ощупью добрались до следующего перекрестка, завернули за угол вправо, и только тогда она зажгла огарок свечи, загородив его ладонью. Осторожно осветила стены впереди.

Мирен нервно нюхал воздух. Потом взял огарок из ее руки и стал осматривать стену впереди. Снова следы сбитых украшений... потом две маски...

— Змея... — шепнул Мирен, поднимая огонек повыше.

Змей было даже две, друг напротив друга. Грубо намеченное изломанное тело и выступающая маскообразная морда. И снова эти следящие глаза!

— Даже мимо идти как-то... — поежился беглец. — Прямо смотрят.

— Ничего, это же не декан Гварет Нандил, — пошутил неловко Нарин, — вот уж кто смотрит...

— И не ректор, — подхватила Аэлин. — Вперёд. Напомни, при вас была охрана?

— Наверху. Не возле камер. Но они каждый день... Проверяли замки и решетки.

— Кормили один раз в день?

— Дважды. Спускались к нам. Не знаю, во сколько.

— Логично, если утром и вечером. Тихо.

Они медленно поднимались вверх по коридору, и змеи смотрели на них с обеих стен. Может быть, ей казалось, но проходить между них было тяжело, словно она поднималась не по пологому склону, а лезла в крутую гору по узким ступенькам. Аэлин бросало в жар, на сердце давило. Вспоминалась защита диплома, и все страхи провала и насмешек, мучившие ее тогда, будто ожили и набросились разом на нее. Повернуть, остаться, так будет намного спокойнее...

Мирен рядом выдохнул и прижался к стене. Схватив его за плечо, Аэлин силой поставила парня на ноги.

— И слышать ничего не хочу, — сказала она тем голосом, которым обращалась к злостным прогульщикам семинаров. — Вперёд.

Парень пошел, словно кукла, с трудом переступая с ноги на ногу.

И вдруг из темноты впереди, откуда-то издалека, тихо донёсся другой голос:

— Кто здесь?

Вздвогнув, Мирен выпрямился и устремился вперед, едва касаясь стены рукой. Только дёргался, когда спешил мимо змеиных морд. Аэлин с учеником успевали за ним с трудом.

Эти люди сидели в полной темноте за старыми, но очень тяжёлыми решетками по обе стороны коридора, в вырубленных прямо в камне небольших камерах. Пахло всем тем, что производят скученные в одном месте люди — потом, грязной одеждой и сельским туалетом в яме.

Она подняла огарок повыше, и люди сощурились, отворачиваясь от света.

— Мирен... — сказал другой студент и вытер глаза.

— Все тихо! — скомандовал Аэлин шепотом. — Назовите себя, сколько вас? Дальрин? Эйвирен? Марни? Кориндиль?

— Нас четырнадцать, — сказали справа. — Госпожа профессор Верен... Где остальные ваши?

— Отвлекают фанатиков, — ответила Аэлин уверенно. — Была ли вечерняя кормёжка?

— Не уверен насчёт вечерней, — сказал молодой человек из второй справа камеры, — но последняя кормёжка была давно. Следующую можно ждать... Довольно скоро. Здесь ни у кого нет часов.

— Сколько людей вас охраняют?

— Сейчас, кажется, четверо или пятеро. К нам спускаются по двое.

— Если вы зашумите, остальные придут?

— Да, все с оружием.

— Отлично. Когда принесут еду, начинайте шуметь. Или хватайте их и прижимайте к решеткам. Пусть остальные спустятся сюда. Покажи, где спуск, — велела она, и Мирен

повел ее к другому концу тоннеля, где он разветвлялся надвое. Показал люк в потолке, закрытый толстой крышкой из довольно светлых, свежих досок. Аэлин поспешно загородила рукой свечу и отступила, чтобы не выдать себя светом из ее щелей.

Осмотрела оставшихся. Почти все — студенты, кроме двух харадцев в простых длинных одеждах и одного немолодого мужчины в грязном пиджаке. Вельхин, вспомнила она. Вельхин дар-Фарон, умбарец, историк среднего Востока. В Гондоре любил вечеринки и пивных, а сейчас заметно похудел.

— Вы уверены, что справитесь? — спросил этот Вельхин скептически.

— А вы не мешайте. Я сейчас погашу огонь. Сидим тихо, не привлекая внимания. Ждём охранников. Когда они появятся, начинайте шуметь и хватать их за что дотянетесь. Мне нужна вся охрана здесь, внизу. Хватайте сквозь решетку и держите всех, до кого дотянетесь, чтобы в них можно было выстрелить. Ясно?

— Да, госпожа профессор Верен, но...

— Никаких но, Эйвирен. "Но" будете говорить на семинарах. Или когда выберемся и поспорим о датировке этого безобразия, в смысле, построек. А сейчас ведите себя как обычно.

Кто-то подошёл к решетке камеры слева, его рука была на перевязи.

— Обычно, — сказал Кориндиль Фаргин, магистр практической истории, — мы и так разговариваем или поем. Или читаем друг другу лекции. Больше в темноте делать нечего, но вдруг пригодится.

— Молодцы. Вот так и продолжайте, — сказала Аэлин, утаскивая обоих спутников в сторону. Ближайшее укрытие было за устрашающей головой змеи, никаких других выступов в тоннеле не оказалось.

— Опять она... — охнул Мирен. От змеи так и разило страхом, ее морда будто оживала в колеблющемся свете.

— Не поддавайтесь примитивным страхам, Мирен. Вы же учили, все примитивные культы строятся на таких простых вещах. Восхитить и напугать. Эта сделана пугающей. Вы, как цивилизованный человек, не должны поддаваться этим страхам.

— Профессор, я не ожидал, что вы и в подземелье останетесь такой же занудой, как в лектории! — огрызнулся Мирен, сползая на пол и вытирая пот с лица.

— Вот приедете ко мне на раскопки, ещё не то увидите.

Из клеток негромко запели. Возможно, чтобы заглушить их перепалку. У Кориндила оказался приятный низкий голос — жаль, что он ни разу не пел, когда работал с ней на раскопках линденских Гаваней.

Аэлин тоже села на пол, вдохнула вонючий подземный воздух и приготовилась ждать.

*

Он бежал через развалины легко и быстро, перепрыгивая без труда препятствия и взбегая по наклонным стволам на стены, словно по широкой удобной лестнице. Казалось, его совсем не тяготили ни многозарядное ружье, ни длинный меч за спиной. Патроны, правда, уже заканчивались, и большую их часть он расстрелял, пробиваясь наверх через охраняемый выход. Догоняли его только волки, лишь они могли состязаться с ним в скорости бега. И даже волки не могли напасть всей кучей, не успевали. Эти волки и пуль словно бы не боялись, но он подпускал их поближе и стрелял прямо в голову или в глотку. Или вонзал в глотку меч. Смотря как было удобнее в то мгновение. Меч сверкал под вечерним солнцем, и порой оно ярко высвечивало на клинке клеймо в виде восьмиконечной

звезды.

Потом ещё один волк догнал его, он развернулся и поймал волка на меч в прыжке. Шагнул назад, пропустил несущееся тело мимо себя, дёрнул клинок на себя, испарывая глотку лезвием. На клеймо легли кровавые пятна, сделав его темным и зловещим.

Люди спешили за волками, люди стреляли вслед, но они помнили приказ брать живым, и он тоже помнил, а потому не слишком беспокоился. Он думал сейчас о другом — придется ли ему известить всех волков, чтобы затеряться в городе, или сумеет избавиться от них иначе. Он пробежал уже через несколько ручьев, но ни один ему не подходил.

Потом он вбежал в довольно широкий ручей, исходивший паром, и поспешил вдоль него вниз по склону, то заходя в воду, то вдоль нее. К ручью присоединялись другие, вот обозначились и берега, и маленькая речка, остывая, уверенно направилась к подножию горы и верхнему Гэлханду. Он забегал в воду все чаще, а какое-то время бежал прямо по воде, лишь изредка выскакивая на берег. На бегу убрал меч в ножны и забросил ружье за спину, освобождая руки.

А потом разбежался, запрыгнул прямо из воды на дерево на берегу и перескочил на соседнее раньше, чем показались новые преследователи. Затем, держась за лиану — ещё на одно, подальше. И замер, прижавшись к стволу.

Волки и люди бежали вдоль речки мимо, стреляя и перекликаясь на бегу, а он словно растворился в лесной тени и смотрел на них, невидимый, сквозь заросли. Если бы с ветром не повезло, волки бы, наверное, учуяли его даже сквозь испарения речки, но ветер шумел где-то наверху, а здесь стояла неподвижная жара, и даже волчьи морды кривились от сернистой вони. А когда многочисленная, но не самая толковая погоня пронеслась следом за загонщиками, ломая кусты, расплескивая воду и меся сапогами грязь, он соскользнул на землю и устремился прочь вдоль склона.

Взбежав на небольшое возвышение, он замер. Сощурился на клонящееся к закату солнце, потом обернулся к реке, куда спешила погоня. Что-то в ней его беспокоило, должно быть. Потом он отвернулся и вновь заторопился на запад.

Остановился.

Коротко выругался, или так, во всяком случае, показалось — бросил несколько отрывистых каркающих слов на языке, на котором не говорили ни в Хараде, ни в Кханде. Может, где-то в глубине материка, за полупустынями Нурнена и Рун, могли бы говорить так резко и гортанно.

Нахмурился. Лицо его оставалось гладким, как у юноши, но между бровей обозначилась резкая и привычная складка.

Время шло, солнце склонилось ещё немного к земле.

— Люди, — сказал, наконец, сквозь зубы тот, кто называл себя Мэйтаром Нариемом. Тоже словно выругался. Развернулся и побежал вверх по склону, туда, откуда пришел.

Казалось, этот бег его не утомляет, и он мог бы бежать так много часов, не сбавляя скорости. Даже на подъёме. Но он сделал крюк на запад, чтобы вернуться с другой стороны, и потому потратил лишнее время на возвращение к тому месту, где вырвался из-под земли.

К этому полуразрушенному дому, который в прошлый раз пробежал за несколько секунд, он подходил теперь медленно и осторожно, беззвучно переступая по земле. Даже сухие листья, казалось, он не тревожил. Солнце садилось, развалины ушли в вечернюю голубоватую тень, и в ней царили тишина и спокойствие. Трое мужчин у развалин не скрывались и не беспокоились, они просто сидели на камнях, переговариваясь вполголоса,

словно сегодня ничего и не произошло.

Он неслышно обошел их, обошел дом с другой стороны. Посмотрел вверх, словно готовясь забраться в развалины через стену, но почему-то отказался от этого намерения. На открытом месте он чувствовал себя неуютно и не раз оглядывался, но не замечал вблизи ничего подозрительного.

Вернулся и беззвучно, не наклоняясь, двинулся вдоль стены, заходя за спину караульным.

Близкий выстрел застал его на полпути — и пуля, пробившая правое плечо, заставила его шатнуться и отступить назад, к стене. Люди прямо перед ним вскочили, заговорили, всматриваясь вдаль. Он сделал беззвучно еще два шага и нырнул в проем без двери. В глубине заброшенного дома откинул тяжёлый дощатый люк в полу левой рукой.

Оттуда выстрелили почти в упор ему по ногам, пуля пробила бедро насквозь и ушла куда-то вверх. Два волка выскочили из провала и зарычали, за ними повалили люди. Охранники встали в проёме с ружьями в руках.

Медленно отступив к стене, он опёрся на нее, взялся за меч левой рукой. Лицо его осталось неподвижным.

— Какие вы бываете предсказуемые, — раздался глухой голос снизу.

Человек в золочёной маске поднялся из провала, легко взбежав по деревянной лестнице. Как молодой, хотя руки его были сморщенными руками старика.

— Берите его быстрее, пока лишней крови не потерял, — сказал жрец деловито.

*

Стук деревянной крышки прервал разговоры в темноте, и Аэлин сжала рукоять револьвера. Сняла очки, чтобы не выдать себя отблесками, убрала под рубашку. За клетками открылся люк в потолке, и сверху спустили примитивную лестницу, по ней слезли двое мужчин с мешком. Один держал наготове старое длинное ружье, с которым ему было не слишком удобно спускаться. Другой нес с собой мешок и фонарь. Первый прошёлся между камерами и заглянул в каждую, подёргал замки, второй ему светил. Затем второй открыл мешок и начал раздавать варёную картошку в подставленные миски. Первый так и ходил вперёд-назад посреди коридора. И ещё кто-то караулил люк сверху, оттуда падала его тень.

Рука у Кориндила была длинная, и, прижавшись к решетке, словно чтобы скорее получить еду, он вытянулся весь и сумел достать вооруженного за локоть. Успела даже мелькнуть мысль — может, не первый раз. Магистр вцепился в добычу изо всех сил, дёрнул к решетке, там в него вцепились ещё несколько рук. Тот заорал, держа ружье на отлете, но развернуть длинное оружие, чтобы пригрозить им, не успевал. С другой стороны Вельхин, безобидный и толстоватый, повис на руках кормившего всем весом, тот тоже заорал, пытаясь вырваться. Кто-то перехватил у раздатчика фонарь и поднял его повыше. Сверху в два прыжка спустился ещё один человек с закрытым лицом, за ним ещё один, в головной харадской повязке.

Четверо. Есть ли пятый?

Третий и четвертый тоже закричали, один выхватил пистолет, не разобрать какой, другой поднял ружье...

Пятый человек просунулся в люк, и Аэлин выстрелила именно в него. Не очень рассчитывала попасть, но рука даже не дрогнула, и пятый со стоном повис в люке, перекрывая его собой.

Раз.

Тот, что с револьвером, и Аэлин выстрелили одновременно, только ей было все хорошо видно, а он палил наугад в темноту. Куда-то она ему попала, и он заорал громче.

Два.

Выстрел из ружья был в этой темноте оглушительным, пуля высекла фонтанчик пыли из стены рядом. Она выпрямилась за спасительной змеей, выцелила его, как в тире, и выстрелила до того, как он нажал на курок второй раз. И теперь попала в середину тела, как в мишень, человек повалился назад, разжимая руки.

Три.

Самый первый, прижатый к решетке, перехватил ружье чуть удобнее и выстрелил наугад, дробь врезалась в потолок, грохот снова оглушил, кто-то отпрыгнул от решетки, но Кориндиль и ещё две руки держали крепко. Непрерывно вопил раздатчик еды. Стукнуло и треснуло, кто-то врезал раздатчику миской по голове.

Выскочил из-за нее Нарин и помчался вперёд, к клеткам. Она выругалась и выстрелила в четвертый раз, пока студент не перекрыл все. Промазала по цели, зато второй раз попала по типу с револьвером, который пытался подняться. Больше не пытался.

Четыре, пять.

Одним точным ударом в голову Нарин впечатал первого охранника в решетку и выхватил ружье. Неуклюже держа оружие, развернулся и врезал левым кулаком ещё

раздатчику. Наступила внезапная тишина, только Нарин шумно дышал, выискивая врага.

— Проверь верхнего, — сказал ему Кориндиль. А Вельхин выкрикнул:

— Ключи!

— Ключи, — согласилась Аэлин, выходя из-за змеиной головы.

— Я думал, вы зря время тратите в этом тире, — проворчал Вельхин, просунув руки сквозь решетку и ощупывая карманы и пояс раздатчика.

— Да уж не пиво пью по вечерам, — отрезала Аэлин зло. Она была отнюдь не против вечеринок с пивом, но угроза потерять при этом должность "за аморальное поведение" была для нее слишком реальной. Она сердито насадила очки обратно на нос — в них всегда было спокойнее.

— Нарин, проверь, остался ли кто-то наверху, — велела, ощупывая одного из лежащих. Ощущение от мягкого и теплого податливого тела было противное, словно одеждой накрыли шмат мяса из мясной лавки. Но в этих карманах ключей не было, только куски чего-то липкого, завёрнутые в бумагу, словно пастила.

Тем временем, Нарин стащил вниз висящего, который слабо охал, и вскарабкался наверх.

— Пусто! — донеслось оттуда.

Мирен, оживший после перестрелки, молча взялся проверять недобитого.

Аэлин уже обшаривала карманы следующего мертвеца, кривясь от отвращения. К счастью, здесь ключи и нашлись, большая черная связка. Она бросила их Мирену, чтобы занять его делом, тот поспешил к ближайшей камере и загремел там.

Кориндиль вышел первым и сразу попытался справиться с ружьём одной рукой. Скривился.

— Сломана?

— Вывихнули недавно, — сказал он с досадой.

— Возьмите лучше револьвер, — она перебросила Кориндилью оружие мертвого, расстегнула и отдала пояс с патронами.

— А этих куда?

— На наше место, — усмехнулся Мирен.

— Поешьте скорее, — сказал Нарин. Сверху он принес большой кувшин воды и пустил по рукам. — Придется бежать довольно долго.

Пока Нарин объяснял, где обосновались спасатели и как туда попасть, Кориндиль и Вельхин подступили к ней вдвоем с разных сторон.

— Сколько вас на самом деле? — спросил магистр тихо.

— Пятеро, ещё двое мужчин ушли отвлекать на себя врага.

— Вы с ума сошли! — выдохнул Вельхин.

— Экспедицию снаряжали бы полгода, не жалуйтесь. С нами профессор Индиран и наш проводник, отличный стрелок.

— Вы спятили, — повторил в отчаянии Вельхин.

— Вздумаете наводить панику, я вас пристрелю, — пообещала Аэлин и вспомнила, что надо перезарядить револьвер. Чем и занялась. Вельхин попятился.

— Преподаватель дар-Фарон, — сказал Кориндиль очень вежливо, — не мешайте нам спасаться, иначе я вызову вас на дуэль при первой возможности. Профессор Верен, кто лучше знает дорогу из вас троих?

— Нарин пусть ведёт всех вместе с вами. Мирена мы встретили возле дома с башней, на

полпути от нашей усадьбы, он дороги не знает.

— Что ваши спутники?

— Я не смогу им помочь. Могу лишь надеяться, что они справятся сами. Не знаю, где они сейчас.

— Если за нами пустят тех собак...

— Мирен скрывал свои следы с помощью горячих источников. Может быть, получится у всех. И это волки.

— Как это?

— Не знаю. Стрелять им надо в голову в упор, они очень живучие.

— Если мы вместе попробуем отыскать ваших спутников? — спросил Кориндиль неуверенно. — Теперь есть оружие...

— Нам нужно вывести людей отсюда, а не бросать в драку, — совесть грызла Аэлин, как тот волк. — Иначе весь наш поход будет зря. Идёмте. Нарин вперёд, я замыкающая. Если что-то случится, отстреливайтесь и бегите за ними обоими. Ясно?

— Вы много на себя берете, — сказал бледный Вельхин.

— Вы должны поддерживать студентов, а не устраивать споры. И вы не умеете стрелять. ... Тех, кто был ещё жив, заперли в одной из камер. Мирен выбрался наверх первым, шепнул оттуда, что вблизи выхода никого нет. Наверху заходило солнце, должно было вот-вот стемнеть, так что фонарь раздатчика скоро снова пригодится. Какой-то невнятный шум доносился с севера, и Аэлин цинично подумала, что это отвлекает внимание от них, кто бы там ни был.

Она надеялась, что эти двое выжили, спаслись. Особенно тот, другой. Быть ответственной за смерть эльфа, прожившего тысячи лет, пока не напоролся на них с Индираном, было бы невероятно стыдно. Не то, чтобы ей не было жаль коллегу-соперника... Тут все побежали следом за Нарином, и мысли ее прервались.

Ей хотелось вернуться и найти хотя бы коллегу, но здравая часть упрямо твердила, что коллеге она ничем не поможет, а вот студентов способна хотя бы прикрыть и подбодрить. А другая часть, вовсе не самая здравая, издевательски подсказывала, что вернуться ей хочется вовсе не за коллегой, а за прекрасным и страшным видением из подземелья, а это видение сейчас наверняка очень далеко. Должно быть далеко. Просто обязано.

Она споткнулась, выругалась на синдарине, как привыкла за годы соблюдения приличий, выпрямилась. Один из студентов подхватил ее под руку. Впереди пыхтел и потел в своем грязном пиджаке Вельхин. Теперь оставалось только бежать, ну и ещё, наверное, молиться, а молиться она не привыкла. Тяжесть револьвера на боку успокаивала гораздо больше, чем слова.

От выстрелов впереди она вздрогнула, подумав сперва о худшем — засаде или целой армии фанатиков, и только потом сообразила, что это просто охрана стены. Когда она добралась туда следом за запыхавшимся Вельхином, которого упорно не получалось обойти, там уже разобрались. Один раненый враг лежал под стеной, ещё один ломился прочь и очень быстро.

— Ведите их, скорее, — велела Аэлин Кориндилю, чувствуя вдруг себя очень усталой. Проклятье, ей уже не двадцать лет, целый день беготни больше зря не проходит...

Студенты пролезали по одному в дыру в стене, снаружи Мирен вдруг оживился и теперь пихал всем те самые листья, найденные Мэйтаром, требуя натереть ботинки. Слабый ветер донес запахи серного дыма от ближайшего источника...

Она всей кожей чувствовала, как мало у них времени. И только вздохнула, когда Вельхин застрял в расщелине.

Никакого пафоса в этой истории спасения, подумала с досадой. Вот так остаёшься на вражеской стороне в компании зада коллеги, и чувствуешь себя редкостной дурой. С той стороны Вельхина тащили изо всех сил, он жалобно стонал, чей-то голос уже обещал Вельхину dokonать его вечной трезвостью, кто-то беспокоило звал "Профессор Верен!"

И ещё казалось, что кто-то рядом усмехается. Тот, чей взгляд их словно бы преследовал и на земле, и под ней. Он смотрел, как сразу все чёртовы профессора, которые разносили ее диссертацию, ее кандидатуру или отказывали ей в финансировании экспедиций, пока она не найдет "нормального руководителя"...

Она чуть не зарычала, и отчаянно пихнула Вельхина со своей стороны, как смогла. Раздался треск, штаны Вельхина или его пиджак не выдержали, он рухнул, наконец, на ту сторону, а сзади послышался шум бегущих ног, и лезть вверх вдруг стало решительно некогда.

Можно было только понадеяться, что Нарин и Кориндиль все сделают правильно...

Потому что вперед выпустили волка, он бежал прямо к ней, и подтянуться в дыру она уже не успевала. Честно говоря, зверь был роскошный и гладкий, как в зоопарке, и шерсть переливается, и глаза сверкают, только ошейник этот глупый все портит, думала она, поднимая револьвер. Волк подскочил, и внутри что-то неслышно заорало от ужаса, но руки все сделали правильно — она выстрелила прямо в раззявленную пасть. Из головы волка брызнуло красным...

Зверь с разбега врезался мокрой головой ей в живот, вышиб из лёгких воздух, отбросил ее к стене и на землю. И тут ужас прорвался наружу, она с воплем вскочила и бросилась бежать вдоль стены, прочь, почти не разбирая дороги, потому что второй волк ещё далеко, она же успеет... Стена, стена, деревья, проход между ними, позади рычание, впереди снова стена, она с воплем прижимается к ней, разворачиваясь, и стреляет второй и третий раз зря, потому что мажет с перепугу, и что сказал бы Мэйтар...

Да ничего не сказал бы. Руку бы поправил, мелькнуло в голове, и вдруг нахлынувший ужас отступил от этой простой мысли. Волк не нападал, только взвыл, подзывая хозяев, и четвертую пулю она всадила ему в открывшееся горло. Он захрипел, попытался лапами достать свое горло, красные пузыри слюны выступили у него в пасти и на горле разом. А за волком уже спешили люди, и ее ошибка стала неисправимой — можно было только надеяться отвлечь кого-то от других беглецов. Аэлин развернулась и снова побежала. Перескакивая через поваленные деревья и разбросанные камни стен, она мельком подумала, что стрельба это мало, и стоило бы заниматься еще бегом. Хотя бы вокруг дома, чтобы видели только соседи... Потому что к ходьбе она была привычна, а вот на бегу дыхание стало прерываться быстро. Ей казалось, она мчится изо всех сил, но стены вокруг двигались словно еле-еле, а топот позади приближался. Там орали и "стой", и "стоять, чокнутая", и ещё что-то на харадском, на бегу не разобрать. Когда орать стали близко, она снова бросилась к стене и развернулась. Выстрелила теперь в человека в упор — получалось все легче.

Вот только завалился он вперед, а не назад, схватил ее за руки, хрипя и стараясь вырвать револьвер. Они несколько секунд боролись молча, и, понимая, что вот-вот выпустит оружие из руки, Аэлин нажала курок еще раз. Глаза фанатика остановились, зрачки сузились, и он медленно повалился набок. От удара о землю повязка слетела с головы, и стало видно обычное лицо, смуглое и горбоносое, словно только что с улиц где-нибудь в Умбаре.

Выдохнув, она схватилась за пояс с патронами. Руки тряслись. "Три балла тебе сегодня за стрельбу, не больше..." А люди в повязках уже подбегали...

Она успела вставить три патрона в барабан. Потом подбежавший размахнулся, и вдруг она поняла, что лежит в траве, а револьвера в руке уже нет. Кто-то хватает ее за плечи, встряхивает, ставит на ноги, и ещё сдергивает пояс-патронташ.

И снова это чувство усмешки извне, со стороны купола храма, что виден вдали сквозь деревья.

...Когда ее втащили в полутьму ещё одного подземелья, другого, ближе к храму, она сначала ничего не могла разобрать в темноте, только почуяла что-то живое.

Потом человек в маске поставил на стол фонарь и сказал:

— Веди себя тихо, нимри, и ее не тронут, — и она увидела Мэйтара, сидящего на полу у опорного столба. Всего в крови и в драной до лоскутов рубахе.

Пока привязывали к стулу, ей хотелось орать ему от досады — "Идиот! Почему ты не смог от них убежать!". Как-то судьба живого чуда беспокоила ее больше собственной в тот момент.

Твердая шершавая рука взяла ее за подбородок, повернула лицо вправо-влево. Сняла очки, пережившие даже драку, бросила на пол, и раздался хруст.

— Без них моложе, — кажется, за маской усмехались. — Тем лучше. Ты понял меня, нимри.

Что слово "нимри" обозначает эльфов на некоторых старых диалектах Всеобщего, она знала. Мэйтар безразлично молчал, только воздух вокруг него словно накалился.

Тяжелая решетка захлопнулась за людьми. Без человека в золоченой маске дышать сразу стало легче, словно он невидимой рукой давил на сердце. Остались снаружи двое с ружьями, но это было... обыденно даже по сравнению с тем, в маске. Ну и когда от мужчин вроде этих отделяет решетка, сразу делается спокойнее. Идти с ними и чувствовать их руки на себе было весьма противно.

Хорошо, они не подозревают, что очки ей на самом деле не нужны.

Подумав, она исключила "идиота" и заорать и произнесла сухо на синдарине, чтобы не понимали охранники:

— Я очень надеялась, что вы сбежали от них.

Открыв глаза, по-прежнему словно светящиеся в сумраке подземной комнаты, Мэйтар ответил так же холодно:

— Я рассчитывал, что это вы сбежите от них, или я зря выигрывал время. Кстати, ваш выговор неверен.

Он сам при этом говорил странно твердо, чтобы понять, нужно было определенно привыкнуть.

— Почему?

— Потому что плотаете согласные, как в теперешнем Всеобщем. В синдарине все читается так, как пишется, и стяжения звуков нет.

— С удовольствием возьму у вас несколько консультаций, если будет возможность, — вздохнула Аэлин. — Мы нашли и выпустили наших студентов. Они ушли. Ну, я надеюсь.

— А что помешало вам? Я полагал, вы не из тех, кто воображает себя эпической героиней и лезет в драку.

— Один человек застрял в стене и не дал пройти, а потом нас догнали.

— Индиран?

— Исчез в суматохе. Хотя бы здесь его нет.

Мэйтар кивнул, повел плечами. Насколько могла Аэлин разглядеть, привязали его чуть ли не кожаными ремнями к тому столбу. Боялись, даже несмотря на кое-как перевязанное его плечо. У нее самой уже все заболело, особенно запястья от перетяжки и локти от непривычной позы. Это сбивало успокоительное чувство нереальности.

— Вы что-то поняли... Я хочу сказать, из вашего настоящего опыта?

— Ничем не могу утешить. Все плохо, — сказал Мэйтар ровно.

— Понимаю, культ, жертвы и все такое. Я о другом.

— Если о другом, то управление зверями и эти жрецы в масках говорят мне, что они действительно получили доступ к остаткам древнего темного колдовства. По меньшей мере. Очень дурно это пахнет. Во всех смыслах.

— Да, меня очень настораживает это сходство с описаниями нуменорского культа, — Аэлин не стала добавлять, что в том культе жертв сжигали живьем. Ее собеседник наверняка знал это лучше нее. Кстати...

— Кстати, если все равно есть время и нечего делать. Ведь вы были Линдаром Нароном, верно?

Донёлся негромкий смешок.

— Ваше любопытство... восхищает, — лицо Мэйтара стало сосредоточенным, словно он пытался сделать что-то, незаметное для нее. — Должен сказать, раз уж так, что я был не слишком хорошим археологом.

— Вы что... Просто знали?! — воскликнула она. — И про Имладрис, и про библиотеку?!

— Положим, я не знал, сохранился ли архив после всех лет. Для этого и нужно было его раскопать.

— Может, вы ещё и знаете, кто и с чего сделал список "Нолдолантэ" для Харадзо-Даро? Настала несколько смущенная тишина.

— Я сам, — сказал Мэйтар сухо. — По памяти.

Очень плохо это укладывалось в голове — полторы тысячи лет библиотеке, которую ей довелось видеть своими глазами, полторы тысячи лет свитку пергамента, который выставлен в музее под стеклом и на который дышать лишний раз бояться — и вот это живое, которое сидит рядом, глазами сверкает. Хотя представить его в харадской белой накидке и бурнусе среди пустыни — да без проблем, воображение хорошее. Вот он подъезжает верхом на гнедом жеребце к белым палатам библиотечного крыла, проходит в тишину залов переписки, садится за стол, берет письменный прибор — она сама раскапывала такой в одном из боковых залов, бамбуковые заостренные палочки для письма в подставке, чернильница, нож для очинки писчих палочек, линейка и свинцовый карандаш для разметки строк — и разворачивает новый пергаментный свиток... Так, стоп, это уже бегство в фантазии, а еще надо многое узнать.

— Вы знали ее... Наизусть? С оригинала?

— Да. Но, как вы понимаете, — заметил Мэйтар, — я не смогу это доказать ученому сообществу. Аргумент "я там был" они не примут.

Очень многозначно прозвучало это "я там был". Лучше пока думать, что это относится к свитку и библиотеке.

— И правда, — согласилась она, пытаясь хоть немного размять немеющие пальцы, — только представить себе лицо господина Гварета, которому вы пытаетесь доказать свое

личное участие в пополнении библиотеки Харадзо-Даро — да он примется звать лекарей, не успеете вы закончить! Если только жизневеды не утащат вас раньше...

Она осеклась.

— В зверинец, — сказал Мэйтар с сарказмом.

— И как вас зовут... на самом деле?

— Это неважно.

— Хм. Я представляю теперь, как вы смеялись над рассуждениями про Аркенстон и Сильмарилл.

— Знай я то, что знаете вы, — голос Мэйтара вдруг сделался неожиданно мягким и теплым, — я и рассуждал бы, как вы. А не как Индиран. Слепое доверие древним источникам — не самая лучшая вещь. Если бы у вас не сохранилось Алой книги, не открыли список «Нолдолантэ», затосохранились бы восторженные летописи почитателей Саурана из начала Четвертой эпохи или морготопоклонников конца Второй — во что бы он верил и что мечтал найти? Подлинную золотую маску Саурана Черного?

— Это говорит тот, кто постарался открыть заново для нас Нолдолантэ?

— Заметьте, я не настаивал публично на том, что поэма отражает истинную историю. Только на неподдельности рукописи.

— А она отражает? — спросила Аэлин немедленно.

Проводник замолчал. Фонарь светил все тусклее, и в этой темноте его лицо странно отчетливо выделялось в сумраке, неправдоподобно красивое и тонкое. Как ожившая статуя из Имладриса.

— Это рассказ о прошлом, как видел его автор и участник событий, — сказал он, наконец. — Как сами понимаете, пристрастный.

— Не говорите мне, что вы еще и автора знали.

— Не буду, — отозвался Мэйтар покладисто, и ее пробрал мороз в этом душном и теплом подземелье. Сколько же лет существу рядом с ней? Почему оно вообще говорит с ними на равных, а не закрылось подальше от всех под каким-нибудь холмом, чтобы смотреть на людскую суету свысока, как в легендах Рун и верховьев Андуина?

Но молчать было... Слишком сложно.

— Может быть, вы и возраст крепости в северном Линдене можете подсказать? Вдруг я ее ошибочно датировала ранним Нуменором?

— Ну, какой ранний Нуменор в глубине материка? — сказал Мэйтар с легкой укоризной. — Пусть даже бывшего материка... Это действительно крепость Первой эпохи. Я даже знаю, чья.

— Но там же нашлись монеты и знаки рода Элросов! — искренне возмутилась Аэлин. — Полностью совпадают с клеймами вещей из королевского Музея Гондора!

Кажется, Мэйтар тихо вздохнул.

— Почему вы уверены, что восьмиконечная звезда — это знак рода Элроса?

Вопрос так звучал, будто Элрос в той династии был один.

— Потому что сейчас так считается, — ответила она с некоторой иронией, — в ученом сообществе.

— На основании того, — продолжил Мэйтар с той же иронией, — что считанные известные предметы, отмеченные этим знаком, записаны в уцелевших архивах как вывезенные из Нуменора и принадлежавшие основателю королевского рода. Разве есть доказательства, что они были изготовлены в то время или по приказу короля?

— Разумеется, нет! Все, что мы о них вообще знаем, это отметки в остатках архива Телконтаров!

— Тогда подумайте о том, что это могут быть более древние предметы, сохраненные королем Элросом.

— Династией Элросов, — привычно поправила его Аэлин.

— Не то, чтобы я рассчитывал, — медленно заговорил Мэйтар, — что это уйдет за пределы дурацкого храма. Но иногда очень, очень хочется поправить некоторые вещи.

— Вы будете уверять, что Элрос был один!? — возмутилась археолог. — Да там указан срок в четыреста с лишним лет правления, это целая династия!

— Он был полуэльфом, Аэлин, — сказал Мэйтар тихо. — С долей крови воплощенного малого божества.

— У меня нет таких сведений, — ответила Аэлин. — У меня есть обрывки Песни с Лютиэн, есть упоминания о ней в «Нолдолантэ» и есть фольклор Запада, который кое-где называет Лютиэн и ее смертного любимого предками королей Нуменора.

— Теперь у вас есть свидетель.

— Я верю в то, что вижу своими глазами, — она укусила себя за нижнюю губу от волнения. — Я вижу, несомненно, того, кого в легендах называют нимри, белолицыми и эльфами, и признаки налицо как по списку. Но поверить в то, что живое существо, подобное человеку, способно прожить больше десяти тысяч лет и не сойти с ума...

— Да, это было очень нелегко, — сказал Мэйтар просто.

Они замолчали, и тут свеча в фонаре погасла. В темноте Аэлин говорить уже не хотелось, Мэйтар тоже молчал. Временами он едва слышно шипел сквозь зубы, и было ясно, что он пытается освободиться, да не выходит. И опять было непонятно, сколько прошло времени в этой темноте, пока не сменились караульные за решеткой. А вскоре после этого раздались шаги, и человек в маске появился снова. Перед ним послушно распахнули решетчатую дверь.

Он был гондорцем, несомненно, узнавался по выговору. Южным гондорцем или жителем северного Умбара. На его бледных, незагорелых даже пальцах массивные золотые кольца смотрелись блекло и скучно.

— Перед тем, как перейти к главному, — раздалось из-под маски, — я хочу услышать ответы на пару вопросов. Ответьте на них, госпожа археолог, и никто не пострадает.

Он подождал ответа или согласия и после паузы спросил сам:

— Где ваш третий спутник?

— Не знаю. Мы потеряли его в лабиринте.

— Куда побежали мальчишки?

— Их вела не я.

— Куда их может вести сбежавший мальчишка?

— Не знаю.

— Не люблю эти слова, — сказал жрец в маске, шагнул вперед и ткнул кулаком Мэйтара в перевязанное плечо. Тот отвернулся.

— Продолжаем. Где вы остановились в городе?

— Возле трехэтажной башни на востоке, — ответила Аэлин мрачно.

— Ещё оружие там есть?

— Нет...

Жрец вернулся к ней и снова взял ее за подбородок.

— Смотрите мне в глаза, — велел он мягким голосом.

Сейчас начнутся игрища в великую магию, подумала Аэлин с раздражением. Может быть, в управлении волками магия и была, но чего он надеется добиться, заставив ее пялиться в глазницы маски?

Впрочем, глаза там за ними были. Обычные серые глаза. Даже унылые. Как пыль в углах дома после возвращения.

Чувство появилось такое, словно она стоит в унылом пыльном зале перед не менее унылыми пыльными профессорами, которые готовятся определять ее дальнейшую судьбу.

— Что вы хотели нам доказать этой идиотской поездкой, госпожа Верен? — проскрипел один из них. — Из-за вас погибли перспективные молодые люди и их руководитель! Из-за вас без вести пропал профессор Индиран! Что вы можете сказать в свое оправдание? Отвечайте только правду!

И на мгновение показалось — вся жизнь зависит от ее ответа. Если выложить все — может быть, ее поймут, и старания всей ее жизни не пойдут прахом...

Так, что за чушь вообще в голову лезет? С чего вообще ей оправдываться перед этими старыми пнями, которые даже не знают о ее поездке? Она их всю жизнь терпеть не могла!

Аэлин моргнула, наваждение прошло, остались только серые глаза в прорези маски — и

шум в голове. На сердце давило все сильнее и сильнее, словно его сжимала холодная рука. Отвести взгляд не получалось, шум усиливался.

"Нет", — подумала она сразу и мрачному видению, и шуму в голове. Думать о чем-то было тяжело, мысли рассыпались. Крепость. Она думала о крепости Первой эпохи. Это надб будет еще доказывать, что Первой. И доказывать принадлежность восьмилучевой звезды к более раннему времени, чем правление Элросов. Доказывать, что в Первую эпоху была возможна цивилизация сложнее, чем первое медное оружие и первые дома из камня и глины... Нет, не так. Нужно упирать, что не доказана прямая связь символики с династией. И тогда можно будет постараться обосновать более древнее их происхождение, если найдутся другие тому доказательства...

Ей вспомнился август, расширенный раскоп и удлиняющаяся траншея вдоль стены. Над этими развалинами бы хорошо звучали те странные мелодии Мэйтара, похожие на дождь и журчание воды, думала она, сдерживая давление и гул, как сдерживала одно время головные боли на лекциях. Тогда она только начинала работать преподавателем, за ней следил весь университет, допускать ошибки и слабости было никак нельзя...

Гул и давление исчезли так резко, что она вздрогнула.

— Упрямитесь. Вы же понимаете, что за ваше упрямство всегда расплатится другой?

— Понимаю. Я сказала то, что знаю. Если вы надавите, я могу начать лгать с перепугу и просто чтобы прекратить... что-нибудь. Проверка этого потратит ваше время зря.

Гондорец отпустил ее подбородок и — странный жест — вытер пальцы об одежду.

— Люблю договороспособных людей, — сказал он. — Забирайте их.

Кто-то развязал одну из веревок, сдернул Аэлин со стула за ноющие руки. Затем к горлу ей приставили нож и вывели из камеры.

— Вставай, нимри, и помни, кто расплатится за твое непослушание, — донеслось оттуда.

Связанного ремнями Мэйтара вывели двое самых здоровенных мужиков, каких Аэлин здесь видела, и повели вперед и вниз. Он хромал на левую ногу, над коленом виднелась другая повязка, пропитанная кровью.

Как же они его боятся...

Ее повели туда же, держа на безопасном расстоянии от эльфа. Теперь подземный ветер дул прямо им в лицо. Интересно, сколько времени им можно дышать без вреда для здоровья?

Потолок повышался, и маски на стенах сделались больше и страшнее. Теперь их покрывал узор, напоминающий то ли буквы, то ли бегающих насекомых, а в глубинах глазниц свет фонарей и факелов отражался странными бликами. Руки болели, а ещё хотелось пить. И хвала Валар, что не хотелось обратного, от жары, наверное.

"Сожжение во славу Моргота — или обряд дарения света?" — подумала она рассеянно. — "Надеюсь, Индиран не участвует. Не думаю, что знаток хотел проверить лично на себе эти обряды..."

Страшно было очень, но как-то отстраненно, что ли. Только живот ещё некстати заныл. Она мрачно спросила себя, станет ли нарушением ритуала, если ее стошнит от страха в разгар действия. Что ж, у нее будет случай проверить.

Они прошли тысячи полторы ее шагов, после этого коридор раздался вверх и в стороны, и навстречу вспыхнул яркий свет всех оттенков рыжего и красного.

*

Если бы он просто шел и прислушивался, то не расслышал бы их вовсе. Но Индиран

тихо крался от одного поперечного прохода к другому, в темноте, качаясь стены, а затем тщательно прислушивался, что происходит вокруг, прежде чем идти дальше. И потому смог остаться незамеченным, когда впереди вдруг замелькал свет лампы, и в нем показались две фигуры.

Вот только из-за хитрой особенности лабиринта он не мог расслышать, о чем они говорили. Вот один из них повернул голову и оказался жрецом в полумаске, второй был, наверное, просто служителем в балахоне и в повязке на нижней части лица. Кажется, сперва говорил служитель, затем жрец что-то начал ему объяснять, размахивая свободной рукой. Лампа в его руке была самая обыкновенная керосиновая, и это было нелепо и странно посреди подземного лабиринта и заброшенного древнего города. Долетели всего несколько слов на кхандском — «кубок... после... заметь...» Договорив, жрец двинулся вниз, а служитель зажег маленькую свечку и повернул по коридору вверх.

Ну и зря, хмыкнул Индиран из-за угла, и без малейшего сомнения треснул его по голове рукоятью револьвера. Служитель свалился мешком, а Индиран утянул фанатика в проход. Обшарив бесчувственное тело, с радостью обнаружил в кармане штанов самый обычный коробок спичек. Умбарские — как убедился он по выдавленной на жестяной крышке печати, когда зажег упавшую и укатившуюся к стене свечу. При ее же свете стащил со служителя балахон и повязку. Под повязкой было чуть грубоватое харадримское лицо, очень обычное, безо всяких там печатей зла и даже без печати, например, пьянства. Разве что куревом от него воняло даже сквозь запахи подземного мира. И куда его, дурака, понесло?..

Связав дурака его же подтяжками и заткнув рот куском рубашки, Индиран напялил балахон на себя, надел маску. Под балахоном заткнул за пояс приметную шляпу. Да, выдергивать револьвер из-под этой хламиды будет непросто... И он двинулся покорять лабиринт дальше, решив попробовать нагнать жреца.

Впрочем, жрец успел раньше. Коридор впереди вдруг закончился внушительной железной дверью, из-за которой падали отсветы факелов. Там что-то невнятно шумело, словно очень издалека, а еще слышался звук чужих шагов — на помещение за дверью эффекты тишины подземелий не распространялись. Он осторожно выглянул туда, потом просунул голову и восхитился.

Под землей выстроить такой высокий зал, с ребрами стен, словно колоннами в дворцовых залах тысячелетней давности! Да еще провал в полу устроили — или наоборот, сберегли храм, когда он появился? Сбоку мелькали длинные одежды жреца, и Индиран затих. Звуки здесь разносились весьма отчетливо: вот шаги направились к левой стене, затихли там, раздался тихий скрежет и металлический стук...

Когда Индиран выглянул снова, щель в левой стене медленно закрывалась. Он подхватил подол балахона и побежал к ней, стараясь ступать как можно тише, но не успел.

Сплюнул — и принялся осторожно обшаривать все выступы и неровности вокруг этой плиты, самой обычной с виду. Вокруг нее выемки в природной стене изображали такие же. И вот резная полочка слева мягко просела под его нажатием. Он прислушался, не идет ли кто, и надавил с силой.

Древние механизмы, думал он, пока дверь неспешно ползла в сторону, это издевательство над современным человеком! Он уже протиснулся туда и стал искать запирающий рычаг, а дверь все ползла. С этой стороны, к счастью, рычаг был более явным, выемка в гладкой стене.

Когда дверь закрылась, он двинулся вперед. Этот проход оказался уже прежних и вовсе

не таким прямым и ровным: он сразу устремился вниз, словно нырнул ниже уровня остальных, а затем потянулся вдаль, клонясь то правее, то левее. То и дело в стенах попадались двери, некоторые совсем старые, расседавшиеся от возраста и тяжести, другие кто-то обновил, не поленился. Звуковых шуток тут тоже не было, пришлось идти очень тихо, в темноте, касаясь стены рукой — и временами собирая пальцами пыль от шершавых деревянных дверей. Он все время помнил, что впереди его где-то ждет жрец, и высматривал его.

Одна из боковых дверей была открыта, и жрец чем-то шелестел внутри. Индиран с трудом вытащил из-под балахона револьвер и подкрался к двери, чтобы тоже его хорошенько огреть. И точно не ждал, что жрец выскочит из-за нее, перехватит ему руку с револьвером и умело подставит подножку!

Он сам успел вцепиться в него со всей силы, утянул за собой на пол. Оба рухнули мешками, вцепились друг в друга, борясь за оружие. Свободной рукой тот вцепился Индирану в горло, а археолог бил его с левой раз за разом, и хорошо хоть попал удачно — тот замер, оглушенный, хватка ослабела, и Индиран сделал именно то, что собирался — дал ему по голове рукоятью. Вышло не так удачно, но чего привередничать!

Еще в живот пнул для верности, поднимаясь.

За дверью были бумаги и разные вещи... ценные вещи. Мятые серебряные и бронзовые чаши, а некоторые, кажется, и не бронзовые. Фигурки божеств, в некоторых угадывались атрибуты кхандских стихийных богов, надземных и подземных. Резные самоцветные сосуды для подношений с символами стихий на боках, в подобные, только из глины, до сих пор наливали жертвенную кровь овец лесные племена. Кажется, эти жрецы тоже занимались раскопками на свой лад.

Сволочи, искренне подумал Индиран, связывая уже и этого жреца полосами ткани из его мантии. И это не относительно цивилизованный Харад, это Кханд, на раскопки здесь обычно плевать хотят, если это не научная экспедиция, вот с экспедиции они всегда готовы три шкуры содрать! Такие находки украсили бы столичные музеи...

Он вытащил флягу, думая плеснуть в лицо жрецу воды. Отпил пару глотков — сразу стало легче — и, аккуратно заткнув горлышко пробкой, убрал фляжку обратно. Кто его знает, сколько еще ему тут под землей бродить, и можно ли будет найти здесь нормальной человеческой воды...

Жрец превосходно пришел в сознание и так — после пары хороших пощечин.

— Добрый вечер, — сказал Индиран на харадском. — У меня тут несколько вопросов.

— Если ты пришел узнать, как избавиться от страха смерти, заходить стоило открыто, — отозвался жрец. У него был жестковатый акцент, значит, выходец с востока страны, из пустынь.

— Нет, я хочу узнать, куда вы дели светящийся Камень. За какой он дверью.

— Никто не доверит такое сокровище кладовкам, глупец.

— А чему доверит? Кому?

— Если придешь к нам с открытой душой, узнаешь это без труда.

— Отвечай, и никто не пострадает, — сказал Индиран сурово.

— Стреляй, глупый умбарец, — пленный пожал плечами. — Смерти и ее страха нет для преданных Властителю мира. Он может избавить от этого страха и тебя.

— Почему все погнались за одним пришельцем?

— А ты разве не с ним, умбарец?

— Я сам по себе. Отвечай.

— Это живой нимри. Ты что, шел рядом и не знал этого? Слепые болваны!

— Откуда ты знаешь, кто он?

— Властитель мира дает не только избавление от страха. Он дает видеть через мороки и покровы. Позволяет смотреть сквозь мороки нимри. Раньше это бывало нужно, когда немало нимри еще скрывались в лесах и холмах, иногда выходя к людям, чтобы обманывать и морочить их. А иногда бестелесные духи нимри вселялись в людей, и это тоже позволял видеть Властитель мира. Избавление от иллюзий — великое благо.

— Что, оно позволяет распознавать обычное вранье? — хмыкнул Индиран.

— Распознать обыденное куда труднее, чем редкое и чудесное, — парировал жрец. — Этот нимри, каким бы злом ни был сам, привел вас сюда. Подумай, не в этом ли смысл.

— Камень. Мне нужен Камень. Отвечай.

— Камень не дается в руки смертным, — ответил жрец спокойно. — Камень для божества.

Тьфу ты, заладил!

Индиран мрачно поднял керосиновую лампу, снял колпак. Язык пламени заплясал перед глазами жреца.

— Камень не дается в руки смертным, — повторил тот, не отводя глаз.

Индиран, словно со стороны смотрел, как сам подносит огонек все ближе к темному лицу жреца и как ложатся отблески на его гладкую кожу. По лицу пленного поползла капля пота, но он молчал. Потом наваждение вдруг отпустило, археолог опустил руку с лампой, молча надел на нее колпак обратно. Лампа ему еще пригодится.

— Тебя здесь найдут? — буркнул он.

— И очень скоро, — оскалился жрец, и вот тут стало ясно, что именно сейчас он врет.

— Вот и сиди! — Индиран вдруг понял, что готов его пришибить. Отставил лампу. Пытаться не готов, но врезать хорошенько по голове...

А жрец опять успел раньше. Раздался треск, он дернулся вперед и боднул Индирана головой в живот. Они покатались по полу снова, сцепившись, колотя друг другом по полу, грубая сила против грубой силы, без уловок, без всего.

И глаза заволокло красным, и ухмылка-оскал перед глазами бесила невероятно — и вот Индиран очнулся, когда сидел на враге сверху и уже много раз треснул его тупой головой об пол. Жрец не шевелился.

Много разных слов вспомнил Индиран, пока нащупывал его пульс на шее. Нет, грызть себя за это до старости не стоило, но, демон побери, он никогда не убивал в припадке ярости! В грабителей и мародеров стрелял, даже прямо из раскопа, в уличных убийц на диком Востоке стрелял, на пустошах Мордора отстреливался, но с ума не сходил ни разу!

Что-то вздрагивало под пальцами на чужой шее, и Индиран облегченно выдохнул. Авось не умрет. Положил жреца головой на тряпки, чтобы остановить кровь из разбитого затылка — и выбросил того из головы. Очнется он точно нескоро.

Надо понять, куда ведет тайный ход, решил он, а затем возвращаться. Теперь можно спокойно взять лампу, не прятаться и не спотыкаться.

Станный одиночный ход временами расширялся кверху, там были отверстия под самым потолком. Пытаясь рассмотреть, что за ними, Индиран светил туда лампой, поднимался к ним, и не мог понять, в чем дело — пока не услышал доносящиеся из одной такой дыры отчетливые голоса. Теперь говорили по-кхандски, к счастью, на понятном ему

столичном кхандском, кто-то кого-то отчаянно распекал, угрожая «подарить Тьме, и та оскорбится, что подсунули такого болвана!». Интересный коридор получался.

— Немедленно бери ловца и марш за ними! Без жертвенных не возвращайся! — орали за стеной. — Порву на клочки, верблюда драного! Огню скормлю! Дерьмо будешь убирать за ловцами вечно!

— Ну, прямо кхандская армия, — ухмыльнулся Индиран. — Только вождь, хм, не тот. Ай да Аэлин, ай, молодец. Не теряла времени.

И поспешил вперед, довольный и вестями, и разгадкой секретов тайного хода. После некоторого расстояния ход вдруг прекратил вилять и сделался прямым, как натянутая веревка. Индиран почти бежал, здесь ему ничего не мешало и ни единой мрачной рожи на стенах высечено не было. Кажется, паутинные подземные ходы были не лабиринтом как таковым, а предназначались для верующих в этого Властителя мира, чтобы доставлять им острые ощущения.

Ход закончился очень обыденно: тупик и деревянная лестница к обновленному люку в потолке из толстых досок. Откинув ее, Индиран сперва понял, что снаружи сгущаются сумерки, потом — что место кажется ему знакомым. И опознал первый этаж башни, с которой они смотрели на храм! Просто выход прятался в углу, засыпанный землей и палой листвой, а хитрые служители, обновляя створку люка, не только не тронули травы и мха вокруг нее, но даже на саму крышку прилепили куски мха мокрой глиной.

Даже распрекрасный Мэйтар ее не заметил, мелькнула злорадная мысль.

Башня ему нравилась, вся эта усадьба ему нравилась. Если придет сюда когда-нибудь с нормальной экспедицией — встанет лагерем здесь. С прямым ходом к главному предмету изучения.

Пока не стемнело, он поспешно взбежал наверх — взглянуть по сторонам. И был совершенно, то есть абсолютно прав, потому что разглядел бегущих прямо к этой башенке людей сверху, и эти люди были не фанатиками, ни один не скрывал лица. А бегущий впереди был даже похож на Нарина. Не задумываясь больше, Индиран скатился с третьего этажа и поспешил им навстречу.

...Выскочив из зарослей ему навстречу, высокий молодой человек рядом с Нарином, не раздумывая, врезал Индирану в челюсть с левой. Тот уклонился в последний момент, удар пришелся вскользь, но тут на него нацелились два ружейных дула, и он понял.

— Нарин, это я! — сдавленно крикнул Индиран, уклоняясь от тычка дулом.

— Ой, профессор Индиран, простите, — выпалил тот, задыхаясь от бега. — Все плохо! Мы шумели, а еще мы потеряли госпожу Аэлин!

При этих словах невысокий полный человек, которого тащили за руки двое парней, словно съежился.

— Что значит — потеряли? — рявкнул археолог.

— Пока меня тащили через пролом, — с отчаянием сказал невысокий, — на нее напали, и она убежала! За ней погнались... Это все я виноват...

— Так, я понял, все за мной. Погоня есть?

— Полагаю, скоро будет, — сказал высокий. — Позади были волки, погнались за госпожой профессором.

— Так, быстро за мной! — заорал Индиран. — Листья! Мирен, что за листья нам показывал проводник? Вонючие?

Парень подскочил немедленно, его руки были испачканы зеленью.

— Найди их здесь, рассыпь вокруг, немедленно! Значит, так. В этой башне — выход из подземелий. Сейчас мы войдем туда и спрячемся. Далеко не уходим. Идем в башню след в след по одному. Может, это обманет демоновых волков, других способов нет.

— Всеотец, что, опять подземелья? — простонал кто-то.

— Хочешь драться с волками? — спросил высокий парень вежливо. — Мы собирались.

— По одному, — командовал Индиран, не давая им спорить и возражать. — Вперед. Ступайте ровно и мягко, на оставляйте лишних следов! Мирен, листья, живо! Да держите вы его!

Высокому парню Индиран вручил лампу. Невысокого пришлось спускать вниз в четыре руки, чтобы быстрее, остальные исчезали один за другим в распахнутом люке. Последним пришел Мирен, сунул в руки Индирану веник вонючих листьев, всхлипнул и устремился за остальными в темноту. Археолог разбросал часть листьев вокруг дома и на тропе в сторону, а оставшимися тщательно подмел пол перед входом и внутри башни. По приоткрытой крышке люка разложил ветки и листья, бросил туда оставшиеся вонючки... Протиснулся в щель, стараясь поднимать крышку как можно меньше, закрыл ее плотно.

— Ох, опять темнота, — тихо застонал невысокий. — Ох... Но ваше лицо кажется мне знакомым!

Индиран сухо назвалса. На лице невысокого в слабом свете лампы отразились очень смешанные чувства.

— Не ожидал встретиться... вот так, — вздохнул он, наконец.

— Не ожидал, что вы потеряете госпожу Аэлин! — огрызнулся Индиран.

— Это больше моя вина, — возразил высокий парень. — Я замешкался с помощью доктору Вельхину.

— С твоей рукой? Это мы с Нарином виноваты... — начал Мирен.

— Заткнитесь все, — отрезал Индиран. — Это точно, что ее схватили?

— Наверняка, — кивнул высокий. — За ней побежали два волка и люди. А мы... мы впали в панику, господин Индиран. И побежали прочь тоже.

— Мне было велено их вести, — сказал смурной Нарин, — и я повел. Куда смог, привел. А теперь я пойду за ней обратно.

— Ты пойдешь за мной, — сказал Индиран, — и никакой самостоятельности. Этот ход ведет прямо к центру всей паутины. Ждите нас здесь. Если мы до завтра не появимся — уходите в усадьбу на окраине города. Мирен должен ее знать, там, где бассейн уцелел. В углу под ветвями спрятаны еда и снаряжение, берите их и уходите по тропе Фэрамира. Хорошо если туда выйдет наш проводник Мэйтар, высокий такой, черноволосый гондорец. Скажите, я велел уходить. Кто из вас берется командовать?

— Меня зовут Кориндиль, — сказал высокий парень. — И я не думаю, что мы побежим. Я намерен пойти с вами.

— Нет, — отрезал Индиран. — Кучей мы один раз уже ходили. Я беру Нарина и иду через храм искать нашу госпожу профессора. Ждите здесь. И оружие хотя бы зарядите.

Он протянул Кориндилю керосиновую лампу. Приказал Нарину: «За мной», и тот молча подчинился. Было видно, как давила его вина, плечи Нарина опустились. Говорить ему Индиран ничего не стал. Просто зажег огарок свечи и двинулся обратно, в центр всего безобразия.

Не так бы Аэлин хотелось увидеть сохранившийся подземный храм древнего культа. Не в виде участницы действия. Роль внимательного ученого куда предпочтительнее... Но подземный храм поразила ее и размерами — и просто тем, что сохранился здесь целым.

Зал не был огромен, но стены уходили вверх гранеными ребрами, высоко наверху они смыкались — а ведь где-то выше стоял целый храм с куполом! Величественные статуи в масках с остатками позолоты стояли и лежали вдоль стен, и полировка их по-прежнему поражала искусностью, а маски вызвали невольную дрожь, как и должны были. Но главным было вовсе не это.

Глубокая трещина рассекала пол дальней части храма и продолжалась в его стенах, даже не перекрытая нигде. Казалось, не она вторглась сюда, в творение человеческих рук, а напротив, люди воздвигли храм прямо над ней и вокруг нее. На краю трещины стояли кубы из полированного камня — алтари или нечто подобное, пыталась думать Аэлин. И еще глаз цеплялся за странную и неуместную в этом зале вещь — лебёдку на краю трещины, словно в нее регулярно бросали якорь.

Из разлома поднимался дым, воздух над ним чуть дрожал, и снизу шли отблески красного света. Но и без него факела ярко освещали весь зал и все ведущие в него коридоры. Сюда, к этому центру сходилась, должно быть, вся паутина ходов под городом. Дым уходил в разлом в потолке, зеркально повторяющий основной. И ещё откуда-то поступал свежий воздух, вытесняя запах глубинных испарений, она чувствовала пробегающие по лицу сквозняки.

Иначе в этом зале быстро бы задохнулись все, и жрецы, и... все прочие.

Что ж, по крайней мере, костер здесь не разложили.

Несколько одиночных колонн, разбросанных по залу, вырастали прямо из пола, без оснований. И, похоже, составляли с ним единое целое. К одной из них привязали Мэйтара, явно стараясь сделать это надежнее, сорвав с него вконец разодранную рубашку. К другой колонне после этого наскоро пристегнули ее, не слишком беспокоясь.

"А куда здесь деваться?" — подумала Аэлин мрачно.

...Зал наполнялся ощущением безнадежности до самого потолка, до той точки, где сходились ребра стен, да ещё наверняка выплескивалось наружу через верхнюю трещину. В него она погрузилась, как в воду, едва попала сюда. И очень хотелось воззвать к цивилизованности и знаниям, как она сама делала в лабиринте, но здесь это выходило фальшиво.

Давили стены, смыкались над ней, будто черные лапы с ребрами-пальцами. Давили маски устоявших идолов, бесстрастные и жуткие, поблескивающие в свете факелов. Давил самый воздух, сухой, колючий и дрожащий. Как во сне, когда вокруг самые обычные стены и вещи — и все равно жутко невесть от чего.

От этого неизвестного хотелось спрятаться хоть в трещину. Сама себе она казалась маленькой и жалкой, лишь путающейся под ногами у всех, виновной даже в том, что первый и единственный встреченный эльф попался в руки сумасшедших...

Тут ей вспомнился жрец, и она с усилием остановила эту мысль. С таким усилием, что в жар бросило. Казалось, она плывет среди безнадеги, и та рвется внутрь прямо с колючим воздухом: не дышать нельзя, придется быть настороже.

Хотя бы в голову к себе она это не пустит.

Позади заскрежетало, она завертела головой, пытаясь понять, что происходит. Там закрывали железные двери одну за другой, задвигая засовы. Вскоре осталась лишь одна, самая крайняя. В нее вошли ещё двое с закрытыми лицами, ведя третьего такого же. Проклятье, в этом подземелье закрывать лицо даже осмысленно, меньше дышишь всякой дрянью!

В храме осталось десять фанатиков, двое жрецов и вот этот, последний. Его руки были свободны, но он весь обмяк, словно лишился воли, и позволял себя вести куда приказано. На его скуле наливался большой синяк.

— Открывающим будет сегодня виновный, — сказал обыденно смуглый жрец.

Человека подвели к лебедке, поставили на что-то на полу. Решетка, цепи от нее... Один из служителей ушел вертеть лебёдку, цепи натянулись над решеткой, человека наскоро привязали к этим цепям, сорвали с него маску. Вот решетка с ним приподнялась, повернулась к расщелине, и человек медленно уплыл вниз. Сперва лебедка разматывала цепь, затем начался прочный корабельный канат.

Виновный, щелкнуло в голове. Уже плохо соображается. Один из охранников пленных, вот он кто.

Наверное, раньше жертв просто толкали вниз, а теперь и сюда пришел прогресс...

На виски давило почти как от взгляда жреца. Мысли путались, хотелось плакать и кричать что-то дурацкое, но привычка многих лет держаться и молчать пока спасала. Хотя кто здесь удивится крикам и слезам?

Мэйтар рядом, казалось, постарел снова, таким усталым он казался. Усталым — и очень злым. Стало отчаянно завидно — лучше бы здесь злиться, чем плакать.

А еще лучше бы искать хоть какую зацепку, чтобы отдалить спуск в трещину. Она с отчаянной надеждой оглядела весь зал, всех фанатиков, стоящих полукругом с мечами в руках... поймала муторный взгляд одного из них, ее передёрнуло, отвернулась.

Жрец положил на правый стол несколько предметов. Меч Мэйтара в ножнах, небольшую шкатулку из темного дерева, золотую узорчатую чашу, кривой нож. Чашу он поставил перед собой, кривой нож взял в правую руку, и привычным быстрым движением вспорол себе запястье. Кровь стекала в чашу, и, странное дело, узоры на ней словно бы наполнялись этой кровью, наливались ею — и слабо засветились красным. А может, ей со страху кажется?

Приглушенный, но страшный крик раздался снизу, еще один. Служители остановили лебёдку, и теперь из трещины неся далекий нечеловеческий вой, отдаваясь эхом от потолка и расплескиваясь по залу. А жрец запел — в то самое мгновение, когда закричали. Аэлин пыталась разобрать слова, временами улавливала что-то, похожее на обрывки слов синдарина, а в другие разы — на харадримском, и что-то невнятное, с обилием согласных...

Мэйтар вдруг оскалился, словно понял что-то с опозданием, рванулся отчаянно раз за разом — нет, не вышло, но он пытался снова и снова, будто от этого зависело что-то большее, помимо его жизни. Она тоже попробовала выпутаться, но веревки только сильнее врезались в кожу, обдирая ее.

Плохо жить без револьвера. Очень плохо. Какая-то дрянь происходит, а ты ничего поделывать не можешь. Вернусь домой, думала она мрачно, дергая свои веревки, буду с револьвером спать и в умывальню ходить...

Что-то задрожало над провалом. Воздух свивался и корчился там, словно от воя,

исходящего снизу, что-то копилось в нем сильнее и сильнее, ещё, ещё немного...

Крик стал прерывистым и вдруг разом оборвался. Нечто замерло, напрягая все силы. И тогда жрец выплеснул себе на маску кровь из чаши — и распахнул шкатулку.

Бело-золотой мягкий свет хлынул из нее потоком, затопил храм, глуша алое свечение фонарей и провала, разлился как вода, как тепло, как радость, как надежда, как ещё что-то прекрасное и доброе, для чего не хватало слов, разгоняя даже туман безнадеги...

— Нет... — прошептал Мэйтар. Закрыв на мгновение глаза в ужасе. — Нет, нет, только не снова!!!

И разнесся звук, словно лопнула очень толстая басовая струна.

Дрожащий, извивающийся воздух расступался над трещиной, расходился рваной раной в глухую, непроницаемую тьму, которая втягивала в себя отсветы камня, как воду, и не могла напиться. В зале потемнело на глазах.

— Мое, — прошептала темнота, не голосом, а непонятно даже чем, словно пыль и камни сталкиваются в воздухе. И потянулась оттуда. Язык, рука, лапа, щупальце морской твари, очертания сгустка тьмы менялись на глазах, оно было чем угодно. Оно хотело жрать. Походя мазнуло по кровавой чаше, по маске жреца... Окутало сияющий Камень, словно черным дымом, стараясь его приподнять, втянуть в себя, и не в силах это сделать. Свет просачивался сквозь волокна тьмы, сверкал здесь и там, а тьма ласкала его, как любимую игрушку.

— Мое...

Вот тут Аэлин замутило и правда едва не стошнило, во рту появился противный вкус желчи, это слегка отрезвило.

"Извините, немного выходит за привычный образ темных культистов", — подумала она с нелепым смешком. Даже Сильмарилл в него вписывался. В первое мгновение она думала, что сияющее чудо тоже торжественно спустят в огонь или что там под землёй. Присоединят к третьему, прямо по тексту "Нолдолантэ". А началось...да демон знает что. Голова раскалывалась, рассудочная часть предлагала объяснить это галлюцинациями от дыма, нерассуждающая хотела только бежать прочь отсюда.

"Галлюцинации. Попробуем ухватиться за эту мысль..."

— Повелитель...

Жрец уже распростерся на каменном полу перед разрывом и лишь чуть приподнял голову.

— Повелитель, мы нашли для тебя живого нимри! Вот он, здесь, и несколько не истаял! — казалось, он сейчас начнет ласкаться к темным лапам, будто собака к хозяйской руке.

Снова зашуршал пепел в воздухе.

— Нимри... — протянул пепельный голос. — Эльф...

Пелена тьмы на камне разжалась, но свет его остался приглушённым. Лапа развернулась в их сторону — облаком пепла, драконьей мордой, куском лица... И раздался смех. Пепельные губы вздрагивали в воздухе, невидимые частицы пыли и пепла скрежетали и стучали.

"Можно я снова сдам экзамен на должность профессора, десять раз подряд?" — тоскливо и глупо подумала рациональная часть Аэлин. А невыносимый смех длился и длился, от него было больно, как от криков жертвы и ещё хуже. Когда же он умолк, за одно это хотелось благодарить.

— Какая встреча, — шевельнулись пепельные губы. Между ними открылись глаза, клубы тьмы и пепла потянулись ближе. — После стольких лет... Как я рад видеть тебя здесь...

Мэйтар вскинул голову, лицо его было маской отвращения.

— ...Маглор Феанарион, — прошептала темнота. — Ты хорошо держишь вашу Клятву. Столько лет преследуешь меня... в одиночестве... презираемый, отвергнутый всеми...

Эру Всеотец, взвихрилось в голове смерчем, да если это правда! Да если она сейчас стоит рядом с создателем "Нолдолантэ", Песни о падении нолдор!...

"Которого сейчас сбросят в огонь ради этой галлюцинации, чем бы она ни была..." — прошипело что-то внутри. В угоду Морготу, поправила она себя.

Страх пропал из беспорядка в голове. Мир трещал и рушился в очередной раз, бояться стало немного некогда.

— И ты снова хорошо послужишь мне, — прошептал голос, а клубы тьмы на миг целиком сложились в лицо, прекрасное, но искореженное шрамами. Что-то в нем было отдаленно знакомое, очень отдаленно, но вот золотые маски в одном из скрытых святилищ Харада, раннее постнуненорское время... вот эти очертания носа и бровей, что-то такое мастера уловили и пронесли через много тысяч лет...

И тут Мэйтар, то есть уже Маглор, внезапно ответил. Говорил он вдохновенно и довольно долго, на разных языках, и клубы тьмы даже шарахнулись от него. Аэлин узнавала отдельные слова — они встречались на полях переписанных документов, иногда в берестяных грамотах Северо-Востока, другие частенько раздавались среди моряков Умбара или на харадских базарах. Одна сложная конструкция, наверное, была тем самым легендарным "загибом Короля-Бычка", который стыдливо упоминался в летописях. Звучало оно прямо-таки как песня. Несколько неожиданными красками расцветив встреченное эльфийское чудо, надо сказать. Аэлин не предполагала таких талантов у волшебных существ. С другой стороны, может быть, эпическому герою полагается и эпически ругаться?

Служители так и мялись по сторонам зала. Может быть, тоже заслушались. Не впечатлились только жрецы: один из них, придя в себя, прямо у облачения отодрал рукав и попытался эпическую брань прервать, но Маглор дважды пнул его в колени, не прекращая ругаться, так что тот ухромал в сторону. Отчего-то даже не пригрозив.

А когда Маглор на выдохе умолк, темнота снова засмеялась.

— Ты не понял меня, — сказала она почти ласково. — Твоя служба мне больше не нужна. Мне нужен этот мир и тело, чтобы в нем существовать. Тела людей, увы, совсем не подходят, они сразу портятся... Но бессмертное тело эльфа, я рассчитываю, сможет вместить в себя достаточную часть меня... Чтобы стать моими воротами в мир. Это так забавно, что воротами в мир послужишь мне именно ты, сын Пламенного...

— Не думаю, что у вас получится, сударь коллективная галлюцинация, — ляпнула Аэлин словно против своей воли и даже с ощущением, что делает огромную глупость. Лучше было бы сплясать пьяной на столе профессорского совета.

Темнота развернулась и посмотрела в нее и сквозь нее. Как на маленькую мошку, зажужжавшую над ухом.

— Ты уже боишься за него, человечек, — прошелестела она, протягиваясь к ней клубящейся рукой. — Ты любила его, человечек?

— Я даже не уверена, что вы нечто настоящее, — сказала она честно.

— Я не стану тратить себя на убеждения столь жалкого создания, — прошептала

темнота будто бы ей на ухо. Она росла и росла рядом, делая Аэлин все меньше и меньше. — Хотя... Я ведь могу показать доблестному сыну Феанора, что происходит с моими смертными сосудами... А если ты не станешь сопротивляться, она останется жить.

Теперь засмеялся Маглор. Горько и зло, без слов говоря, что думает о такой жизни.

"Наверное, в те легендарные времена он постоянно такими играми развлекался", — в первый раз Аэлин подумала об этом существе "он". Привыкала к мысли, что в храме Моргота может оказаться сам Моргот.

Ведь некоторые темные культы объединяло именно это учение — намерение вернуть на землю своего изгнанного повелителя. Она сама это изучала. Кое-кто на том даже специализировался. Жаль, что такое множество новых сведений пропадет зря. А ведь обряд почти классический, с нуменорских времён сохранившийся...

И всё-таки, спросила она у себя, зачем ее потянуло с этим заговорить?

Существо тем временем поколебалось, а затем мягко скользнуло вбок, к Маглору, окутывая его, словно клубами дыма.

— Знаю, что вы упрямы, — прошуршало из клубов. — Но все же — чем меньше будешь сопротивляться, тем меньше продлятся твои страдания...

Маглор снова рванулся из ремней, так сильно, что на них выступила кровь у краев. Забился, как зверь, пойманный на загонной охоте. А к Аэлин подошли двое служителей, отвязали от столба и потащили к лебедке.

...Решетку успели вытащить, пока творился этот бред. На глазах Аэлин ее окатили водой из кожаного ведра, железо зашипело. Решетку и нижнюю часть цепей покрывал слой чего-то черного и блестящего, налипшего на нее, будто глина или грязь.

Ну, она честно пиналась и сопротивлялась. Поначалу даже получалось, но сил и воодушевления не хватило. Получила пару ударов кулаком в живот, скрючилась, не в силах вдохнуть, а когда вдохнула, ее за руки уже привязывали к чёртовым цепям, еще горячим. Что-то происходило за ее спиной, но рассмотреть Аэлин не дали — решетку торопливо спихнули в трещину, лебедка закрипела — и она повисла над алым свечением, в потоке жара, поплыла вниз между блестящих черных стен.

Наверху раздался грохот выстрелов, он был как музыка, но прямо сейчас ей это ничем не помогло. Решетка шла вниз неотвратно.

Ширина трещины, прикидывала ее рассудочная часть, пока Аэлин отчаянно выдирала руки из веревок, не больше трёх метров. Словно разрубили топором. Только непонятно откуда, и такое чувство, будто рубили снизу вверх, потому что стены трещины немного расширяются. А ниже почему-то стена заканчивается, и дыхание перехватывает от серной вони и других непонятных запахов, и от жары она вся стремительно взмокла, словно воду из тела отжимали руками.

Сперва Аэлин выдернула левую руку из петли, и ещё подумала, что слишком наскоро ее привязали. Потом отмотала правую. На душе сразу стало легче, потому что теперь есть способ закончить любую дрянь быстро — прыгнуть вниз, и все.

Интересно, сможет ли она забраться наверх по цепи? По веревкам и доскам из раскопов она лазала постоянно...

А ещё, рассеянно подумала она, привычки обращаться к высшим силам у нее совершенно нет. А время самое подходящее...

Только получилось что-то другое, неожиданное.

"Всеотец, не дай Маглору закончить столько тысяч лет жизни так обидно... Помоги ему

продержаться, — думала она, цепляясь за горячие звенья цепи. — Ну и мне немного... Вылезти отсюда. Если получится".

Она успела сделать две неудачные попытки залезть по цепи, и тут вокруг нее закончились стены. Голова закружилась, не то от газов, не то от увиденного.

Непостижимо огромное подгорное пространство открылось вокруг Аэлин. Сияющее и пышущее жаром оранжево-черное озеро расстиралось внизу, и его поверхность непрерывно текла и шевелилась, шелестя постоянно возникающими на поверхности темными корочками застывающей лавы. Черные стены поднимались над озером жидкого огня, уходя в черноту наверху. С одной стороны, где она могла различить ближние стены, их покрывали бесчисленные узорные потёки и разноцветные отложения, словно сложные раскрашенные рельефы. Где-то свисали, подобно бахrome, черные блестящие капли, где-то стену украшали полуколонны потёков камня. Все это бархатисто поблескивало, отражая свечение гигантского озера под ней.

— Магматический резервуар? — пробормотала она вслух, и пересохшие губы треснули до крови.

"Как жаль, что Нарин и его родня этого не видят..."

Очнувшись, она снова попыталась вскарабкаться по цепи, но руки ее не держали, голова кружилась, и Аэлин едва не свалилась с решетки. В глазах плыло.

"Как пошло! Топить людей в этой красоте..."

Решетка вздрогнула и замерла. Поползла было вверх. Потом дрогнула опять и поплыла вниз.

"Пока там определятся, и задохнуться недолго!"

Она кое-как оторвала полосу ткани от подола рубашки и прижала к лицу. Так меньше воняло, но и воздуха ей доставалось сильно меньше. Она села на маленькую площадку для ног в середине решетки, чувствуя, какая та горячая, и как печет снизу. Богатый выбор — задохнуться, поджариться или свалиться к Морготу в озеро магмы.

Ах, нет. К Морготу сейчас надо наверх...

Откуда-то донёлся невероятно прекрасный голос. Слов не разобрать, но как он подходил этому огненному пространству!

Ну, уж это точно галлюцинация от подземных газов, решила она.

*

*

Дышать через повязку было неприятно. Демон знает, зачем жрецы заставляли их носить, но с ними вышло удобно: переодетый и с повязкой Индиран какое-то время легко мог сойти за своего. Оставалось только снова проникнуть в храм и впустить туда Нарина из тайного хода.

Он едва не опоздал. Когда выскользнул из тени и присоединился к процессии фанатиков, впереди, между спинами мужчин, замелькала белая рубашка госпожи профессора. А пока он прикидывал, не получится ли с наскока застрелить соседей и сбежать с коллегой, разглядел дальше при свете факелов знакомую высокую фигуру.

"Но как?!" — чуть не заорал Индиран от досады. Этот-то как здесь снова очутился? Эльф что, совсем дурной?

Мало ему было забот с женщиной!

Так он и вошёл в храм снова, теперь в хвосте целой процессии. Страхнул навалившееся было тяжёлое предчувствие. И первым делом он всех здесь посчитал. Счёт выходил не очень в его пользу, ведь в его револьвере под рубахой служителя было шесть пуль, а врагов вместе с двумя жрецами здесь целая дюжина. И те, кто выживут, не испугаются.

А ещё, говорил вредный голос у него внутри, если заторопиться и начать драку прямо сейчас, он так и не узнает, был ли здесь Камень или иное сокровище для дарения тьме. И надо просто немного подождать. Ведь ничего страшного пока не происходит. Даже первой жертвой пока назначили виноватого фанатика, и ещё небольшое время никому ничего не грозит, думал он, отступая влево, чтобы стоять как можно ближе к потайной двери. Следил за всем, что делают жрецы и что у них в руках.

Фанатик тоже человек, но жалеть его не выходило, и драку из-за него затевать тоже. Чего доброго, в драке эта жертва окажется на стороне жрецов!

И потому Индиран все медлил, продвигаясь незаметно ближе к тайной двери. У него будет одна попытка, думал он. Застрелить в первую очередь тех двоих, кто с ружьями. Затем жрецов. Затем открыть дверь и впустить Нарина. Студент наверняка так и сидит послушно под дверью...

Когда фанатик заорал глубоко под землей, Индиран только подумал о своих коллегах, которых тоже вот так опускали под землю в огонь. Была в этом некая мрачная справедливость. Наверняка они тоже так кричали.

Потом жрец откинул крышку шкатулки, дивный свет затопил мрачную пещеру, заглушая алое свечение трещины, и Индиран оцепенел.

Он не знал, насколько, оказывается, плохо верил в то, что говорил летом и что искал. Не знал, насколько привык, что все, древнее Алой Книги, было для него сказками и легендами, пусть и горячо любимыми. И теперь его как по голове огрело: Аэлин честно не верила в Сильмарилл и говорила об этом, а он, искатель сокровищ, столько лет врал сам себе, потому что ему нужна была недосыгаемая звезда, чтобы за ней гоняться...

Этого не может быть, думал он, впитывая изумительный бело-золотой свет, как воду в пустыне. Это должен был быть Аркенстон, или еще какой исторический или доисторический алмаз!

Руки затряслись от желания коснуться этого чуда, убедиться, что оно настоящее...

Так он и пропустил подходящий миг застрелить жреца.

А потом явилось это, и стрелять в него было бесполезно. Все стало бесполезно теперь, когда в мире проделана дыра, и оттуда течет тьма, поглощая самый свет. Он упустил последнюю возможность спасти своих людей и коснуться чуда. Навалилось отчаяние до черноты в глазах.

Хотелось кричать и палить во все стороны, он едва удержался. Хотелось винить во всем проклятого эльфа, что завел их сюда по их же просьбе...

Ах да, вяло подумал Индиран, прислушиваясь к шелестящим словам тьмы, эльф-то уже проклят. Давным-давно. До пресловутого затопления Белерианда, уже почти подтвержденного. Почти, потому что ещё надо собирать доказательства для старых дубов из Совета профессоров... Не про эльфа, про затопление... Про линденскую крепость и возможную Первую эпоху... Если Аэлин захочет поделиться полем работы... Так, стоп-стоп, до поля работы ещё добраться надо!

Вот тут примерно он и начал приходить в себя. Словно издалека до него донеслись неожиданные здесь ругательства на старом Всеобщем, потом на старом кхандском, а перемежались они вовсе чем-то непонятным, с обилием согласных и шипящих. На таком языке можно сказать "добрый день" и все равно что выругаться!

Странное дело, от ругательств тоже стало немного легче дышать и думать, словно морок расступился от них. Кажется, в суевериях бывает здоровое зерно...

Индиран вздохнул и покосился в сторону других охранников. Но те стояли, как замороженные, пялясь на говорящий мрак. Как и один из жрецов, стоящий на коленях с золотой чашей: с обожанием и ужасом смотрел тот на клубы темноты вокруг рвущегося из путов эльфа. А вот второй жрец с двумя охранниками были очень заняты, запихивая скорченную Аэлин на решетку...

На то, чтобы вытащить револьвер из-под длинной рубахи, ушло ещё немного драгоценного времени, он запутался в этой тряпке, и ближние охранники уже дернулись к нему. Вот никогда, никогда ничего не идёт по плану, разозлился Индиран, выдрал револьвер из-под подола с треском и выстрелил дважды подряд — в охранников со старыми ружьями. А того, что подбежал к нему, он пнул в пах и отскочил к потайной двери. Навалился на рычаг в виде каменной полки...

Как же медленно она двигается!

Второму служителю он врезал с левой в челюсть и выстрелил в жреца возле лебедки. Попал, но не слишком хорошо, тот даже не упал. В четвертый раз пришлось стрелять в простого охранника, который несся к нему с саблей, как пират.

— Где профессор? — завопил из-за двери Нарин. С силой пропихнулся в открывшуюся щель.

— Внизу уже! Беги к лебедке! — заорал Индиран. И рванулся к первому жрецу, чтобы пристрелить уж наверняка. Напрямую. Подныривая под клубы морготовой тьмы...

Плохая была идея. Его словно оглушило, вдох застрял в горле пеплом и золой.

— Жалкое отродье эльфийской ведьмы, — прошелестел голос из темноты. — Наглое отродье... Сколько же вас развелось... Пьешь и пьешь, а вы не кончаетесь...

Когда Индиран прокашлялся, он стоял на коленях, и жрец склонялся к нему забрать револьвер. На лице того была сосредоточенная радость, словно он решил хитрую задачу. Жрец опоздал совсем немного, на секунду-другую, просто пальцы археологу не успел разжать. Индиран выдрал руку из его захвата и выстрелил в глаз в упор. Тот рухнул мешком,

нож из другой руки врага зазвенел по полу. За спиной раздался вздох не то хлюпанье, прямо над ухом, он бросился в сторону, не вставая, перевернулся на каменном полу, обернулся, целясь в клубящееся пепельное лицо, изменчивое и слепое.

— Ещё немного силы для меня, глупец, — сказала оно.

Рядом эльф поднял голову, втянул с силой воздух, словно не мог дышать несколько минут. Вдох-выдох... Мгновения свободы...

— Не дождешься! — рывкнул Индиран, надеясь, что не слишком глупо звучит. Там, впереди, Нарин дрался с двумя врагами у лебедки, и дрался успешно: один уже лежал, и раненый жрец прыгал вокруг них, пытаясь вмешаться.

Лицо вдруг улыбнулось. Индиран сразу рванулся влево, на бегу ухитрившись подхватить нож с пола; его попытались сзади схватить в несколько рук, но он вырвался, только рубашку порвали.

Четверо охранников осталось. Он выпалил ещё в одного, не целясь, побежал, увлекая их за собой. Вот же развелось фанатиков, револьвер перезарядить не дадут!

...Низкий глубокий голос разнесся по залу, отражаясь эхом от стен, Индиран чуть не споткнулся. Вдруг легенды про веселые звонкие голоса эльфов. Или им с эльфом так повезло... Даже хриплый и усталый, этот голос пробирал до костей, усиливаясь с каждой секундой. И клубы темноты сжимались вокруг эльфа — и не могли никак сжаться до конца во второй раз.

Это не синдарин, только и понял Индиран. Похож. Но не синдарин... Тут же раздалось гневное шипение, оно нарастало, как растёт лавина песка, но заглушить голос эльфа не могло.

А Индиран несся по залу к лебедке, уворачиваясь от охранников. Обернулся, врезал рукоятью револьвера по голове ещё одному. Увидел мельком, что последние двое отстают и трясут головами, словно пытаясь проснуться, ну и демон с ними, дел и так полно! Эльф держится, голос его становится глубже и чище.

— Ещё немного! — заорал ему Индиран. — Пой ещё!!!

И с разбегу ударил под дых раненого жреца у лебедки, отбрасывая его к стене. Один охранник валялся на полу, а другой тоже мотал головой, зажимая уши, и Нарин отчаянно налегал на ворот лебедки. Индиран пнул в живот стоящего, тоже налег на ворот. Из трещины жар и вонь, надо вытащить Аэлин поскорее, пока она там не задохнулась...

— Почему вы медлили?! — крикнул в отчаянии Нарин, крутя ворот изо всех сил.

— Не знаю! — заорал археолог в ответ, налегая тоже. Они пыхтели и обливались потом рядом с этой проклятой трещиной, а голос эльфа несся над ними, и Индиран старался не думать, насколько того ещё хватит. Шипение нарастало, металось по залу, стараясь не то заглушить, не то вмешаться в невероятное пение, и металось почти в такт им блики невероятного света, вспыхивая и бледнея невесть почему. Клубы пепельной темноты вращались вокруг неподвижного певца, вспухая, как напряженные мышцы. И что-то подсказывало, что времени у них осталось совсем немного...

У Индирана уже в глазах потемнело от усилий, и тут канат сменился цепью, а затем и решетка показалась над краем трещины. Аэлин в рваной рубахе скорчилась на ней, лицо полускрыто тряпкой, лоб и руки красные, как после еверорунской бани...

— Быстрее!

Цепи жгли руки, решетка поворачивалась неохотно, но Аэлин была жива — отпустила тряпку, устало вздохнула и поползла на четвереньках вперёд.

Голос эльфа позади них дрогнул, налился хрипотой, и свет опять померк. Индиран метнулся к нему, отгоняя ужас перед темной пеленой, она уже окутала все, скрывая и эльфа, и столб, к которому того привязали. Голос взвился вверх яростным криком — и прервался, сменившись хрипом. Индиран взмахнул кривым ножом жреца и засунул руки в темную пелену, нащупывая веревки.

Руки обожгло и обдало холодом разом, и он невольно заорал, но что-то нашел и начал пилить ножом, не веревки, кожаные полосы, натянутые до звона... А нож острейший... Больно-то как... Теперь уже Индиран орал и ругался, волны холода и жара жгли его руки поочередно, а в голову шгопором вверчивалась мысль, что он бесполезен и опоздал, вот только от боли даже не думать было слишком сложно!

Сзади в него вцепился было очнувшийся охранник, Индиран ударил его каблуком в колено.

Там, в пелене, эльф снова рванулся, и последние две полосы лопнули. Маглор, хрипя и хватая воздух, выпал из клубов темноты, еле устояв на ногах.

— Руки! — прохрипел он. — Быстрее!

Индиран врезал ещё одному фанатику, подскочил, полоснул по ремням на запястьях эльфа — и в него снова сзади вцепились в четыре руки. Ударили по почкам раз и другой, отбросили в сторону, схватили за руку с ножом.

— Поздно, — шипел голос расплывающихся клубов морготовой темноты, снова захлестнувшей эльфа с головой, — поздно!

Что-то лопнуло с противным звуком.

Возле лебедки снова дрались. Индиран, извернувшись, ткнул ножом врага куда достал, но двое наседали на него, словно и боль плохо чувствовали. Началась драка без правил, как в бедных кварталах, Индиран бил ножом, куда доставал, лягался и кусался, выдираясь из цепких рук, потом на руке с ножом повис враг и выворачивал ее изо всех сил, а время уходило безвозвратно. Он тоже забыл про боль, укусил руку, держащую его за запястье, бил кого-то головой об пол, освободил руку с ножом, воткнул его куда-то опять, вскочил, наконец. Пнул ногой в смуглое лицо, обернулся.

Эльф, шатаясь, шел к алтарю, вслепую, окутанный тьмой так плотно, что не был виден вовсе. Может быть, только свет Сильмарилла ещё пробивался через эту темноту... Ещё шаг, ещё один.

— Поздно, — шипел сам воздух, пепельный и жгучий, обжигающий горло, — поздно!

Нарин сцепился с очнувшимся фанатиком, они колотили друг друга о лебёдку. Раненый жрец пытался хватать Аэлин за руки и тащить обратно к расщелине, она пиналась и кусалась.

Убить эльфа. Если убить эльфа, пришла холодная мысль, для Моргота закроются эти ворота в мир. Зря старался.

Индиран неуверенно шагнул вперёд, перехватывая нож поудобнее. Было мерзко, но другого выхода, кажется, нет. В горло не попасть, надо бить в спину, пока сил хватит, может, попадет, куда надо.

Окутанная тьмой фигура наклонилась, мелькнула протянутая рука и выхватила из шкатулки Сильмарилл.

Раздался крик на два голоса — один хриплый, срывающийся, но живой, второй шипящий по всему залу — нелюдской, скрежещущий. Пелена разомкнулась и опала, открывая живое тело. Клубы темноты вырвались из кричащего рта эльфа и растаяли. Что-то

шипело, словно на сковороде, по залу разнёсся запах горелого мяса...

И вспыхнул свет. Словно солнце спустилось прямо сюда, в душное жаркое подземелье. Только оно не слепило, а заполняло собой всего смотрящего, до доньшка.

Закричал морготов жрец, падая на колени и схватившись за глаза. Жмурились и отворачивались живые ещё охранники. Темнота сжималась под этим светом в плотную изменчивую фигуру, тоже пытаясь закрыться...

Эльф кричал, но Камня из дымящейся руки не выпускал. Вот он шагнул вперёд, к темной фигуре, и та отступила от потока света. Зашатался.

Индиран подскочил и подхватил эльфа, не давая упасть. Потом мелькнула ещё одна глупая мысль, и он протянул руку, касаясь Сильмарилла в чужой руке кончиками пальцев. И свет снова вспыхивает.

Больно, больно, больно...

Гори, гори же...

Воздух вокруг шипел и накалялся, губы трескались от сухости. Ещё шаг вперёд. Не упасть бы вниз.

Кто-то подхватывает под локоть уже Индирана.

Мелькнуло лицо жреца, он бредёт к темной фигуре с другой стороны, отчаянно шурясь и протягивая руки.

— Меня! — крикнул он. — Меня!

Пепельные клубы окутали его и мгновенно осели. Глаза жреца вспыхнули, как угли, он выпрямился, делаясь будто выше и шире в плечах. Шагнул к эльфу и человеку, едва стоящим на ногах...

Нарин подскочил сбоку и с размаху ударил его в челюсть, как на ринге. Жрец пошатнулся и улыбнулся. Встречным ударом сшиб Нарина с ног, тот откатился едва не под ноги Маглору.

Сеть морщин пробежала по лицу жреца, стремительно углубляясь и расширяясь. Вот он шагнул вперёд, а его кожа стремительно сморщивалась, волосы мгновенно выцвели, мышцы опадали. Человек ссыхался изнутри. Замахнулся, готовый ударить ещё раз... Хрустнул сустав. Стремительно сохнущее тело осело со стоном, исходя черным пеплом.

Маглор сделал ещё шаг вперёд, к самому краю. Переливы света врывались здесь в черноту воздушного разрыва, и Индирану показалось, что он стал немного тусклее.

Ещё одна рука коснулась маленького солнца, которым стал Сильмарилл. И свет вспыхнул ещё ярче, хотя казалось, это уже невозможно. Даже пыльный вонючий воздух делался чище в этом свечении...

Мир очищался. Хоть немного. И разрыв в ткани мироздания делался все уже. Нет, Индирану больше не казалось — разрыв вправду сужался, делался все короче, и воздух снова дрожал вокруг него, прозрачными клубами сталкивая края разрыва друг с другом, исцеляя, очищая...

Темнота взвыла на разных языках. Ты пожалеешь, отродье эльфийской ведьмы, слышалось там. Ты пожалеешь, отродье проклятого рода. Ты всегда будешь жалеть, жалкая женщина, и лезть к недостижимому. Вы все пожалеете, когда я вернусь.

У Индирана сводило от боли руку, голова закружилась. Как во сне, он видел срастающиеся края разрыва, и как они поглощали последние клочья темноты.

А потом эльф рухнул, где стоял, выпуская Сильмарилл из обожженной до мяса руки, и Камень покотился к трещине, переливаясь и приглушая свет.

Индиран прыгнул за ним, сдергивая с шеи повязку для лица. Поймал Камень тряпкой уже в воздухе, падая животом на край. Несколько мгновений неустойчиво смотрел вниз, в красное свечение далёкой лавы, в поток жара, затем соскользнул с края, повиснув на левой руке.

Стена трещины под ногами была возмутительно гладкая, зацепиться не за что.

— Брось его! — возмутилась сверху Аэлин, вцепляясь в его запястье.

— Ни за что! — проорал Индиран, засовывая Камень за пазуху. Тот жегся даже сквозь тряпку, не давая прижаться к стене животом и подтянуться. Правой рукой он пытался ухватиться за край трещины, но Камень не давал прижаться, обжигая тело как углем, обожженная рука соскальзывала, только обдирая кожу о черный камень.

— Идиот!!!

— Я всю жизнь об этом мечтал! — пыхтел Индиран.

— Сдохнуть за него???

И вдруг кто-то вцепился в его правую руку, потянул к себе. Нарин. Ох, хороший ты парень...

Индиран подтягивался, отчаянно перебирая ногами по стене, коллеги тянули его наверх и вытянули, как овощ из грядки. Драгоценный урожай.

Маглор приподнялся им навстречу, лицо у него было белое как мел.

— Уходим! — выкрикивал Нарин, единственный здесь невредимый. — Туда, скорее!

Индирану хватило вредности сперва схватить шкатулку со стола и тоже сунуть за пазуху. Потом он вместе с Нарином кое-как поставил эльфа на ноги и потащил к потайной двери. Уцелевшие охранники сидели на полу, качаясь, словно от глубокого горя, и не пытались им помешать.

Но не успели они дотащить Маглора до цели, как из дальнего конца зала долетел лязг и стук. Кто-то ломился в дальнюю дверь, медленно и настойчиво открывая ее силой. Нарин уже нажал на рычаг, и закрытая сама собой потайная створка опять поползла в сторону, опять неспешно.

— Демоновы двери! — шипел Индиран, торопливо выхватывая из пояса патроны, они скользили в обожженных ноющих пальцах. — Морготовы патроны!!!

Вот в конце зала протиснулся в щель невысокий мужчина с ружьем, высвободил оружие неловко и двинулся к ним, целясь на ходу. Выстрелил. Пуля выбила осколки камня возле головы эльфа, что стоял, прижимаясь к стене.

Выстрел, совсем близко...

Фанатик шарахнулся в сторону, нырнул за статую у стены. В щели потайной двери торчало дуло ружья.

— Профессор, с вами все в порядке? — осведомился Кориндиль с той стороны очень вежливо. — Вы нашли профессора Верен?

— Ловите! — заорал Индиран, с силой пропихивая Аэлин сквозь щель в темноту потайного хода. Затем прицелился и выстрелил из револьвера в голову фанатику — три патрона Индиран все же зарядить успел. Дальше он недолго состязался с вражеским стрелком в скорости стрельбы и удаче, а Нарин протаскивал сквозь открывающуюся дверь все ещё полудохлого эльфа. Раздался вскрик "Всеотец, это кто?" Индиран упал в дверь

последним и надавил на другой рычаг всем весом. Дверь так же нехотя поползла опять к стене. Эйверин выстрелил в щель ещё два раза, потом у него патроны кончились. Просунувшееся вслед за беглецами дуло ружья он сшиб прикладом.

Студентов тут было пятеро вместе с Кориндилем. Самые нетерпеливые и бодрые. И от эльфа они шарахались даже вооруженные.

— Дай сюда, — Индиран отобрал у парня бесполезное теперь ружье и вогнал дуло в щель над рычагом. Рычаг дернулся раз и другой безуспешно. Теперь они были на время в безопасности.

— Торопитесь, — сказал он, — скорее, на выход. Помогите ему. Это наш проводник, э-э, Мэйтар, ему сильнее всех досталось. Давайте, давайте, скорее, — повторял он, почти наощупь заряжая револьвер. Хотя студенты уже поспешили вперед, поддерживая Маглора с двух сторон и ведя под руки Аэлин вопреки ее протестам, через рубашку и жилет Индирана смутно пробивалось свечение Камня, а живот по-прежнему жгло.

Он торопливо отвернулся от них. Убрал револьвер и нащупал под рубашкой Камень и брякнувшую шкатулку. Просунул туда руку, кое-как приоткрыл там шкатулку и закатил в нее Камень прямо в тряпке. Закрыл, услышал щелчок.

Никаких дурацких объяснений. Ему может с одним Маглором хлопот хватить, когда тот в себя придет...

На выходе из потайного хода они, наконец, собрались все вместе. Студенты из экспедиции и их преподаватель, Аэлин с Нарином, эльф и Индиран. Маглор выглядел ещё вполне как эльф, видно, сил ему не хватало себя спрятать за видением или как там его умение называлось. Что о нем думают студенты, Индиран и знать не хотел. Когда кто-то начал спрашивать, просто оборвал его.

— Пережидать больше нельзя, — сказал он, — идём к нашей стоянке в пригороде. Там есть небольшой запас еды и патронов, лекарства. Там сделаем вид, что перешли реку, сами пройдем по воде вверх по течению и спрячемся. Может быть, это запутает уцелевших волков.

— Что с вашим проводником? — уточнил Кориндиль. — Ему нужна помощь?

— Ему нужны перевязка и отдых, но отдыхать нельзя. Рядовые фанатики могут не знать, где этот выход, но дверь они однажды вскроют...

Жаль, эльфа обобрали. Его напиток бы здесь не помешал.

— Покажите руку, — повелительно сказала Аэлин рядом.

Маглор, сидевший на полу у стены, запрокинув голову, нехотя на нее посмотрел — и молча повернул правую руку ладонью вверх. Аэлин хотела что-то сказать — и промолчала.

— Что? — спросил Индиран, подойдя.

— Это не свежий ожог, — прошептала она.

— Разбираетесь?

— Немного.

Она сдернула с шеи тряпку, которую повязала на лицо, и которая так там и болталась. Ничего чище у них все равно не было.

— В усадьбе перевязку нормально, — сказала она. — Помогите ему.

Нарин и ещё кто-то молча помогли эльфу подняться, подставили плечи. Удивительно было, что он вообще ходит, а не лежит пластом. Впрочем, они все в любом случае легко отделались.

Снаружи стояла глубокая ночь, но луна ещё не опустилась за горизонт и недурно

подсвечивала им дорогу. Должны пройти. Выбора и нет.

У беглецов были на всех два револьвера и три ружья, одно уже разряженное, не считая его личных. Огрызаться смогут. Вооруженных ружьями Индиран позвал к себе в голову отряда, двух парней с револьверами отправил прикрывать идущих сзади. Ему предстояло самому найти отсюда дорогу в пригород, и на кону стояло куда больше, чем просто опозориться. Потому он старался просто держаться меж двух ориентиров — купола храма справа, желательного не вздрагивая при виде него, и блестящего притока Гэлханда слева, у подножия горы. И выбирать проходы и тропы, ведущие хоть приблизительно куда надо.

Над куполом густел дым. Кажется, пока они шли, земля вздрогнула под ногами несколько раз.

— Будет жаль, если там что-нибудь обрушится, — сказала сзади Аэлин. Привычно вытерла пот с красного лба, вздрогнула, отняла руку. Припухшая кожа на ее лице и руках была сплошным лёгким ожогом.

— Туда ему и дорога, — бросил Индиран.

— Ни в коем случае! Вы не представляете, какое чудо у нас под ногами! Нарин, я жалею, что вы это не видели! Хм, в других обстоятельствах, я хочу сказать.

— Простите, а что там было?

— Если я правильно понимаю, там магматический резервуар внутри горы!

И Аэлин пустилась описывать несказанную красоту увиденного, вслух сожалея, что невозможно было зарисовать это прямо на месте. Нарин переспрашивал и вздыхал: казалось, он был не прочь вернуться и посмотреть сам. Ну, может быть, не прямо сейчас.

Мэйтар, тьфу, Маглор молчал и никак не прерывал это безобразие, способное их легко выдать. То ли считал, что им ничего не грозит, то ли просто старался удержаться на ногах. Впрочем, студентов это, кажется, взбодрило и ужаснуло одновременно: должно быть, они ясно представили себе, как их медленно опускают в озеро магмы, отчего двигались очень бодро. Даже Вельхин. Рассказ уже прекратился, а они так и рвались прочь от подземелий.

— Левее, — раздался вдруг очень хриплый, неузнаваемый голос. Индиран даже оглянулся. Нет, действительно говорил их невероятный проводник. Оживает.

— Левее так левее, — покладисто сказал Индиран.

Снова перед ними замелькали увитые лианами полуразрушенные стены, каменные ограды, остатки вымостки и совсем уже невнятные развалины, сплошь скрытые листвой. Ещё несколько раз проводник поправлял его, ни к кому не обращаясь, и Индиран послушно менял путь, куда сказано.

Запыхавшись, к нему пробрался Вельхин. Ему тяжело давался этот путь, особенно после долгой малоподвижности.

— Вы уверены? — пробормотал он. — Вы доверяете этому... Этому...

— Это наш проводник, — повторил Индиран с нажимом, — а если вам что-то кажется, доктор Вельхин, пусть кажется только вам.

Это было зло и даже жестоко, но ему хотелось пресечь жалобы и недовольство как можно надежнее. Вельхин растерялся и умолк, лишь пыхтел теперь почти в затылок Индирану, стараясь не отставать.

Спешили они не зря. Когда луна скрылась, стало совсем темно, и им пришлось двигаться почти наощупь. Зажигать огонь беглецы не осмеливались, даже свечу. Да и Индирану продолжало казаться, что взгляд с купола храма еще пытается их найти. Пришлось медленно пробираться в темноте, с трудом находя дорогу среди серых и черных пятен,

которыми стали стены и листья.

Парни спотыкались все чаще. Слабый отсвет на поверхности реки, который временами различал Индиран, показывал, что пока ещё они идут правильно, но каждое препятствие или развилка грозили спутать им направление.

— Пропустите, — снова раздался хриплый голос Маглора после небольшой передышки. Теперь эльф шел сам, хромая. Молча отодвинув Индирана, он без сомнений вышел вперед и свернул в самый темный из проходов перед ними. Должно быть, видел как кошка своими светящимися глазами.

И это вышла последняя часть пути до усадьбы. Она запомнилась сплошными черно-серыми пятнами в глазах, среди которых Индиран искал, куда поставить ногу, то поддерживал Вельхина, ковыляющего рядом с ним, то сам опирался на руку одного из студентов. Под конец Маглор повел их куда-то вглубь зарослей, и там обступила уже полная темнота, только звезды светили наверху, между веток. Но Индиран все время различал высокую фигуру впереди себя в этой темноте, шел за ним безошибочно и вел других. И вот оттуда, из зарослей, они и вывалились на дорогу к воротам поочередно, а до усадьбы было идти уже легко.

В ее стенах беглецы почувствовали себя в безопасности, хотя это и казалось неразумным. Разумом Индиран это понимал, но чутье твердило, что можно лечь и отдохнуть без боязни, словно склоны лощины и старые стены надёжно укрыли их даже от волков.

Он отдал студентам свои свечные огарки и зажёл их, и в зале без крыши, со стволом дерева внутри, прикрытым листвою, даже сделалось уютно.

...Маглор, едва войдя, отбросил левой рукой ветки со своих вещей и опустился на землю. Положил голову на вещевой мешок, закрыл глаза.

— Вам нужна перевязка, — настойчиво сказала Аэлин, наклоняясь к нему. — И промыть раны.

— После.

— Я настаиваю.

— После, — повторил Маглор с заметным усилием.

Индиран распотрошил свои вещи, отыскал мех для воды и запасные фляги, спустился к речушке за водой. Не родник, но пресная и чистая: он надеялся, что все будет в порядке. Пить хотелось чудовищно. Казалось, на зубах до сих пор скрипит пепел из подземелья. Аэлин и Нарин тоже не утерпели и отправились к воде следом за ним. Все трое напились прямо из речушки обильно и жадно, наполнили водой все, что с собой было. В доме Аэлин раздала воду студентам, предупредила, что из бассейна пить нельзя, и оставила флягу воды возле Маглора.

Тот безошибочно взял ее, не открывая глаз, долго и жадно пил.

— Отдыхаем, — приказал Индиран, гася свечи. — Дежурных вы пятеро выберите среди себя. Вот мои часы, сменяйтесь каждый час.

— Мы не слишком устали, — сказал Кориндиль спокойно. — Продержимся и дольше.

— Нет, нужно свежее внимание. Сменяйтесь и, чуть что, будите меня, — велел Индиран, сам разгреб сумки и устроился на своем мешке. Драгоценная шкатулка под рубашкой казалась теплой.

Его сегодняшние ушибы и ожоги изрядно болели. Но сон был сейчас куда притягательнее, чем возня с аптечкой. Даже если перевязывать будет лично Аэлин.

"Да, — подумал Индиран, засыпая, — не двадцать лет уже, вот и подушка стала

привлекательнее женских рук..."

А разбудили его далёкие выстрелы. Он вскочил, хватаясь за оружие, выглянул в окно и определил, что стрельба идёт в стороне храма.

— Не иначе, это явились те, кто приветствовал нас выстрелами по дороге, — Аэлин не спала, а разбирала аптечку. — Мы им ещё обязаны будем!

— Я готов их благодарить от всей души. И ещё больше буду благодарен, избежав встречи.

Осмотрев свои кисти рук в красных пятнах и обожжённые пальцы правой руки — "Глупец я, левой надо было его трогать..." — Индиран решил: — Надеюсь, здесь, в этой лощине, прямо сейчас мы в безопасности. Но медлить не будем. Перевяжем всех, кто пострадал, и выходим прочь отсюда.

— Вы кого-то подозреваете? — спросил Кориндиль.

— У богатейших коллекционеров не самые добрые связи. Чем быстрее мы уйдем, тем лучше. Они наверняка проявят настойчивость и задержатся здесь, пока надеются хоть что-то найти.

Нарин молча покачал головой.

— Они могли бы нам помочь?.. Если бы вы не пришли, я хотел сказать? — спросил осторожно Мирен.

— Сомневаюсь.

На коллекционеров работали разные люди, большинству из них Индиран бы и своей старой шляпы не доверил.

— И вы ждали такого хвоста?

— Рассчитывал опередить их. Получилось. Согласитесь, они пришли на редкость вовремя.

Аэлин только хмыкнула. Отложила завёрнутые в вощеную бумагу бинты и вату, расставила несколько баночек и флаконов. Нанесла самой себе мазь на красные лицо и руки. Протёрла руки вонючей жидкостью.

— Разбирайте вещи, — велел Индиран молодым людям. — Распределите между собой. Проводник понесет только оружие, если сможет. Госпожа Верен понесет только аптечку. Выходите, в очередь к госпоже профессору выстраиваться строго снаружи!

Медленно сел Мэйтар, из-под головы которого вытянули вещмешок.

— Госпожа Аэлин, поручаю этого сумасброда вашим нежным рукам. Верните нам его целым и невредимым, умоляю!

Аэлин молча нанесла ему на кисти два мазка того же средства, развернула его и выпихала вон из комнаты.

*

Женщина из хорошей семьи обязана уметь разные полезные вещи. Управлять домом. Уметь провести званый вечер и праздник с пользой для семьи, даже если на кухне вчера повесилась мышь. Уметь перевязать раны, полученные где-нибудь мужчиной, неважно, в сражении или в уличной драке...

Вот последнее умение ей пригодились в экспедициях чаще всего.

Вместо кипячёной воды, чтобы не разводить костра, она принесла горячей воды из бассейна в бурдюке.

— Сядьте сюда, господин не очень хороший археолог. "После" уже наступило.

Маглор послушно поднялся и снова сел, двигаясь медленно, как в воде. Он словно погас,

глаза его больше не сияли, и неизвестно, это его скрывающее волшебство — или это последствия вчерашнего.

Просто работа, сказала она себе. Даже самый совершенный мужской торс из всех, что она видела вживую, лишь поле для работы.

Срезать тряпки, которыми ему торопливо замотали раны вчера, и пожалеть мимолётно, что негде сжечь эту пакость. Что ж, раз эльф прожил эти десять тысяч лет, не потеряв ни руки, ни ноги, скорее всего, его раны не слишком легко гноятся... Пришлось разрезать штаны вокруг раны в бедре. Убрать пинцетом присохшие лоскуты ткани. Промыть водой вокруг обеих ран. Промыть сами раны, теперь драгоценным обеззараживающим. И перевязать чистыми бинтами, а в это время отчаянно радоваться, что ей не двадцать лет.

Потому что такое с ней творилось только во время влюбленности. Пожалуй, и тогда не было такого откровенного, внятного телесного голода, сводящего живот и кидающего в жар. От каждого прикосновения к удивительно гладкой коже, словно светящейся, или к блестящим черным волосам с рыжеватым отливом...

Вот и красное лицо пригодилось, кто бы подумал!

— Надеюсь, вы сможете идти. Вам ужасно повезло с этими ранениями, они сквозные, и кость не задета. Конечно, можем соорудить и носилки, но вы же знаете студентов, носильщики из них прескверные. Уронят и потеряют все. Будет обидно потерять вас посреди леса. Нет, если вы сами захотите потеряться, другое дело.

Молчание.

Он не захочет потеряться, но лучше шутить об этом, чем нет.

— Теперь вашу руку.

Разрезая намотанный вчера лоскут рубашки, Аэлин мысленно готовила себя к виду горелого мяса и радовалась, что не ела с утра. Потому она ни инструмента не выронила, ни выкрикивать ничего не стала.

Кажется, Маглор и сам не мог поверить.

— Лопатой меня по голове, — все-таки сказала археолог из хорошей семьи.

Шипело же вчера и воняло жареным. И ночью виделось чёрное и лопнувшая клочьями кожа.

...Там был полностью заживший ожоговый рубец. Розовый, чуть стянувший кожу ладони.

Маглор недоверчиво пошевелил пальцами, кожа натянулась, но движений его не стеснила.

Как можно было это не заметить?

Как можно было...

Ладно. После Моргота — все может быть. Даже Всеотец и Валары, как ни странно.

— Думаю, будет полезно его массировать с мазью, — сказала Аэлин деловито, одолевая растерянность.

Маглор молча перехватил ее правую руку, повернул ладонью вверх. Она вздрогнула. Подушечки трёх ее пальцев блестели гладким сухим ожогом, как от горячего стекла.

— Это мелочи.

Стремясь скрыть растерянность, она, покопавшись в аптечке, вытащила жестяную коробочку, в которой что-то стучало и перекатывалось. Не без труда открыв жестянку, она торжественно вытащила и положила Маглору на ладонь, на нежную розовую кожу невозможного ожога, горошину лимонного леденца и пояснила:

— Я их обычно выдаю за мужество при перевязке. Вы точно заслужили.

Неподвижное лицо дрогнуло, наконец, и Маглор чуть улыбнулся. И забросил горошину в рот. Еще несколько раз согнул и разогнул пальцы, привыкая к ощущениям. Потом резко встал и склонился к своему мешку с вещами, достал оттуда сложенную одежду, поискал что-то.

Немного растерявшись, Аэлин свернула остатки бинтов и ваты обратно в бумагу. Кажется, больше никому перевязки не требовалось... Тело сходило с ума. Голова была в растерянности, потому что желать чудо... Не то, чтобы неправильно, но как-то странно, вы не находите, госпожа археолог?

Живое чудо вытащило из сумки ещё один мешочек, из мешочка пузырек с чем-то светлым. Открыло его. Запахло... Детством оттуда запахло. Море, солнце и холмы близ Дол-Амрота, дом прадеда из ракушечника и пучки "королевского листа", которые бабушка расставляла по дому для свежести.

Чудо вложило пузырек ей в руки и жестом попросило ее выйти. Да, рваные штаны ему тоже стоило переодеть. А ей — не стоило на это смотреть. Иначе пар повалит из ушей, и Вельхин будет спрашивать что-нибудь про подходящее и неподходящее. И тогда она точно его ударит.

— Таланты нашего проводника иногда просто пугают, — Индиран снаружи распорядился переупаковкой снаряжения. С интересом он посмотрел на флакон у нее в руках, втянул запах. — Если он ещё и медик окажется...

Студенты сноровисто делили между собой мешки с едой, патроны, вещи. Вельхин раскладывал свертки с едой.

— Не обещайте съесть свою шляпу, она осталась в подземелье.

— У меня есть запасная, не хуже!

— Снаружи она будет полезнее, чем внутри вас!

...Мазь с запахом королевского листа была чуть охлаждающей и мягкой.

Сколько занятий можно было сменить за дюжину с лишним тысяч лет? Сколько раз приходилось изучать снадобья разных земель? Чтобы сохранить себе руки-ноги, например.

— И как вам его таланты?

— Пахнет лучше, чем работа аптекаря в Исме. И ощущается тоже.

— И ведь он не стал отбивать хлеб у аптекаря, какое благородство!

— Простой расчет не ссориться с соседями.

— Вы мне будете возражать даже в мелочах?

— Надо же чем-то развлекаться на обратном пути, — она выдохнула, чувствуя, как ее отпускает. Голод тела сворачивался и уходил обратно в глубину.

Вдобавок она заметила, как оттопыривается на животе под жилетом рубашка Индирана, скрывающая его ненаглядный Камень, и вспомнила, что некоторые заботы только начались.

Затем из старого дома к ним вышел... Мэйтар. С обычным людским лицом, тронутым временем. Чудо скрылось от лишних глаз.

Студенты переглядывались, явно гадая, привиделось им прошлой ночью или нет.

Проводник молча взял одно из ружей, не спрашивая разрешения. Перебросил через здоровое плечо.

Индиран нахлобучил запасную шляпу, взмахнул рукой и первым спустился к речушке. Им предстояло пройти вдоль нее до пересечения с тропой Фэрамира, а потом до темноты уйти по ней как можно дальше от города.

Со стороны храма все ещё стреляли, и эти звуки преследовали беглецов довольно долго.

По тропе Фэрамира они шли с короткими передышками до глубокой ночи, пока луна не опустилась низко и не перестала подсвечивать путь. Тогда Индиран с молчаливой помощью Маглора увел маленький отряд в сторону и устроил ночевать на маленькой прогалины. Маглор вдобавок разбросал какие-то пахучие листья там, где они свернули.

— Больше всего я опасюсь, — сказал Индиран Аэлин, жуя галету, — что эти новоприбывшие сумеют объясниться с фанатиками. И начнут выслеживать нас вместе.

— Все, что мы можем, это прятаться, — сказала та. — И надеяться.

— Ещё и на то, что нас не встретят в Исме.

— И на это...

— Вы что-то хотите сказать?

— Спросить.

— Завтра.

— Сейчас. Что собираетесь делать?

— Завтра я вам отвечу, — Индиран опять невольно прикоснулся к шкатулке под одеждой. Нестерпимо хотелось открыть ее и вновь окунуться в чудесное сияние, исцеляющее мир и проникающее в самую душу.

— Когда придумаете ответ? — спросила она мрачно.

— Завтра, — сказал он в третий раз.

— В одной из сказок Дол-Амрота, — сказала Аэлин из темноты, — говорится о трёх звёздах, упавших с неба. Одну поймал и вернул на место храбрый мореход, доплывший до края земли. Другая упала в огненную гору и провалилась под землю. А третья упала в море и разрушила волнами целый берег. А заканчивается сказка вот чем: когда вулкан выплюнет вторую звезду, а море отдаст третью, настанет конец света. Если мы попали в легенду, имеет смысл вспомнить разные легенды.

— А что сделал мореход в этой сказке?

— Доплыл до места, где небесная твердь упирается в землю, залез на небесную твердь повыше, зацепил звезду своим якорем и намертво привязал канатом к небу. С тех пор он так и носится по волнам и нигде не может остановиться. Без якоря-то.

Галета показалась археологу ещё суше и безвкуснее прежнего.

Ночь прошла тревожно, ныли ожоги на животе и на руках. Прошлой ночью он от усталости не обращал на них внимания, а теперь драгоценная шкатулка задевала их то и дело, и обожжённые пальцы мешались все больше. И во сне являлось всякое, стоило голову на вещьмешок опустить. То он кидался в трещину с Сильмариллом в руке, то являлся в неведомые древние города с криком "Я принес вам свет, люди!", то сам же врывался в эти города с оружием, стремясь к маяку с дивным светом на верхушке.

Лишь под утро ему вдруг приснился берег моря, необычайно прозрачного и ласкового, и большая белая чайка. Никогда не любил этих оручих птиц, но эта спланировала по ветру, села на камни и с тоской посмотрела в море. Там плыл серый корабль под белым парусом, мимо бухты, мимо устья — никуда он не мог зайти, не было больше якоря на корабле. А в светлом вечернем небе над ним сияла единственная звезда. Чайка вскрикнула женским жалобным голосом и полетела вслед кораблю. Ветер с суши нес удивительный запах цветов, но смотреть хотелось только в море...

Просыпаться и видеть перед собой Мирена с галетами и консервами было даже немного обидно в первые секунды. Потом Индиран вспомнил, на каком он свете, и занялся делом. Узнал у дежурных, как прошла ночь, проверил, чтобы все поели, и повел маленький отряд дальше. Дела позволяли отделаться от неприятных мыслей хотя бы на время.

Не складывался у Индирана счастливый образ Сильмарилла под стеклом Королевского музея древних искусств и тем более на башне Королевского маяка. Сложился было, а потом представилось другое: тяжелые стальные двери королевской же сокровищницы. И он сам, которого чрезвычайно вежливо спускают с лестницы с заверениями, как ценят заслуги господина профессора и как будут рады видеть его там и сям, но только не здесь, сюда разрешено входить только королю и членам Королевского совета...

Ругань в Королевском совете с представителями Кханда и новые жалобы на ограбление союзных государств. Споры между ветвями королевской семьи, и хорошо, если только Умбара... На этом месте он обрывал неудобные размышления и возвращался к насущным, о дороге и безопасности. И все же представлять шумиху и сенсацию было весьма приятно. В конце концов, все может быть не так плохо.

Он сумеет убедить университетский и музейный совет, что место такой реликвии — на Королевском маяке, где свет ее будет доступен всем людям...

Свет вставал перед его глазами, стоило отвлечься или прикрыть их на коротком привале.

Ближе к вечеру едва не случилась ещё одна неприятная встреча. Маглор вдруг жестом остановил их, затем резко махнул рукой в заросли, и напуганные студенты бросились прятаться в чаще, протискиваясь сквозь колючки и липучки. Индирану пришлось затащить поглубже Вельхина, который снова едва не застрял.

По тропе мимо них уверенно шли новые люди, не меньше десятка, и хорошо вооруженные. Среди них преобладали южные умбарцы с темным бронзовым загаром, с горбатыми носами и в характерных широкополых шляпах. С револьверами на поясах. Словно только что из степей, где гоняли скот и скотокрадов — или, наоборот, угоняли.

Индиран не был уверен, что смог бы договориться со столь решительного вида соотечественниками, и только радовался, что у тех не было с собой собак.

— Что такое, демон побери, происходит? — зашептал Вельхин, когда новый отряд скрылся. — Это был никому не известный затерянный город! Мы не рассчитывали на спасение вовсе, а теперь следом за вами сюда ломаются толпы людей!

— Я не уверена, что хочу знать ответ, — сказала Аэлин, закрыв на несколько секунд руками красное, шелушащееся лицо. — Он мне точно не понравится. И вам. Я убеждена.

Как и в прошлый раз, для ночевки Маглор увел маленький отряд с дороги вглубь леса. На сей раз они расположились в небольшом овраге у источника, и осмелились развести костер. Пока все ужинали, Индиран ушел вниз по оврагу вдоль ручейка, в темноту. Завернул вместе с ручьем в сторону, чтобы его не было видно.

Ему нужно было поразмыслить и очень хотелось пролить немного света на свои размышления.

Свет вырвался из шкатулки, едва он приоткрыл в ней маленькую щель. Разлился по оврагу, осветил хрустальную чистоту ручейка под ногами, отбросил резкие тени на склоны. Он смотрел и глаз не мог отвести.

Край, где горит такой свет, будет самым цветущим и прекрасным в мире... Если ему не померещилось, и этот свет исцеляет мир... Или все же только от явной тьмы? Но в

Нолдолантэ было сказано, что Моргот носил его в короне без вреда для себя... Только коснуться не мог.

— Проливаете свет на загадки? — спросила Аэлин, появляясь из темноты. В свете Сильмарилла она сделалась удивительно красивой, свет словно подчеркнул лучшее в ее спокойном, ясно очерченном лице и заиграл в темных волосах. Стекла очков засверкали, как лучший хрусталь.

— Я хочу, чтобы этот свет принадлежал всем, — ответил Индиран сразу на вчерашний вопрос. — Есть то прекрасное, что не должен присваивать ни один человек. Я хочу, чтобы этот свет сиял в Королевском маяке Умбара.

— А вы довезете его до столицы? Впрочем, вы-то как раз можете.

— Я готов попытаться.

— И насколько вы сами верите, что этот свет оставят у всех на виду, а не запрут в какой-нибудь очень королевский сундук? — спросила она холодно. — В лучшем случае.

— Я готов потратить на это все свои возможности. И рассчитываю на вашу помощь.

— Послушай. Кто-то сделал общедоступными сведения о заброшенном городе. Сейчас туда стекаются наемники и искатели редкостей. Разве за тобой не начнут следить сразу, как ты появишься в Исме?

— У них нет доказательств. Мы спасали людей.

— Плевать на доказательства. Эти люди передерутся за такое сокровище даже без тебя, а уж когда ты появишься... И даже если предположить, что удастся добраться до столицы — Камень найден харадскими рыбаками и привезен ими на земли Кханда. Начнется политический спор, кому он должен принадлежать. Ты и сам знаешь.

— Я просто хотел бы отдать его людям, — повторил Индиран мрачно.

— Каким людям? — Аэлин тоже неотрывно смотрела на чудесное сияние. — У меня уже сейчас тянутся к нему руки. Полагаю, у тебя тоже. И так будет с каждым. И это если не считать того незначительного обстоятельства...

— ...Что наследник создателя Камня идёт вместе с нами. Да, но Камень дался в руки мне!

— Вот это, — сказала Аэлин, хватая его за руку и поднося ладонью к свету, — ты называешь "дался в руки"? Ты вовсе не Берен, дорогой коллега.

— Да и ты не Лютиэн, коллега!

— И если бы не Нарин, лететь бы тебе в прекрасное магмовое озеро, повторив путь Маэдроса Феанариона. Нет, задача решилась бы однозначно!

— Чего ты сейчас добиваешься? — спросил он зло.

— Хочу, чтобы ты отдал Камень тому, кто увезет его достаточно далеко. Сделает недосыгаемым для людей.

— Не надо только предрекать несчастья. Как это...

— По-женски, ты хочешь сказать? — сощурилась она. — Не стесняйся, я ещё не то слышала.

— Это типично для страхов перед новым, я хотел сказать.

— Перед хорошо забытым старым!

— Сильмарилл — не Моргот.

— Зато люди хорошо умеют делать морготову работу. И мы это знаем лучше многих. Как думаешь, благо от обретения Сильмарилла перевесит ту свару, которая начнется вокруг владения им?

— Я могу объявить себя его владельцем. И напомнить, что я королевских кровей.

— Знаешь, потомок Короля-Бычка, если Клятва Феанора проснется, Маглору придется встать в длинную очередь желающих срочно унаследовать от тебя Сильмарилл. И некоторые королевские родичи окажутся в ней первыми. Тебя затаскают по судам.

— Гондорка мало что понимает в умбарской судебной системе.

— Да, в основном то, что в ней правосудие — очень дорогое удовольствие. Индиран, ты с ума сходишь прямо сейчас и здесь от этого света, и рассчитываешь, что другие от него с ума не сойдут?

— Я хотя бы не собираюсь прятать его!

— Сколько раз воровали из музеев и даже у королей эльфийские украшения? Сколько владельцев вещей, якобы принадлежащих эльфам, молчат, боясь кражи и грабежа? Сколько споров было из-за наследия Телконтаров в древности и наследия Короля-Бычка в средневековье? Оцени честно свои шансы сохранить его. Пожалуйста.

Ты не король и не королевский родич. Ты всего лишь учёный из семьи учёных. Тебя сожрут и примутся ломать зубы о Камень и друг о друга. Даже Маглора сожрут, повтори он свою Клятву еще хоть десять раз, потому что он один. А богатых и жадных...

— Считаешь, люди не заслуживают такого света? — спросил Индиран горько.

— А часто люди удерживают руки в карманах? Звезде место в недосягаемом небе, тогда она сможет принадлежать всем. И только так. Упадет звезда с неба — над ней тотчас передерутся.

— И в нашем мире больше не станет этого света!

— Голм, голм, — только и сказала Аэлин.

— Ты издеваешься?

— Не совсем, к сожалению.

— Ты невыносима.

— Озвучиваю твои же опасения, верно? Я просто сволочь, дорогой коллега. Ты уже не можешь от него оторваться!

Шкатулка захлопнулась с треском, на них упала темнота. Глаза привыкли не сразу. Вот он различил сперва звезды в бледном небе, затем светлую рубашку Аэлин и отблески воды под ногами.

— Он действительно обжёг меня... И я не собирался держать его у себя. Ни минуты.

— Я верю.

— В древности сказали бы — в тебе нет эстель.

— Надежды на что? На благородство королей и разумность правительств? Нету.

— А не влюбилась ли ты, дорогая Аэлин? — спросил Индиран в темноте. — Не пытаешься ли добыть дар предмету этих чувств? В это чудо ещё как можно влюбиться...

— О, о моих чувствах я могу говорить долго, дорогой Индиран, — очки Аэлин отразили свет звезд, стекла были видны, а их хозяйка — нет, только рубашка белела чуть ниже. — Мое чувство задницы предсказывает большую беду вокруг этого Камня. Каждый раз, когда такой появлялся в Срединном мире, вокруг него начинались беды. Мое чувство прекрасного подсказывает, что есть лишь один способ уберечь эту красоту от жадных рук — поднять светить в небе или иным способом сделать недосягаемой для людей. И, наконец, мое чувство должного подсказывает мне, что раз мы двое обожгли об него руки, он не для нас. А скорее всего, для сына своего создателя.

— С чего бы это? Маглор отказался от него тысячи лет назад!

— Когда ты ушел, я спросила у студентов, знает ли кто-нибудь, где обитают обычно гигантские морские сомы. И мне сказали — у западных берегов, вдоль Линдена и островов. А выловили его с камнем в брюхе далеко на юге. И вот я думаю, не к этим ли берегам он плыл...

— Это уже фантазии, дорогая Аэлин.

— Я полагаю, идея, что этот чудесный свет будет мирно светить с Королевского маяка и все, тоже фантазия.

— Мы цивилизованное государство. Даже если в древнем Минас-Тирите в этом сомневаются.

— Древнему Минас-Тириту я тоже его не доверю. И я не знаю, смогу ли выпустить его из рук, подержав в них по дороге.

Стало тихо. Шуршал слабый ветер, лунный отсвет лежал на верхушках деревьев. Глаза привыкли к темноте и уже различали берега ручья и верхние кромки овражных склонов.

— Я жду, что ты попытаешься снова.

— Я сказала все, что могла, дорогой коллега.

Раздался шорох, скрежет мелких камней, и белая рубашка начала неловко удаляться.

— Постой, — сказал он. — Подожди.

Шорох прекратился.

— Если Камень все же окажется на Королевском маяке, что ты будешь делать?

— Любоваться и завидовать.

Он отвернулся. На фоне тропической темноты вставало перед глазами видение — расцветающий под удивительным светом Умбар.

...Негодование богатого и мощного Нового Южного Умбара.

Зависть старого Гондора.

Бешенство безводного, многолюдного Харада.

Зависти будет много. Вскипят все споры и обиды, только-только улаженные. Особенно обиды.

"Нас интересует сокровище, которое вы утаиваете от Королевского Совета Умбара", — скажут ему люди в наглухо застегнутых официальных костюмах. Обязательно скажут.

— Ты сможешь... отдать его?

— Сделай это.

— Кажется, уже не могу, — признался Индиран странно легко. — У меня руку судорогой сводит от одной мысли.

Снова зашуршало, отблеск очков приблизился.

— Возьми, — сказал он, протягивая руку.левой рукой растер запястье правой — сводило так, словно он без перерыва писал с утра до ночи.

Ее прохладная рука нащупала его руку в темноте, осторожно разжала пальцы. Шкатулка исчезла. Вздыхнув, Индиран поднялся с корня, на котором сидел, отчего зад его неромантично заныл, и двинулся за силуэтом Аэлин.

Остановился через несколько шагов, потому что беззвучно возникшего перед ними Маглора и его горящие глаза разглядел и в темноте. Значит, он был здесь все это время.

— Очень хорошо, что вы уже здесь, — обрадовалась тому Аэлин. — Не придется вас отзывать или показывать это молодым людям, они плохо держат язык за зубами. Я надеюсь, вы сможете его увезти... Достаточно далеко.

Маглор не шелохнулся, и Аэлин сама протянула руку и вложила в его ладонь темную

шкатулку. Даже в темноте было видно, как тот вздрогнул и отшатнулся.

— А теперь давайте все же вернемся к огню, — предложила она, — иначе от моей репутации вовсе ничего не останется.

— Здесь это не имеет значения! — возмутился Индиран.

— Для моей работы, к сожалению, имеет.

Обойдя неподвижного Маглора, Аэлин бодро зашагала вверх по ручью. Эльф остался стоять статуей, прижимая шкатулку к груди.

Индиран потащился за коллегой, чувствуя себя усталым, словно весь день нес тяжелый груз даже без привалов. Надежда, что груз теперь свалится с плеч, не слишком оправдалась.

"Ты будешь жалеть, отродье эльфийской ведьмы..."

"Я уже жалею, — подумал он. — Я пожалел бы о любом выборе". И вот эта мысль принесла некоторое облегчение.

Они успели выпить остывающего чая и стали готовиться к ночлегу, когда Вельхин все же не удержался. Подойдя к Аэлин, он тихо и недовольно, но так, что Индиран отчетливо слышал, предупредил ее:

— Дорогая коллега, вы подаете молодым людям очень дурной пример... В лесу, в темноте, наедине с двумя мужчинами сразу! Это недопустимо, вы понимаете? Да, это походные условия, но все же...

— Подите вон, — сказала Аэлин, отворачиваясь.

— Побеспокойтесь о своей репутации, доктор Вельхин, — сказал ему ласково Индиран. — Поверьте, если вы начнете говорить лишнее, я легко найду на ней несмываемые пятна...

— Язык оторву, — сказал из темноты очень хриплый, почти неузнаваемый после суток молчания голос. Маглор вышел к потухающему костру бесшумно и с неожиданной стороны. Доктор Вельхин с обиженным видом вернулся к своему месту.

Тут Индирану пришло в голову решение проблемы репутации, но эту идею он пока отложил.

И вот теперь ему стало и вправду легко.

Дальнейший путь до границы "дурных земель", что удивительно, прошел без приключений. Раны Маглора, по словам Аэлин, заживали удивительно быстро, хоть и не мгновенно, и проводник теперь шел впереди отряда, чтобы предупредить о новых нежелательных встречах. Но пока их не случилось. Патроны они потратили только на дичь, чтобы прокормить своих молодых подопечных.

Ещё по пути Индиран решил, что для сплава по реке они построят плот, ведь даже если спрятанная лодка уцелела, на всех ее не хватит. И возле заветной скалы им удалось справиться с этой задачей. Студенты, передавая друг другу топор, срубили несколько нетолстых деревьев, с которыми легче было справиться, и соорудили длинный узкий плот, скрепив его поперечными бревнышками с помощью лиан. Чудом кораблестроения плот не был, но оказался способен нести их всех по течению, хоть к вечеру они и оказывались неизменно мокрыми снизу. Именно так, на плоту, уже недалеко от лесной деревни, они встретили ещё одну группу искателей сокровищ. Хорошо одетые путешественники на трех нагруженных лодках с изумлением провожали взглядами мокрых и оборванных молодых людей. На торопливо выкрикнутые с лодок вопросы Индиран велел отвечать лишь одно — что они научная экспедиция, сбежавшая от сумасшедших фанатиков темного культа, и больше ничего не знают.

— Когда вернутся другие, к вам придут с вопросами, — сказал ему Маглор с переднего края плота очень тихо, не поворачивая головы.

— И уйдут ни с чем, — отрезал Индиран. Душераздирающую историю для прессы даже не нужно было придумывать, достаточно кое о чем умолчать. И отправить ее в прессу вовремя.

Капитан Симбар честно соблюдал уговор и ждал их в лесной деревне. Правда, он обрушил на Индирана поток жалоб, что пропускает столько великолепных заказов, и добился того, что путешественники пообещали ему доплату по возвращении.

Старейшина Рани даже вышел из хижины, поглядеть на вернувшихся и расспросить их, что случилось. Индиран рассказал ему коротко о поклонниках тьмы, приносящих человеческие жертвы, и что те могут попытаться скрыться в лесах. На это старейшина пообещал разослать гонцов и предупредить о людях, чтящих кровавого бога, всех своих соседей. Индиран надеялся, что это помешает остаткам фанатиков затаиться среди дикарей.

Настала самая спокойная часть пути. Пятнадцать человек и еда для них с некоторым трудом разместились на небольшом катере, и молодые люди усердно помогали капитану обслуживать паровую машину. Им всем очень хотелось вернуться к цивилизации.

Лицо и руки Аэлин постепенно приняли свой естественный цвет после того, как с них сошла клочьями кожа, и даже надоедливые ожоги Индирана на руках и животе под рубахой стали понемногу заживать. А голос Маглора уже не пугал такой потусторонней хрипотой, как в первые дни бегства.

Это не обсуждалось вслух, об этом ещё не было сказано ни слова, но Индиран ясно как день понимал, что после возвращения в Исве живое чудо они больше не увидят. И он жаждал использовать каждый день, чтобы узнать ещё хоть немного, хоть несколько эпизодов из фантастической истории длиной больше дюжины тысячелетий.

Обычно они садились вчетвером на носу катера, на небольшом расстоянии от

остальных, чтобы шум парового двигателя заглушал их слова. И принимались мучить живое чудо расспросами.

Маглор рассказывал вполголоса, оберегая горло. Говорил о библиотеке Харадзо-Даро, где под покровительством короля пустынных скотоводов собирали и переписывали древние книги и сказания, а вокруг лежала разрушенная междоусобицами и голодом земля, и разрушения эти тянулись от западного побережья до кхандских джунглей. И как порой туда привозили пергаменты, обрезанные по самый текст, потому что люди варили и ели лоскуты кожи.

Говорил о школе, которую он построил за тысячу с лишним лет до того в северных горах Каттая, где всю эту тысячу лет он учил людей кузнечному мастерству, музыке, сказаниям древности и искусству боя, чтобы защитить себя и свои умения. И как всю эту тысячу лет вокруг него бурлили интриги и попытки подчинить себе слишком независимого мастера. Как ради учеников он учился заключать союзы и дружить с соперниками против врагов. Как не раз этих учеников переманивали владетельные князья-ваны и другие наставники, и приходилось начинать все сначала, иногда — отомстив за обманутых и убитых. Как он женился там однажды насвоевольной травнице и знахарке, едва не убитой собственным отцом за строптивость, и как потом укладывал в могилы через много лет своих состарившихся детей, а потом внуков и правнуков. Как дружил, соперничал и враждовал с одичавшими и обеспамятевшими феями и эльфами из народа авари, иные из которых были уже бесплотны и жаждали подчинить себе живое тело. И как воевал с темными служителями, что норовили привлечь к себе господ и мудрецов той земли обещаниями бессмертия.

Как задолго до того странствовал по Умбару и Хараду, истребляя чудовищ и ища смерти, и каждый раз она проходила мимо него.

Как водил войска ради лордов южного Умбара, сохранявших свои земли среди голода и сходящей с ума погоды. И как ему в бою вонзили в спину нож по приказу отвергнутой женщины, а меч после его мнимой гибели поднесли лорду в дар, и с тех пор его наследники передавали клинок друг другу как великую драгоценность.

Как до того он спал в пещере на севере Дол Амрота много лет, стремясь забыть все, что было раньше, и проснулся однажды, словно впервые, спустился с горы и встретил молодую вдову наместника с ребенком. Полюбил ее ещё до того, как вспомнил свое имя...

Как жил еще столетиями прежде того в одиночестве в Линдене на развалинах крепости брата Карантира, ну да, в той самой, пел песни птицам и рыбам и так запугал людей, что они и приблизиться не смели к развалинам, да ещё и жертвы ему приносить пытались, к счастью, просто едой.

Как бродил незамеченным среди бывших ещё отдельным народом полуросликов Шира.

Как следил за падением династии Телконтаров и вторым запустение Мории...

Он рассказывал о все более и более далёком прошлом, а люди записывали и делали пометки, как только успевали.

И Аэлин вслух ломала голову, как теперь доказывать принадлежность восьмиконечной звезды Дому Феанора, если этим знаком помечены тысячелетне более поздние мечи в сокровищницах Умбара, Харادا и Каттая. А Маглор советовал ещё раскопать западные ворота Мории, скрытые обвалом, с таким же знаком.

И Индиран мечтал о более совершенных методах датировки, чтобы устанавливать настоящий возраст древних предметов.

И оба они жадно слушали о жизни в Первую эпоху. Научная-то общественность давно ее себе представляла как стычки первобытных племен людей с первыми луками и каменными топорами и чуть более прогрессивных племен людей, уже открывших обработку металла и камня, открывших тканую одежду и первое строительство, и этим так поразивших иноплеменников, что те сочли мастеров волшебниками, даже не принадлежащими к роду человеческому. Что ж, теперь появился шанс пошатнуть эту незыблемую картину благодаря раскопкам в крепости Карантира...

Под конец пути Аэлин спросила о совсем недавнем. О жизни под именем Линдара Нарiona.

— Я искал общепринятый способ вернуть утраченное прошлое, — сказал Маглор на это. — Как и много раз до того. Но просто рассказать о прошлом теперь невозможно. Даже открыв это прошлое своими руками и приведя к нему знатоков. Иногда потом я думал — проще было назваться поэтом и писателем. Автором поэм в древнем стиле и вымышленных сказочных романов наподобие трудов сестер Верен, вашей родни. Оно бы вызвало меньше споров и меньше злобы.

— Мне сейчас тоже стало жаль, — подал голос Нарин. — Я люблю романы о волшебных приключениях и о древности. Вы, случайно, не пробовали все же писать?

— Может быть, и пробовал... — нехотя сознался Маглор, странно усмехаясь.

— Один мой знакомый издатель давно подбивает меня написать о древностях, — бросил Индиран. — Обещает хорошие деньги.

— А развалины на острове Химли? — спохватившись, спросила Аэлин. — это тоже Первая Эпоха?

— Это тот самый Химринг, крепость Маэдроса Высокого, — грустно сказал Маглор. — Однажды я провел там полсотни лет безвылазно. Только и делал, что вспоминал, пел да рыбу ловил. А потом туда приплыли умбарские военные парусники и стали развлекаться, расстреливая крепость из пушек. Я приплыл к ним ночью, и к утру все корабли потеряли управление. Капитаны взбесились и устроили на меня охоту, как на дикого зверя... Словом, там мало осталось от прошлого. И грабили ее, помнится, еще в первый раз усерднее всего. Но если будете пытаться счастья...

— Однажды мы до нее доберёмся, — пообещала Аэлин.

— Или я, — заверил Нарин.

— И все же, — повторил Индиран, — мне жаль, что вы не писали романы.

— Возьмитесь, — усмехнулся Маглор. — Используйте эти знания как угодно.

— Вам безразлично?

Эльф посмотрел в сторону устья, на запад.

— Вскоре это будет неважно для меня, я надеюсь.

— Не исчезайте, по крайней мере, сразу, — попросила его Аэлин.

— Я не уйду, не попрощавшись с вами, — сказал ей Маглор очень серьезно. Коснулся ее руки. — И не уладив свои дела.

— Жаль, что мне не хватило сил захватить ваш меч, — сознался Индиран. — Когда он всплывет где-нибудь на черном рынке древностей... Интересно, сколько ему лет?

— Четыреста двенадцать, — вспомнил Маглор, помедлив.

— Тогда он не соответствует стилю эпохи ну совсем, — огорчился Нарин. — У вас был прямой обоюдоострый клинок, а не шпага и не сабля.

— Прядвижу раздор между коллекционерами из-за датировки! — Индиран потер руки.

— Это если он не оказался в огненном озере... — Маглора передернуло. — Нет, ты точно сумасшедший!

— Я с детства о Камне мечтал, — Индиран со вздохом взглянул на заживающий ожог, вспомнил безумный бросок за Сильмариллом и поежился. Нет, прекрасный вид на озеро магмы он запомнил на всю жизнь, и порадовался ещё раз, что не полетел знакомиться вниз.

— Нашел, о чем мечтать, — зло сказал Маглор, отворачиваясь.

— Я понимаю, что из-за них вы натворили многое, но все же...

— Я не об этом, — оборвал его эльф. — Вы все забыли, все. Даже сказки все перевирают. Это действительно было предсказание, сделанное в начале Второй эпохи. Я узнал о нем сильно позже и не желал говорить с предсказательницей, но... Возвращение Сильмариллов из воды и земли, было сказано тогда, предвещает скорый конец нашего мира. Сильмариллы должны вернуться, чтобы с их помощью Арду исцелили от Искажения... В это можно не верить. Но попытку Моргота прорваться в мир мы видели своими глазами, все четверо.

Несколько минут только шум паровой машины звучал вокруг них.

— Кажется, ты очень серьезно относишься к предсказаниям, — заметила Аэлин.

— У меня есть причины. И да, скорый конец мира в нашем понимании, понимании эльдар, это могут быть сотни лет, и вашим жизням вряд ли что-то грозит. Но все же не тысячи лет.

— Сказки о конце мира мне рассказывали в детстве, — оживился Индиран. — Я тогда мечтал сразиться в Последней битве на стороне Светлых богов и вырезал себе деревянный меч. Думаю, револьвер тоже будет неплох. А в Дол Амроте такие сказки есть? — улыбнулся он Аэлин.

Маглор закрыл лицо руками. Засмеялся.

— Рассказывают, — кивнула коллега. — Я даже играла в эту битву с соседскими детьми. И стреляла из лука в чучело Ужасной Тьмы. Вспомнила — прямо руки зачесались.

— Это все ожоги!

— Договорились, — торжественно кивнул Маглор, не в силах перестать улыбаться. — Я постараюсь вас отыскать, когда Последняя Битва начнется. Если сказки верны, и люди явятся на нее сражаться с нами бок о бок.

— Как я понимаю, отыскать последний Сильмарилл будет затруднительно, — рассудил Нарин. — Получается, его должна извергнуть сама земля. Но под землю он попал на западе, значит, это должен быть вулкан на затонувших землях Белерианда. Может быть, даже подводный. Надо будет попробовать обосновать идею, что на западе ожидается возрождение вулканической активности, чтобы наблюдали внимательнее! Или даже устроить станцию наблюдения...

— Лучше напиши сказку, — посоветовала Аэлин. — Пострашнее и назидательную. Сейчас в романтических журналах это любят. Ее точно запомнят надолго.

И опять Маглор спрятал лицо в ладонях, только плечи у него тряслись.

— Я этого не слышал, — сказал он сдавленно. — Особенно про станцию наблюдения за Сильмариллом...

— Но ведь это же логично! Мы теперь предупреждены.

— И вооружены, — дополнил Индиран. — Попрошу себе в гроб револьвер положить и сундук патронов. Чтобы все под рукой.

— Прекрасная идея, — одобрила Аэлин. — И собрание публикаций в парадном

переплете. Бить по неученым головам.

— Тогда мне нужно написать больше статей и даже книгу, — решил Индиран. — Чтобы собрание вышло достаточно увесистым.

— Переплет со вставками из базальта, — ввернул Нарин.

— Это не переплет, это могильная плита будет из базальта. Моя! — отрезала Аэлин.

— Чтобы бить врагов могильной плитой? — уточнил Нарин. — Но это же неудобно! Молот гораздо практичнее. А ещё лучше геологический молоток.

— Могильную плиту нужно делать щитом! — не выдержал Маглор. — Никакого базальта, легкий стальной щит с надежной ручкой с обратной стороны. Каменный щит лишит свободы движений!

— Слышу голос мастера! — поднял палец Индиран.

Заметил движение впереди по реке и всмотрелся. Разговор оборвался, все четверо обернулись.

Малый военный катер целеустремленно шлепал вверх по реке и вез несомненных солдат кхандского королевства в песочных куртках и высоких оранжевых шапках. Оттуда замахали руками, подзывая Симбара и его пассажиров.

— Да что там произошло? — не выдержал Индиран, — что за мм... морготова беготня по дикой реке происходит?

Торопливо отыскав Кориндия, Аэлин вывела его вперёд. Пока катера не сблизилась, они с Индираном наперебой наставляли его, что отвечать.

У командира отряда было темно-бронзовое лицо и короткая курчавая борода, тронутая сединой. Он потребовал сообщить ему, с кем встретился, и что происходит в верховьях реки.

Кориндиль был здесь великолепно уместен. Очень воспитанным голосом он сообщил о захвате научной экспедиции профессора Фэрамира поклонниками кровавого темного культа, о пребывании в плену в заброшенном городе, о бегстве и о сражении фанатиков с некими новыми пришельцами в момент их, ученых, спасения из города. Не отклонившись от правды ни единым словом, он проигнорировал все важные события, и складывалось впечатление, что все присутствующие, кроме хозяина катера, и есть бывшие пленники негодяев.

Нет, охрана им не нужна, они благополучно доберутся сами. Да, у них есть захваченное у врагов оружие, а добрые туземцы снабдили их припасами. Да, у нас есть медик, и раненые выздоравливают.

Командир отряда попросил уточнить их маршрут, Кориндиль, перебравшись к ним, сделал несколько отметок на их картах и подписал карандашом несколько пояснений. Имена Кориндия и профессора Фэрамира военные записали куда-то в книжечку, после чего потеряли к беглецам интерес, и катер их устремился вновь вверх по течению.

— Цивилизация ломится в затерянный город, — задумчиво проговорил Кориндиль. — Скорее бы узнать, чем обязаны таким вниманием...

— Здесь точно замешан мой наставник, — уверил его Индиран. — Лишь бы с ним было все в порядке.

Когда вечером следующего дня они пришвартовались к городскому причалу в Исме, там царило непривычное для провинциального городка оживление. В море стояли на якоре пароход и две яхты.

— Идите все в гостевой дом Дора Менага, что позади ресторана на площади, — велел Маглор. — Скажите, что вы мои друзья. Он разместит всех, даже если в гостевом доме не

будет мест, и не пустит к вам чужаков. Я найду вас сам.

И эльф соскользнул с катера, едва тот коснулся причала. Несмотря на свой рост, он легко смешался с прохожими и исчез еще до того, как на катер Симбара сбежались поглазеть и местные, и приезжие.

Выгружались они под взглядами десятков зевак, и Индиран не сомневался, что о его возвращении к утру будет знать каждая собака. Оставалось только смириться с неизбежным, ждать неприятных гостей и надеяться, что хоть эльф сумеет избежать нежеланного внимания.

Дом Дора Менага оказался большой усадьбой. Если гостевой дом выходил на оживленную улицу, то за ним был тихий двор, а хозяйский дом и дворовые постройки вовсе были обращены к тихому переулку. Имя Мэйтара Нарiona произвело немедленное действие: слугитель исчез, появился пожилой хозяин с роскошной седой шевелюрой и проводил гостей через двор. Молодым людям он предложил задние комнаты гостевого дома, а пятерых старших путешественников пригласил к себе и устроил в просторном дощатом павильоне с несколькими спальнями — не то для родни, не то для особых гостей. Индиран, конечно же, поинтересовался, что связывает хозяина с Мэйтаром; хозяин таинственно улыбался и говорил, что многим господину Мэйтару обязан, но рассказать не может, и предлагал спросить у него самого, как только он объявится.

Назавтра к обеду, когда путешественники уже отоспались на твердой земле и умылись, неожиданно для себя и для всех своих товарищей Нарин нашел разгадку всеобщего интереса к затерянному городу! Поднявшись раньше всех, этот расторопный молодой человек навестил гостиницу, где они с профессором Аэлин останавливались по приезде, чтобы побеседовать с ее хозяином, общительным и бодрым немолодым уроженцем Линдена. Тот в беседах признавался, что в свое время мечтал о дальних путешествиях, но в юности осуществить мечту не дала бедность, а в зрелом возрасте — здоровье. Получив скромное наследство и одновременно с ним — рекомендацию врачей уехать жить к теплому морю для спасения от чахотки, он забрался в самую дальнюю южную глушь, где его небольшое обеспечение обернулось полноценным состоянием. Здесь он купил гостевой дом, превратил его в полноценную цивилизованную гостиницу и даже вновь женился. Единственный во всем городе, он получал временами по почте газеты и оставлял их для посетителей в холле. Нарин не смог его упросить дать газету с собой, но пересказал все в подробностях.

...Плохая кхандская перепечатка из "Известий Нового Южного Умбара" передавала в сокращении большой и очень возмущенный рассказ почетного профессора Умбарского университета Дурина Танара Восьмого о том, как в его дом вломились неизвестные и, несмотря на сопротивление, шантажом заставили его разъяснить им вероятное местоположение заброшенного кхандского города Тархина, который большинство ученых уже считало легендой. Особенно оскорбили почтенного ученого требования "держаться язык за зубами" и угрозы его семье. Едва дождавшись рассвета, он сообщил об этом происшествии в газеты, заодно пояснив, что негодяи, по-видимому, охотятся за выловленным из моря дивным светящимся камнем и преследуют его лучшего ученика Индирана Диора, недавно тоже двинувшегося на поиски. Теперь ему грозит большая опасность, как от похитителей, так и от преступных охотников за ценностями, а кхандские власти, разумеется, до сих пор ничего не предпринимают. Дальше профессор подробно изложил публике все те сведения, которые из него вытянули негодяи. И пояснял, что его, вероятно, не убили лишь потому, что он схватился за антикварную секиру, хранящуюся в его кабинете, и был готов дорого продать свою жизнь.

— Узнаю старика Дурина, — только и сказал Индиран. — Всех переполошил, всех на уши поставил...

Разговор этот происходил в обеденном зале гостевого дома, где трое собеседников устроились за миской рыбного супа и стаканом пальмового пива. Им остро не хватало четвертого здесь, но он все ещё не давал о себе знать.

— Шел ли кто-нибудь сюда за тобой? — спросил затем Индиран.

— Я старался это понять. Надеюсь, что нет. По меньшей мере, за мной не шел никто подозрительный, — решил Нарин. — Но я не мог постоянно оглядываться и показывать свое беспокойство, верно?

— Мне уже не хватает револьвера, — заметила Аэлин.

— Заберём для вас трофейный у Кориндила.

— Не хотелось бы.

— Увы, здесь неважно с оружейными магазинами, — Индиран смотрел на решетчатую дверь зала. Та открылась, и вошли двое людей, по виду — умбарцы. Одного из них Индиран вчера мельком видел среди встречающих.

— О, приветствую вас, профессор, — жизнерадостно воскликнул второй, незнакомый. — Я Эдан Дари, корреспондент умбарской газеты "Столичные новости", это мой кхандский коллега. Не согласитесь ли вы с нами побеседовать?

— Я не расположен говорить с журналистами, — отрезал Индиран. — Как вы прошли сюда?

— Мой кхандский коллега умеет быть убедительным, — очень обаятельно улыбнулся тот. — Мы можем поговорить наедине, дорогой профессор Индиран?

Аэлин посмотрела так, словно примеривала ближайший стул к голове журналиста.

— Дорогая коллега, — сказал ей Индиран, — не будем отказывать господам журналистам в профессиональных капризах, раз уж они проникли даже сюда.

— Я поговорю с Кориндилем про его трофей, — кивнула она, вставая. Нарин ничего не понял, но на всякий случай последовал за ней, словно телохранитель.

— Рад, что мы быстро друг друга поняли, — сказал Эдан, плотно усаживаясь в плетеное кресло. — Как ваши успехи в поисках Сильмарилла, профессор? Мое начальство чрезвычайно интересуется, просто чрезвычайно. И это не для печати.

— Все очень печально, господин журналист, — сказал Индиран спокойно. — Фанатики действительно доставили в заброшенный храм темного божества в Тархине удивительный светящийся камень. И совершили обряд Дарения Света, принеся камень Тьме.

— И что с ним стало?

— Он сгинул в земных недрах, господа.

— Вы можете подтвердить, был ли это Сильмарилл либо другой исторический камень?

— Мне не удалось его обследовать, поэтому ничего достоверно подтвердить не могу. Это был прозрачный камень размером с кулак подростка или молодой женщины, все, что могу сказать.

— Минуту. Откуда взялись в храме некие земные недра? — недовольно спросил кхандец.

Лучше бы он не спрашивал. Индиран обрушил на них фонтан описания трещины и лавового озера вперемешку с научными объяснениями феномена. Через несколько минут господа журналисты, поморщившись, поблагодарили его за ценные сведения. Расспросили ещё немного о внешнем виде камня и ушли, попросив не распространяться.

Аэлин нашлась во внутреннем дворе. С заряженным револьвером при себе и с обеспокоенными Кориндилем и Нарином рядом.

— Я надеюсь, эти люди не повредят господину Мэйтару, — озабоченно сказал Нарин. — После всего, что он для нас сделал...

— Надеюсь, нет, все основные вопросы были ко мне.

— Мне следует что-то знать, чтобы правильно отвечать им? — уточнил Кориндиль.

— Нет, — решил Индиран. — То, что вы знаете, это идеально. А откровенничать сейчас не стоит ни с кем, на волне шумихи.

— Я сказал доктору Вельхину, что в городе могут быть бандиты, следящие за вами, профессор Индиран, — улыбнулся Кориндиль. — В ближайшие дни он вряд ли выйдет в город.

— Превосходно. Просто великолепно.

— И что мы делаем теперь?

— Вы — отдыхаете и стараетесь избегать лишних расспросов пока что. Мы просто ждем.

— Чего?

— Известий.

— Мы не можем просто ждать, — возразила Аэлин. — Иначе совершенно изведемся. Я уже попросила у хозяина писчей бумаги, чтобы записать черновик будущего отчета. Я взяла отпуск под обязательство отчитаться обо всех находках. Советую вам всем сделать то же самое, Кориндиль, это поможет упорядочить мысли.

Индиран тоже был не прочь упорядочить мысли. Они все довольно примитивно вертелись вокруг желания выпить и ни о чем не думать. Если бы не шумиха, они бы сейчас спокойно отдыхали и беседовали с Маглором напоследок, возможно, точно так же, не покидая гостевого дома. Но как только пребывание в четырех стенах становится необходимым, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания — оно начинает бесить.

Не раз в этот день в гостевой дом пытались проникнуть любопытствующие и другие путешественники, но им господин Дор Менаг успешно противостоял.

В первый вечер Индиран запросил у хозяев бутылку крепкой настойки, частью распил ее с Вельхином, а частью выпил в одиночку, успешно выполнив поставленную задачу напиться. На следующий день он облился водой из колодца и по примеру Аэлин засел за отчет. Бумагу и перья хозяин выдал ему по первой просьбе. Вскоре Индиран с головой ушел в записи и наброски, сверяясь с черновиками в походной тетради и огрызался, если кто-то пробовал его побеспокоить.

Вечером третьего дня, когда стемнело, Маглор бесшумно зашел в усадьбу Менага со стороны переулка.

Индиран тогда сидел за столом перед керосиновой лампой и писал письмо наставнику Дурину, подробно описывая сцену жертвоприношения и борясь с желанием описать явление темного божества. Возможно, получится рассказать это лично... Эльфа он увидел лишь когда тот оказался прямо перед ним, в оранжевом свете лампы.

— Сегодня отплыли вверх по реке еще две группы, — сказал Маглор негромко. — И отбыли журналисты. В городе стало потише.

— Тебя находили господа из, так сказать, столичных газет? — спросил Индиран немедленно.

— Находили и уши. Поскольку я не планирую с ними встречаться еще раз, это пустяки.

Яхта, так любезно пустившая их на борт, покинула здешние воды, а в дороге их будет ждать неприятный сюрприз.

— Корона слишком всерьез заинтересовалась Камнем.

— Возможно, кто-то в столицах все же вспомнил, что предвещает явление Камней. Людские правители всегда очень боятся таких известий. Не любят чувствовать свою власть слишком хрупкой.

— И что ты решил?

— Я отплываю завтра в ночь, — сказал Маглор просто. — И хочу видеть вас троих на причале в десять вечера.

— И куда же на этот раз?

— Туда. Прямо туда, или никуда больше.

— Если не секрет, чем тебе так обязан хозяин дома? — не удержался Индиран.

— Я нашел, кто и чем травил его домочадцев двадцать лет назад.

— Это называется "избегать людей"...

— Люди подбрасывают загадки и иногда все же бывают благодарны. Выяснить это подобно выигрышу в азартной игре.

— Иногда затягивает?

— Не ожидаешь, — Маглор недобро усмехнулся.

Следующим вечером с наступлением темноты пристань действительно почти опустела. Вооруженных Индирана и Аэлин с Нарином на улицах никто не побеспокоил. Обе яхты уже покинули эти воды, а новое появление парохода ожидалось не ближе, чем через неделю. Катер же капитана Симбара сразу в день прибытия наняла новая группа изыскателей, и он вновь ушел к верховьям. А немногие праздные путешественники в темноте почти не покидали своих гостиниц: фонари стояли лишь на самой богатой улице города.

А здесь, на пристани, горели несколько керосиновых ламп, подвешенных на столбах, оставляя вокруг себя лишь небольшие лужицы оранжевого света. Нарин тоже принес с собой лампу, чтобы подсветить им дорогу обратно до гостевого дома. Аэлин впервые в городе открыто надела револьвер. Кажется, не столько опасаясь кого-то, сколько из твердого намерения не дать испортить им прощание.

Небольшая рыбацья лодка с мачтой колыхалась у причала. Маглор что-то укладывал на ее дно, но вот он выпрямился и махнул им рукой. Подойдя ближе, Индиран с радостью и облегчением увидел не маску Мэйтара, а настоящее прекрасное лицо эльфа и его сияющие глаза.

Шагнув из лодки им навстречу, Маглор вздохнул и обнял Индирана, стиснул так, что ребра затрещали. Потом встряхнул Нарина, тот растерянно улыбнулся. Положил руки на плечи Аэлин на несколько секунд, а потом осторожно обнял и ее тоже. Словно боялся поломать. Она снова залилась краской, заметной даже в этом слабом свете.

— Я надеюсь, сюда влезло достаточно еды, — скрывая неловкость, сказал Индиран, кивая на лодку.

— А много не нужно, — отозвался Маглор легко. Голос его совсем очистился и окреп за эти дни. — Я не возвращаюсь и не плыву слишком далеко.

— Но ведь вам еще плыть до запада Гондора, разве нет? — спросил Нарин.

— Никакой разницы, — весело сказал эльф. — Вовсе неважно, откуда плыть на Запад, которого больше нет.

— Пусть у тебя получится.

— У меня получится, — Маглор улыбался легко и весело, как никогда раньше. — Так — или иначе. Здесь я слишком устал.

Он вытащил из-под куртки самую обычную папку из плотной бумаги, протянул ее Аэлин.

— Вы спрашивали об архиве Линдара Нарiona, — улыбнулся он. — Его родич Мэйтар многое сохранил, скажешь ты ученому обществу, и передал все сбереженное в дар госпоже Верен. Я думаю, ты найдешь немало забавного и кое-что полезное в его бумагах и вещах. Распоряжайся ими как пожелаешь. Только пусть Индиран тоже покопается в моей оружейной. Обещаю, ему там понравится.

— Продолжаешь просвещать глупцов? — Аэлин печально улыбнулась.

— Последняя попытка, и ту я сваливаю на ваши плечи. Впрочем, там больше найдется добра для фантазийных романов о древности, чем для научных статей. Но одна вещь... — Усмешка Маглора была на редкость коварной. — Линдар Нарion задумывал поиск еще одной библиотеки. В древнем княжестве Кирин-Дара. И эти сведения хорошо подобраны и оставлены на видном месте. Он считал, что книжники Кирин-Дара сохранили и переписали часть более древних архивов... Я думаю, это стоит выяснить в ближайшее время. Пока там тоже не нашли каких-нибудь редких ископаемых или строительного камня.

— ...Страшно? — помолчав, спросила его Аэлин.

— Страшно, — кивнул многотысячелетний эльф. — Но либо это знак для меня... Либо пошло все к Морготу.

— Я про то, что будет потом.

— Кто знает, не окажется ли мне слишком тесно в родном волшебном краю, как взрослому в прежней детской, — отозвался Маглор медленно. — Так или иначе, я это узнаю, вот и все.

— Когда это не касается множеств людей, — сказала Аэлин, положив руку ему на рукав, — мне хочется просто верить в хорошее. Что где-то далеко не тесная детская, а просто дом, где ждут. И хозяева которого не глупцы.

— Вот я и до этого дожил, — блеснули ровные зубы в свете керосиновых ламп. — Люди говорят мне об эстель, а не я им. Даже не так. Это ты — снова — мне о ней говоришь...

— Не скажу об эстель, — помолчав, начал Индиран, — но ружья в твоей лодочке определенно не хватает.

— Мне ничего не нужно.

— Ну, вот еще, — фыркнул археолог. Снял с себя заслуженный револьвер и пояс с патронами и всучил их Маглору. — Бери и не спорь. Мало ли, какие упертые по ночам тут плавают! Кто говорил, что патроны лишними не бывают, не ты ли?

Беззвучно смеясь, Маглор опоясался подарком, погладил кобуру.

— Последний дар современной цивилизации, — кивнул он.

— Акулу на обед подстрелить, — подхватил Индиран, — пару негодяев на корм акулам отправить...

"Застрелиться, если ничего не выйдет", — не сказал он вслух.

Улыбка Маглора сделалась совсем отчаянной.

— Постарайтесь не затеряться в Последней битве, — сказал он хрипло. — Мне есть кого там искать. Найду и вас...

— Главное, попасть на нее, а там найдемся!

— Я буду чаще ходить в тир, — пообещала Аэлин. Слеза сползала у неё по щеке.

— А я займусь фехтованием, — тихо сказал Нарин.

Сбросив канат с бревна, заменявшего здесь причальную тумбу, Маглор резко оттолкнулся. Сел за весла, сделал несколько мощных гребков.

Легкий ветер вдруг прибежал с берега, растрепал волосы на непокрытой голове Нарина и блестящую темную гриву Маглора. В отсветах ламп люди еще различили, как Маглор складывает весла и подходит к мачте. Развернулся чуть светлый парус. Нежданный ветерок подхватил его и повлек лодку прочь от земли по течению Гэлханда, почти прямо на запад. Потом и светлый прямоугольник паруса затерялся в ночной темноте. Только темный силуэт парусника маячил какое-то время на фоне звезд, а затем растворился и он.

Люди стояли на причале долго, не говоря ни слова.

"Да что ж оно так быстро-то", — думал Индиран. Успел склониться к тому, что тянуть было бы хуже.

Потом, наконец, взял Аэлин под руку и сказал:

— Я выяснил сегодня, что впереди, у самой набережной, поставили таверну, открытую до поздней ночи. Предлагаю пойти туда, ведь смотреть на море лучше, когда сидишь на удобном стуле с кружкой пива в руке.

— Да, — согласилась рассеянно Аэлин. Она держала картонную папку странно неловко, готовая то ли ее немедленно открыть, то ли швырнуть ее в море.

— К тому же, нам определенно есть, что обсудить. Целую библиотеку. Ты хоть что-нибудь знаешь о Кирин-Дара?

— Не моя тема, — она немного очнулась. — Это же Умбарский университет ведет раскопки старой столицы, а не мы. Впрочем, наши востоковеды туда ездили...

— Только представь себе, сколько будет поводов поспорить и хорошенько поссориться!

— Можно начинать сейчас. Наши востоковеды, помнится, рассказывали, что одни историки приписывают этому региону единобожие, принесенное с запада в конце династии Телконтаров, а другие, преимущественно умбарцы, настаивают на традиционном харадском многобожии. Свидетельства, как я понимаю, есть и тому и другому... Тьфу.

— Да, я бессовестно пытаюсь заболтать тебя, — согласился Индиран.

— А ведь могла бы стоять там в одиночестве и предаваться терзаниям. Безобразие. Что подадут в той таверне, есть ли там крепкое?

— Там точно есть мясо и пиво, вот все, что я знаю.

Таверна была одна такая храбрая на недавно обновленной прибрежной улице. Плетеные стулья и кресла выставили прямо вдоль нее, чтобы приезжие могли пить вино и предаваться безделью и созерцанию в любое время суток.

Археологи сдвинули три кресла и поставили между ними столик из ящика для фруктов. Хозяин принес им стаканы и бутылку рома на подносе.

— У меня есть одно неприличное предложение, — сказал Индиран, осторожно наливая ром в маленькие глиняные стаканчики. — Если мы были в своих угрозах неубедительны, и старый пивной моралист Вельхин попытается тебе навредить сплетнями...

— То что? — Аэлин мрачно опрокинула свой стакан и даже не поперхнулась.

— Я предлагаю тебе официальный брак. Это убережет от любых недоброжелателей.

— Ты издеваешься, — сказала она зло. — Потерять право работать без твоего разрешения? Потерять управление своим имуществом? Я еще не сошла с ума!

— Я же говорил, ты плохо знаешь Южный Умбар. Я предлагаю договорной брак по новоумбарски, с подписанным при свидетелях документом, где оговаривается все, что угодно. Право жены на свое имущество. Право на раздельное проживание. Право на немедленный развод по желанию любой стороны. И этот брак признается в Гондоре как подчиненной Умбару стране.

— Хм... — отозвалась Аэлин уже менее резко.

— Если угодно, я предлагаю тебе свою дружескую руку и свою лопату. Потому что вдвоем пробить разрешение на совместную экспедицию в Кирин-Дара будет гораздо проще, если мы окажемся в браке.

— Проще говоря, ты пытаешься меня придержать, чтобы я не сбежала в Гондор с архивом, откупившись от тебя собранием убойного эльфийского железа неустановленной, хотя и наверняка заоблачной, цены?

— Примерно так! — подтвердил Индиран. — Я здесь исключительно эгоистичен. В строго научном смысле.

— А на стоимость эльфийского оружия, — продолжила она задумчиво, — наверняка можно организовать экспедицию самостоятельно, не дожидаясь помощи и не отчитываясь о каждой монете...

— Все на продажу не отдам! — возмутился Индиран. — У меня в доме отличный настенный ковер, а там всего-то жалкие два кхандских скимитара и харадский щит с бирюзой.

— Это ужасно, — мрачно согласилась она в пустой стаканчик.

Нарин сидел, краснея и стесняясь, ром в его стакане почти не убывал.

— Я подумаю, — сказала Аэлин наконец. — Нет, мне уже хочется посмотреть в глаза декану Гварету, когда я ему об этом сообщу... К слову об эгоизме.

— Я думаю, два уважающих друг друга эгоиста между собой всегда договорятся! — уверенно заявил Индиран, любуясь ее профилем на фоне темного моря.

— Посмотрите! — воскликнул вдруг Нарин шепотом.

Звезда вспыхнула точно на горизонте нежным бело-золотым светом. Они замолчали.

Подошел сонный хозяин и спросил, будут ли господа еще пить и есть. Индиран торопливо отсчитал ему деньги, заказал что-то, не глядя. Попросил принести пледы, если найдутся.

— Странное какое дело, — сказал обеспокоенно хозяин. — Звезды такой не было нигде! Я у моря всю жизнь живу, такого не помню! Не к добру это...

— Красивая, — невпопад ответил ему Нарин.

— Знаете, — начал Индиран, — ученые сейчас узнали, что самые обычные звезды иногда способны вспыхивать ярким светом и потом медленно угасают...

— Чего только не выдумают, чтобы королевские деньги получить, — проворчал хозяин, уходя исполнять заказ.

Они сидели молча, закутавшись в пледы, и ждали, когда же звезда уйдет за горизонт. Но она упрямо светила, чуть уменьшаясь, словно уходя прямо все дальше и дальше. Пока вдруг не погасла — уже перед самым рассветом.

И им сделалось очень спокойно и грустно.

*

Эпилог

В лекционном зале номер два университета Минас-Тирита обычно собирали журналистов, так уж повелось. Это был лучше всего сохранившийся после всех ремонтов средневековый зал, отделанный темным деревом, с резной кафедрой из старого дуба, на которой так торжественно смотрят седобородые профессора в парадных плащах.

Впрочем, у сегодняшних выступающих бород не было. Бородами щеголяли некоторые преподаватели, с сомнением глядевшие на выступление с почетных верхних мест. Журналисты и студенты толпились внизу.

Повод был достойный — не каждый раз обнаруживают архив знаменитого ученого!

— Согласно дарственной, госпожа профессор Аэлин Верен получила в полное распоряжение архив доктора Линдара Нарiona от его наследника, с единственным условием

— использовать его на благо науки. Архив хранился в двух местах: в частном доме в кхандском городе Исме и в выкупленном некогда семьей Нарiona склепе на одном из старых кладбищ умбарской столицы. Госпожа Верен согласилась на мою помощь в перевозке архива и в работе с его материалами. Знаете, я считаю Линдара Нарiona первым своим наставником, и для меня большая честь разделить эту работу с госпожой Верен. Я полагаю, что вечное соперничество между университетами Умбара и Минас-Тирита должно быть в этом случае отложено ради совместной работы. Мы с госпожой Верен сейчас работаем над тем, чтобы воплотить последнюю задуманную доктором Нарионом задачу — поиск и раскопки древнего святилища в Кхандском княжестве Кирин-Дара. По найденным им сведениям, оно было центром переписки древних книг, подобно Харадзо-Даро, но действовало за тысячу с лишним лет до нее. Сведения из архива позволяют приблизительно установить, где расположено святилище, и уже этой весной туда отправится разведывательная экспедиция. Если изыскания будут успешными, мы начнем там раскопки при поддержке обоих университетов, — закончил выступление Индиран Диор с той самой кафедры.

— Профессор Верен много раз неодобрительно отзывалась о ваших исследованиях и выводах, — воскликнул один из журналистов. — А теперь вы собираетесь работать вместе?

— Поверьте, я собираюсь критиковать его также беспощадно, как раньше, — заявила Аэлин, стоявшая рядом. — Профессору Индирану свойственно преувеличивать и выдавать необдуманные сенсационные заявления. Полезно, если кто-то будет ему возражать.

— Профессор Диор, — влез следующий газетчик, — какие именно отношения связывают вас с профессором Верен после этой поездки? О вас говорят разное...

— Профессор Верен оказала мне честь, согласившись стать моей невестой, — заявил надменно Индиран, — и никаких других обсуждений наших личных обстоятельств я сейчас вести не намерен.

На почетных местах воцарилась задумчивая тишина.

— А вы не боитесь, что она вас пристрелит в случае ссоры, как тех бандитов? — выкрикнул кто-то из толпы.

— Мне показалось, или вы назвали меня трусом? — поинтересовался Индиран в пространство. Голоса затихли на несколько секунд, затем шум возобновился.

— Необдуманные заявления — это как с находкой Сильмарилла в прошлом году? — осведомился другой газетчик, как ни в чем не бывало.

— К сожалению, — пояснил Индиран, — установить, что за камень тогда отыскивали кхандцы, уже не удастся. Как я не раз рассказывал, удивительный камень был утрачен во время спасения профессора Верен. Сохранить его не удалось, он сгинул в озере магмы.

— Но ведь если это Сильмарилл, его нельзя уничтожить, согласно поэме "Нолдолантэ"! — воскликнул журналист.

С места поднялся Нарин в парадном костюме и, немного стесняясь, пояснил, что современные наука и техника не способны устроить изыскания в магмовом подземном озере, и пройдет еще лет сто, прежде чем удастся провести такие поиски и создать настолько тугоплавкие материалы и жаропрочные костюмы.

То же самое он повторял уже дважды перед умбарскими газетчиками, но те, кажется, все ещё не верили. Вернее, напротив, очень верили в современную науку и считали возможным чуть ли не в ближайшие годы осушить магмовое озеро подручными средствами.

Теперь на кафедру вышла Аэлин. Выступать перед прессой она никогда не любила, и

сейчас Индиран видел, что она раздраженно поправляет очки перед тем, как начать. Он ободряюще кивнул ей.

— Я хочу дополнить слова моего коллеги Индирана, — сказала Аэлин. — Помимо научных планов, я нашла в архиве Линдара Нарiona другие очень интересные материалы. Доктор Нарion, оказывается, задумывал большой историко-литературный труд и вложил много сил в его подготовку, но по какой-то причине не смог его начать. Я нашла множество заметок, набросков и сведений, приготовленных им для целого цикла историко-фантастических романов для молодежи о жизни и приключениях бессмертного эльфа среди людей. Главным героем он хотел сделать одного из персонажей "Нолдолантэ", сына Феанора, певца и воина Маглора. По его замыслу, Маглор сам наказал себя за участие в междоусобицах эльфов вечным изгнанием и много тысяч лет он тайно жил среди людей. Записи доктора Нарiona содержат материалы, по меньшей мере, для дюжины романов о приключениях бессмертного героя в разные периоды истории — в Умбаре, Хараде, Кханде, землях Рун и в древнем Каттае. Его целью, несомненно, было таким причудливым образом пробудить у молодых людей интерес к истории, поскольку фантастический герой у него должен был действовать на широком фоне реальных исторических событий. В частности, в период Полусотни Царств Каттая, в годы Собирания земель королями Умбара три тысячи лет назад, в период упадка Харада и в другие переломные моменты истории. Материалов он собрал достаточно и даже отчасти набросал замыслы сюжетов книг. Посоветовавшись с моими родственницами, писательницами сестрами Верен, я решила попытаться осуществить замысел доктора Нарiona и с помощью профессора Индирана Диора написать эти романы.

Журналисты загудели.

— Я бы сказал, это более подходящее женщине занятие — писать книги — чем раскапывать могильники, — заметил декан Гварет. — Такой, как Индиран, пожалуй, сможет удержать ее в руках.

— Вы думаете, она откажется от раскопок и преподавания? — хмыкнул старый доктор Немрис, пожевав ус. — После того, как отстреливала фанатиков? Лучше не предлагайте ей это.

— Это выдумки студентов, про стрельбу, я считаю, — твердо сказал Гварет.

— Слишком дружные выдумки, — заметил Немрис. — Вы никогда не видели ее в тире?

— Нет, но...

— А сходите, поглядите. Расскажите старикам.

— А что говорит Вельхин?

— Вельхин сразу переходит на восхваление самопожертвования Фэрамира и храбрости студентов. И еще иногда ворчит о падении нравов, намекая на что-то безобразное.

— Что ж вы до сих пор с ним не пили вместе? — укоризненно сказал Немрис. — Некогда? Придется самому с ним посидеть, напоить, расспросить... Бедная моя печень.

Внизу профессор Верен прикрепляла к доске несколько больших черно-белых рисунков.

— Я не знаю, хватит ли у меня времени самой создать рисунки к этим книгам, — сообщила она, — но я уже нарисовала портреты главного героя на основе описания из поэмы и заметок доктора Нарiona. И я буду постоянно советоваться с художниками, чтобы они изображали костюмы и оружие персонажей в соответствии с историческим периодом.

— Вы профессионально рисуете, профессор Верен?

— Я два года училась на Высших художественных курсах для женщин, прежде чем добилась поступления на исторический факультет, — сообщила та. — Это пригодилось на

раскопках, чтобы самостоятельно зарисовывать находки и копировать настенные росписи.

...Портретом Маглора Аэлин очень гордилась. Не зря она делала с него зарисовки и наброски на обратной дороге, а потом вложила все силы в эти рисунки.

Даже если нас ждет впереди конец света, приговаривала она, это не повод забывать о прошлом. В Последней битве важно помнить, на чьей стороне стоит воевать.

Маглор улыбался журналистам со своего портрета. Ему действительно очень шли харадские доспехи и одежда середины Шестой эпохи.

Больше книг на сайте - Knigoed.net